

Сага о Рейневане

Анджей Сапковский

Сага о Рейневане. Башня шутов

«Издательство АСТ»

2002

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84 (4Пол)-44

Сапковский А.

Сага о Рейневане. Башня шутов / А. Сапковский —
«Издательство АСТ», 2002 — (Сага о Рейневане)

ISBN 978-5-17-114617-7

В лето Господне 1420-е конец света не наступил. Хоть многое говорило о том, что наступит. Не наступили Дни Искупления и Возмездия, предваряющие приход Царствия Божия. Не был – хоть и завершилось тысячелетие – освобожден из заточения своего Сатана. Мир не погиб и не сгорел. Во всяком случае – не весь. Но все равно было весело. Особенно юному Рейнмару из Беявы, также известному как Рейневан – травнику, ученому медику и немного чернокнижнику, романтику и идеалисту, в меру поэту и не в меру, как считали иные, дамскому угоднику. И уж особенно – после того, как родственники некоего весьма ревнивого рыцаря прихватили его, что называется на жареном. А дальше закрутилось, понеслось: ожидаемые недруги и неожиданные друзья, грязные трюки и чистое волшебство, тесные узилища и бесконечные дороги Силезии, смерть, любовь и ветер, в котором даже смрад костров Святой Инквизиции не способен перебить запаха перемен. Нет, это совсем не «Сага о ведьмаке». Это – начало «Саги о Рейневане», блистательной трилогии Анджея Сапковского, посвященной эпохе гуситских войн. Впервые – с иллюстрациями Дениса Гордеева!

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84 (4Пол)-44

ISBN 978-5-17-114617-7

© Сапковский А., 2002
© Издательство АСТ, 2002

Содержание

Глава первая,	10
Глава вторая,	20
Глава третья,	34
Глава четвертая,	43
Глава пятая,	54
Глава шестая,	64
Глава седьмая,	74
Глава восьмая,	87
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Анджей Сапковский

Сага о Рейневане. Башня шутов

Andrzej Sapkowski
SAGA O REYNEVANIE
Narrenturm

Copyright © Andrzej Sapkowski, 2002
© Е. П. Вайсброт, наследники, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

В лето Господне 1420-е конец света не наступил. Хоть многое говорило о том, что наступит.

Не оправдались мрачные пророчества хилиастов, предсказывавших дату Конца вполне точно, а именно в первый понедельник февраля месяца 1420 года после святой Схоластики¹. Ну что же, кончился понедельник, потом вторник, затем среда – и ничего. Не наступили Дни Искупления и Возмездия, предвещающие приход Царствия Божия. Не был – хоть и завершилось тысячелетие – освобожден из заточения своего Сатана и не вышел, дабы обольщать народы в четырех углах Земли. Не сгинули от меча, огня, глада, града, клыков хищников, скорпионьих жал и змеиного яда все грешники мира и супротивники Бога. Тщетно ожидали верные пришествия Мессии на горах Фавор, Беранек, Ореб, Сион и Оливной, впустую ожидали второго пришествия Христа *quinque civitates*², названные в пророчестве Исайи пять избранных городов, которыми сочли Пильзно, Клатовы, Лоуны, Сланы и Жатец. Конец света не наступил. Мир не погиб и не сгорел. Во всяком случае – не весь.

Но все равно было весело.

Нет, похлебка и впрямь что надо, густая, пряная, да и жира не пожалели. Давненько я такой не пробовал. Благодарствуйте, многоуважаемые, за угощение, благодарствую и тебя, корчмарь. Не побрезгаю ли, спрашиваете, пивом? Нет, пожалуй, нет. Если позволите, то с удовольствием. *Comedamus tandem, et bibamus, cras enim moriemur*³.

Не было конца света в 1420 году, не было и год спустя, и два, и три, и даже четыре. Все текло, я бы так сказал, своим естественным порядком: шли войны, множился мор, неистовствовала *mors nigra*⁴, распространялся глад. Ближний убивал и обворовывал ближнего, алкал жены его и вообще был ему волк волком. Евреям то и дело устраивали какой-никакой погромчик, а еретикам – костерок. Из новенького же – скелеты в потешных прыжках отплясывали на кладбищах, смерть с косой шагала по Земле, инкуб ночью вскальзывал меж дрожащих ляжек спящих девиц, одинокому ездоку на урочище стрыга усаживалась на шею. Дьявол явно вмешивался в повседневные дела и кружил промеж людей *tanquam leo rugiens*, аки лев рыкающий, ищущий, кого бы пожрать.

Много в то время скончалось достойных людей. Нет, конечно, и родилось немало, но как-то уж повелось, что даты рождений по странности в хрониках не записывают и никто их

---

¹ 10 февраля по Григорианскому календарю. – Здесь и далее примечания переводчика, кроме особо оговоренных случаев.

² Пять городов (лат.).

³ Только глупец может откладывать еду и выпивку на завтра (лат.).

⁴ Черная смерть (чума).

толком не помнит. Ну, может, только матери, да еще в тех случаях, когда у новорожденного оказывалось две головы или по меньшей мере два кутаса⁵. А вот коли смерть, ну, тут уж дата точная, будто в камне высечена.

Так в 1421 году, в понедельник после Средапостного воскресенья, умер, прожив отмеренные шестьдесят лет, в Ополе Ян *apellatus*⁶ Кропидло, князь пястовских кровей и *episcopus vlocclaviensis*⁷. Перед смертью он пожертвовал городу Ополе шестьсот гривен. Говорят, часть этой суммы пошла во исполнение воли преставившегося на известный опольский бордель «У рыжей Кунди». Услугами этого заведения, размещавшегося на задах монастыря Младших Братьев⁸, епископ-гуляка пользовался до самой кончины, правда, под конец жизни только в качестве зрителя.

Летом же – точной даты не упомяну – года 1422-го умер в Венсене король английский Генрих V, победитель под Азинкуром. Пережив его всего на два месяца, преставился король Франции Карл VI, к тому времени уже пять лет как вконец свихнувшийся. Корону возжелал получить сын безумца, дофин Карл. Однако ж англичане не признали его прав. Да ведь и сама матушка дофина, королева Изабелла, уж давно объявила его внебрачным сыном, зачатым в некотором удалении от супружеского ложа с вполне нормальным мужчиной. А поскольку незаконнорожденные престол не наследуют, законным монархом Франции стал англичанин, сын Генриха V, малолетний Генричек, всего-то девяти месяцев от роду. Регентом же во Франции стал дядя Генричка, Джон Ланкастер, герцог Бедфорд. Этот на пару с бургундцами держал Северную Францию с Парижем, югом же владели дофин Карл и Арманьяки. А промеж их владений среди трупов на побоищах были псы.

А в году 1423-м на Троицын день умер в замке Пенискола близ Валенсии Петр де Луна, авиньонский папа, проклятый схизматик, до самой смерти вопреки решениям двух соборов именовавший себя Бенедиктом XIII.

Из других, что в то время померли и которых я помню, скончался Эрнест Железный Габсбург, властитель Штирии, Каринтии, Краины, Истрии и Триеста. Умер Ян Рацибор, князь пястовской крови, а одновременно и пшемыслинской. Помер молодым Вацлав, *dux Lubiniensis*, умер князь Генрик, на пару с братом Яном правивший в Зембицах. Умер на чужбине Генрик *dictus* Румпольда, князь Глогова и ландвойт Верхних Лужиц. Умер Миколай Тромба, архиепископ гнёзненский, муж благородный и умный. Умер в Мальборке Михель Кюхмайстер, Великий Магистр Ордена Пресвятой Девы Марии. Умер также Якуб Ленчак по прозвищу Рыба, мельник из-под Бытома. Ну конечно, признать надо, был он менее знаменитым и известным, нежели вышеназванные, зато я знал его лично и даже пивал с ним. А с теми, что перечислены ранее, мне пивать как-то не доводилось.

Немаловажные события также и в культуре в те времена происходили. Проповедовал вдохновенный Бернардин Сиенский, проповедовали Ян Канти и Ян Капистран, поучали Ян Джерсон и Павел Влодковиц, писали поучения Кристина из Пизы и Фома Кемпийский. Писал свою превосходную хронику Вавжинец из Бжезовой, писал иконы Андрей Рублев, писал Томасо Масаччио, художествовал Роберт Кемпин; Ян ван Эйк, придворный живописец короля Яна Баварского, творил для кафедрального собора Святого Бавона в Генте «Алтарь Мистического Агнца», вельми прелестный полиптих, украшающий ныне часовню Йодокуса Выда. Во Флоренции мэтр Пиппо Брунеллески окончил строительство пренаичудеснейшей часовни над четырьмя нефами церкви *Santa Maria del Fiore*, да и мы в Силезии не хуже – у нас господин Петр из Франкенштейна окончил в городе Ниса строительство весьма пышной церкви, посвя-

⁵ Фаллос (*прост.*).

⁶ По прозвищу (*лат.*).

⁷ Влоцлавский епископ (*лат.*).

⁸ Орден францисканцев-миноритов (*Fratrum Minorum*).

щенной святому Иакову. Это совсем от Малича недалеко. Кто не бывал и не видел, может побывать и увидеть.

В том же 1422 году, в самую Масленицу, в городе Лида с великой помпой отметил свои годы старый литвин, польский король Ягайло – взял в жены Софью Гольшанскую, девушку в расцвете сил, молоденькую, семнадцатилетнюю, больше чем на полста лет моложе себя. Поговаривали, девица та больше красотой, нежели поведением славилась. Ну, так и забот потом с ней была уйма. Но Ягайло, будто напрочь забыв, как следует тешить юную супружницу, уже в начале лета отправился воевать прусских господ, крестоносцев, стало быть. А потом новому – после Кюхмайстера – Великому Магистру Ордена, господину Павлу Руссдорфскому, чуть ли не сразу после вступления в сан довелось ознакомиться – и крепко – с польским оружием. Как там в Сонкином ложе под балдахинем у Ягайлы дело шло, сказать трудно, но чтобы набить крестоносцам морды, Ягайле силенок хватило. Ходом вещей и в Чешском королевстве много серьезного в то время творилось. Великое там было возбуждение, большой крови разлив и непрекращающаяся бойня. О чем мне, впрочем, никак говорить нельзя. Соболаговолите, уважаемые, простить деда, но страх – свойствие человеческое, а мне уже не раз доставалось по шеем за лишнее слово. Ведь на ваших, господа, куртках я вижу польские перевязи и отличия, а на ваших, благородные чехи, петухов панов из Доброй Воды и стрелы рыцарей из Стракониц... А вы, воинственный муж Цеттриц, о зубровой голове в гербе мечтаете. А о ваших, господин рыцарь, косых шашечках и грифах я даже сказать ничего не сумею. Да и не исключено, что ты, брат-францисканец, не доносишь *Sanctum Officium*⁹, а то, что вы, братья-доминиканцы, доносите, то это уж как пить дать. Потому, сами понимаете, мне в таком международно-разбойном обществе никак невозможно о чешских делах распространяться, не зная, кто тут за Альбрехта стоит, а кто за польского короля и королевича. Кто за Менгарта из Градца и Олдржиха из Рожмберка, а кто за Гинка Пташку из Пиркштайна и Яна Колду из Жампаха. Кто тут сторонник Спытка, окружного правителя из Мельштына, а кто – епископа Олесьницкого. А меня вовсе не тянет быть побитым. Я ведь знаю, что получу, потому как уж несколько раз доставалось. Спрашиваете, как так? А вот так: ежели ляпну, что в те времена, о которых я болтаю, brave чешские гуситы крепко отделали немцев, один за другим в пух и прах раздолбав три папских крестовых похода, то того и гляди получу в лоб от одних. А скажу, что тогда в битвах под Витковым Вышеградом, Жатцем и Немецким Бродом еретики победили крестоносцев с дьявольской помощью, то возьмут меня в переделку другие. Так что лучше уж помалкивать, а если что и сказать, так беспристрастно, как и пристало сообщающему, изложить дело, как говорится, *sine ira et studio*¹⁰, кратко, хладно, по-деловому, и никаких замечаний от себя не добавлять.

Потому я и скажу кратко: осенью 1420 года польский король Ягайло отказался принять чешскую корону, которую ему предлагали гуситы. В Кракове придумали, что корону ту примет литовский *dux* Витольд, которому всегда королевствовать хотелось. Однако, чтобы ни кесаря римского Сигизмунда, ни папу римского чересчур-то не раздражать, послали в Чехию Витольдова кузена Сигизмунда, сына Кобыбуты. Кобыбутович во главе пяти тысяч польских рыцарей прибыл в Злату Прагу в 1422 году как раз на святого Станислава¹¹. Однако уже на Трех Царей¹² следующего года князьку пришлось возвратиться в Литву – так зарились на это чешское наследство Люксембуржец и Одо Колонна – Святой Отец Мартин V. И что скажете? Уже в 1424 году, на Благовещение, Кобыбутович снова явился в Прагу. На сей раз уже наперекор Ягайле и Витольду, наперекор папе, наперекор римскому кесарю. Как призванный и изгнанный. Во главе себе подобных призванных. И уже не тысячи, как прежде, а всего лишь сотни

⁹ *Inquisitio haereticae pravitatis, Sanctum Officium* – инквизиция.

¹⁰ Без гнева и пристрастия (*um.*).

¹¹ 11 апреля.

¹² Трех волхвов – 6 января.

насчитывающих... В Праге же переворот, как Сатурн пожирал собственных детей, так и здесь лагерь боролся с лагерем. Яна из Желива, обезглавленного в понедельник после поминального воскресенья 1422 года, уже в мае того же года оплакивали во всех церквях как мученика. Твердо так же противилась Злата Прага Табору, но тут нашла коса на камень. То есть на Яна Жижку, великого воина. В лето Господне 1424 года, на второй день после июньских нон¹³, под Маслешовом у речки Богинки Жижка преподавал пражанам жуткий урок. Много, ох много было в Праге после той битвы вдов и сирот.

Как знать, может, и верно сиротские слезы стали причиной того, что потом, в среду перед Гавлом, помер в Пшибыславе неподалеку от моравской границы Ян Жижка из Троцкого, а опосля из Калиха. А погребли его в Карловом Граде; там он и лежит. И как до того одни лили слезы из-за него, так теперь другие оплакивали его самого. Что осиротил их. И потому назвали себя Сиротами...

Но ведь это-то помнят все. Потому как совсем недавние это были времена. А кажутся такими... историческими.

Знаете, господа, как узнать, что время идет историческое? Просто всего происходит очень много и быстро.

Конец света, как сказано, не наступил. Хоть многое указывало на то, что наступит. Ведь начинались – точнехонько как говорили пророчества – большие войны, и большие несчастья достались люду христианскому, и множество мужей тогда сгинуло. Казалось, сам Бог хочет, чтобы пришествие нового порядка предварила гибель старого. Казалось, что приближается Апокалипсис. Что десятирогий Зверь выползает из бездны. Что вот-вот прогремят трубы и будут сломаны печати. Что низвергнется огонь с небес. Что упадет Звезда Полынь на треть рек и на источники вод. Что человек, увидя след ноги другого на пепелище, примется след тот со слезами целовать.

Порой было так страшно, что, с вашего позволения, аж жопа съеживалась.

Страшное было это время. Злое. Скверное. И ежели пожелаете, господа, расскажу о нем. Ну, так просто, чтобы скуку забить, прежде чем прекратится непогода, что нас тут держит.

Расскажу я вам, если на то будет ваше желание, о том времени, тех людях, которые жили в те времена, и о тех, которые жили, но людьми вовсе не были. Расскажу о том, как и те, и другие боролись с тем, что им то время принесло. С судьбой и с самими собою.

Начинается эта история мило и приятно, туманно и чувственно, радостно и трогательно. Но пусть это вас, любезные господа, не обманывает...

Пусть не обманывает.

---

¹³ Седьмой день в марте, мае, июле и октябре. В остальных – пятый.

Глава первая,

в которой читатель имеет возможность познакомиться с Рейнмаром из Белявы, именным Рейневаном, причем сразу со всех его наилучших сторон, включая беглое знание *ars amandi*, секреты конной езды, тайны Ветхого Завета, не обязательно именно в такой последовательности. Глава повествует также о Бургундии, как в узком, так и в широком смысле.

В раскрытое окно комнаты на фоне темного еще после недавней бури неба виднелись три башни: ратуши, самой близкой, чуть подальше – стройной, горящей на солнце новенькой красной черепицей колокольни Святого Иоанна Богослова, а за ней широкого округлого донжона княжеского замка. Вокруг церковной колокольни вились ласточки, напуганные недавним колокольным звоном. И хотя колокола довольно давно отзвенели, перенасыщенный озоном воздух все еще, казалось, продолжал вибрировать¹⁴.

Совсем недавно звонили колокола церковью Пресвятой Девы Марии и Тела Господня – однако эти колокольни не были видны из окна комнатки на мансарде деревянного дома, будто ласточкино гнездо прилепившегося к комплексу августинского приюта и монастыря.

Был час сексты¹⁵. Монахи завели «*Deus in adiutorium*»¹⁶. А Рейнмар из Белявы, которого друзья называли Рейневаном, поцеловал вспотевшую ключичку Адели фон Стерча, высвободился из ее объятий и, тяжело дыша, пристроился рядышком на постели, горячей от любви.

Из-за стены, со стороны Монастырской улицы, доносились крики, громыхание телег, глухой гул пустых бочек, певучий звон оловянной и медной посуды. Была среда, базарный день, как обычно, привлекающий в Олесьницу множество торговцев и покупателей.

*Memento, salutis Auctor
quod nostri quondam corporis,
ex illibata virgine
nascendo, formam sumpseris,
Maria mater gratiae,
mater misericordiae,
tu nos ab hoste protege,
et hora mortis suscipe...*¹⁷

«Уже распевают гимн, – подумал Рейневан, расслабленно обнимая родившуюся в далекой Бургундии Адель, жену рыцаря Гельфрада фон Стерчи. – Уже гимн. Прямо не верится, до чего быстро пролетают мгновения счастья. Так хочется, чтобы они длились вечно. Ан нет – проносятся, словно сон...»

– Рейневан... *Mon amour*¹⁸... Мой божественный мальчик... – Адель хищно и ненасытно прервала его дремотные мысли. Она тоже ощущала преходящесть времени, но явно не хотела транжирить его на философские размышления.

---

¹⁴ Искусство любви (лат.).

¹⁵ Молитва, читаемая около полудня, через шесть часов после восхода солнца.

¹⁶ «Боже, да будет воля твоя» (лат.).

¹⁷ Перевод латинских гимнов, выражений, озорных песен, сведения библиографического характера, а также различные любопытные замечания читатель найдет в конце книги. Однако – заранее предупреждаем – не все. Ведь повествование о Рейневане – литературный вымысел, хоть и точно исторически документированный, однако же свободный от чересчур благоговейного отношения к источникам. Кроме того, в приложениях I и II даны формы и виды рыцарских шлемов и деталей лат того времени.

¹⁸ Любовь моя (фр.).

Адель была совершенно, полностью, ну то есть абсолютно голой.

«Что город, то норы, что деревня, то обычай, – думал в это время Рейневан. – Как же интересно познавать мир и людей. Женщины из Силезии и немки, к примеру, стоит дойти до главного, позволяют подтянуть их рубашку не выше пупка. Польки и чешки поднимают сами, к тому же охотно, выше груди, но ни за что не снимут совсем. А вот бургундки, ну, эти мгновенно сбрасывают все, видать, их горячая кровь во время любовного упоения не терпит на коже ни лоскутка. Ах, какая прелесть – познавать мир! Нет, похоже, Бургундия распрекрасная страна. Роскошным должен быть тамошний ландшафт. Высокие горы... Крутые холмы... Долины...»

– Ах, аааах, *mon amour*, – стонала Адель фон Стерча, прижимаясь к рукам Рейневана всем своим бургундским ландшафтом.

Рейневану, кстати, было двадцать три года, и с миром он ознакомился, вообще-то говоря, не очень широко. Знал с полдюжины чешек, еще меньше силезок и немок, одну польку, одну цыганку – что же до прочих народностей, то лишь один раз... получил отказ от венгерки. Так что его эротические экспериенции¹⁹ никоим образом нельзя было отнести к разряду обширных, более того, откровенно говоря, они были достаточно мизерны как количественно, так и качественно. Тем не менее он ими гордился и даже порой задира нос. Рейневан, как каждый переполненный тестостероном юноша, считал себя крупным соблазнителем и знатоком любовных дел, от которого у прекрасной половины человечества нет никаких тайн. Однако истина состояла в том, что за одиннадцать встреч с Аделью фон Стерча Рейневан узнал об *ars amandi* больше, нежели за все трехлетнее пребывание в Праге. Однако так и не усек, что именно Адель учит его. Он был убежден, что тут все дело в его старомодных талантах.

*Ad te levavi oculos meos
qui habitas in caelis
Ecce sicut oculi servorum
ad manum dominorum suorum.
Sicut oculi ancillae in manibus dominae suae
ita oculi nostri ad Dominum Deum nostrum,
Donec misereatur nostri
Miserere nostri Domine...*

Адель ухватила Рейневана за шею и потянула на себя. Рейневан, схватившись за то, за что следовало, любил ее. Любил крепко и самозабвенно и – словно этого было мало – шептал ей на ушко заверения в любви. Он был счастлив. Очень счастлив.

Переполнявшим его сейчас счастьем Рейневан был обязан – не напрямую, конечно, – святым угодникам. А дело было так.

Чувствуя раскаяние за какие-то грехи, известные только ему и его исповеднику, силезский рыцарь Гельфрад фон Стерча отправился в покаянное паломничество к могиле святого Иакова. Но по дороге изменил планы. Решил, что до могилы явно далековато, а поскольку святой Изя²⁰ тоже не у сороки из-под хвоста вывалился, то вполне достаточно дойти до Сент-Жилье. Впрочем, добраться до Сент-Жилье Гельфраду также не было дано. Доехал он только до Дижона, где случайно познакомился с шестнадцатилетней бургундкой, очаровательной Аделью де Бовуазен. Адель, совершенно пленившая Гельфрада, была сиротой. Два ее брата – гуляки и вертопрахи – не моргнув глазом выдали сестренку за силезского рыцаря. Хотя по

¹⁹ Опыт, знание дела (*устар.*).

²⁰ Уменьшительное (шутливое) от Израэль, он же Иаков.

разумению братьев Силезия лежала где-то между Тигром и Евфратом, тем не менее Стерча показался им идеальным зятем, поскольку не очень-то препирался, выговаривая приданое. Так вот и попала бургундка в Генрихдорф, село под Зембицами, землями, пожалованными Гельфраду короной. А в Зембицах, уже как Адель фон Стерча, она приглянулась Рейневану из Белявы.

Взаимно.

– Ааааах! – выдохнула Адель фон Стерча, сплетая ноги на спине Рейневана. – Ааааааааах!

Дело никогда бы не дошло до этого аааханья и все кончилось перемигиванием да незаметными посторонним жестами, если б не третий святой – Георгий. Потому как именно Георгием-то, как и остальные крестоносцы, клялся и присягал Гельфрад, присоединяясь в сентябре 1422 года к которому-то там по счету антигуситскому крестовому походу, организованному курфюрстом бранденбургским и маркграфами Майсена. Крестоносцы в те времена особыми успехами похвастаться не могли, ибо вошли в Чехию и довольно скоро из нее вышли, вообще не рискнув вступать с гуситами в бой. Но хоть боев и не было, однако без жертв не обошлось, и одной из них оказался как раз Гельфрад Стерча, получивший серьезный перелом ноги при падении с коня и теперь, как следовало из посылаемых родным писем, продолжавший лечиться где-то в Плайссенланде. Адель же, соломенная вдовушка, проживавшая в то время у родственников мужа в Берутове, могла без помех встречаться с Рейневаном в комнатке при олесьницком монастыре августинцев, неподалеку от больницы, при которой Рейневан содержал свой кабинет.

Монахи церкви Тела Господня запели второй из трех псалмов сексты. «Надо поспешить, – подумал Рейневан. – Как только они начнут *capitulum* и далее – *Kyrie*, но ни минутой позже, – Адель должна исчезнуть с территории больницы. Ее здесь никто не должен видеть».

*Benedictus Dominus
qui non dedit nos
in captionem dentibus eorum.
Anima nostra sicut passer erepta est
de laqueo venantium...*

Рейневан поцеловал Адель в бедро, а потом, воодушевленный пением монахов, вдохнул поглубже и погрузился в нард и шафран, в аир и корицу, в мирру и алой с лучшими ароматами²¹. Напружинившаяся Адель протянула руки и впиалась ему пальцами в волосы, мягкими движениями бедер помогая его библейским начинаниям.

– Ох, ооооох... *Mon amour. Mon magicien*²². Божественный мальчик... Чародей...

*Qui confidunt in Domino, sicut mons Sion
non commovebitur in aeternum,
qui habitat in Hierusalem...*

«Уже третий псалом, – подумал Рейневан. – Как же летят мгновения счастья».

– *Reververe*²³, – промурлыкал он, опускаясь на колени. – Повернись, повернись, Суламиточка...

---

²¹ Почти точный пересказ 14-го стиха 4-й главы «Песни Песней» Соломона.

²² Мой волшебник (фр.).

²³ Повернись (фр.).

Адель повернулась, опустилась на колени и наклонилась, крепко ухватившись за липовые доски изголовья и подставив Рейневану всю обольстительную прелесть своего реверса. «Афродита Каллипига», – подумал он, приближаясь к ней. Античная аналогия и эротическая картинка сделали свое дело: приближался он не хуже недавно упомянутого святого Георгия, атакующего дракона направленным копьем. Стоя на коленях позади Адели, будто царь Соломон за одром из дерева ливанского, он обеими руками ухватил ее за виноградинки Енгедские²⁴.

– С кобылицей в колеснице фараоновой²⁵, – прошептал он, наклонившись к ее шее, прекрасной, как столп Давидов²⁶, – я уподоблю тебя, возлюбленная моя.

И уподобил. Адель крикнула сквозь стиснутые зубы. Рейневан медленно провел руками вдоль ее мокрых от пота боков, взобрался на пальму и ухватился за ветви ее, отягощенные плодами. Бургундка откинула голову, как кобыла перед прыжком через препятствие.

*Quia non relinquet
Dominus vergam peccatorum.
Super sortem iustorum
ut non extendant iusti
ad iniquitatem manus suas...*

Груди Адели прыгали под руками Рейневана, как два козленка-двойни серны. Он подложил вторую руку под ее гранатовый сад.

– *Duo... ubera tua*, – стонал он, – *sicut duo... hinuli capreae gemelli... qui pascuntur... in liliis... Umbilicus tuus crater... tornatilis numquam... indigens poculis... Venter tuus sicut acervus... tritici vallatus lillis...*

– Ах... аааах... аааах, – поддерживала контрапунктом бургундка, не знающая латыни.

*Gloria Patri, et Filio et Spiritui sancto.
Sicut erat in principio, et nunc, et semper
et in saecula saeculorum, Amen.
Alleluia!*

Монахи пели. А Рейневан, целующий шею Адели фон Стерча, ошалевший, очумевший, мчащийся через горы, скакавший по холмам, *saliens in montibus, transiliens colles*, был для любовницы словно юный олень на горах бальзамовых. *Super montes aromatum*.

Дверь распахнулась от удара с такими грохотом и силой, что, сорвавшись с петель, вылетела в окно. Адель тоненько и пронзительно взвизгнула. А в комнату ворвались братья Стерчи. Сразу было ясно: это отнюдь не дружеский визит. Рейневан скатился с кровати, отгородившись ею от незваных гостей, схватил одежду и торопливо принялся натягивать на себя. Это частично удалось, но только потому, что лобовую атаку братья Стерчи направили на невестку.

– Ах ты проститутка! – зарычал Морольд фон Стерча, выволакивая голую Адель из постели. – Ах ты тварь паскудная!

– Ах ты дрянь развратная! – подхватил Виттих, старший брат. Вольфгер же, второй по возрасту после Гельфрада, даже не раскрыл рта, смертельная ярость лишила его дара речи. Он ударил Адель по лицу. Бургундка вскрикнула. Вольфгер ударил снова, на этот раз наотмашь.

---

²⁴ «Песни Песней», 1; 13.

²⁵ Там же, 1; 8.

²⁶ Там же, 4; 4.

– Не смей ее бить, Стерча! – закричал Рейневан голосом ломким и панически дрожащим от парализующего чувства бессилия, вызванного полунатянутыми штанами. – Не смей, слышишь?

Восклицание подействовало, хоть и не совсем так, как он ожидал. Вольфгер и Виттих, на минуту забыв о неверной невестке, подскочили к Рейневану, и на него посыпались тычки и пинки. Вместо того чтобы защищаться, он сжался под градом ударов и упорно продолжал натягивать штаны, словно это были и не штаны вовсе, а какие-то волшебные, способные оградить и спасти его от ран доспехи, заколдованный панцирь Астольфа или Амадиса Галльского. Уголкем глаза он увидел, что Виттих выхватывает нож. Адель взвизгнула.

– Не здесь, – буркнул на брата Вольфгер. – Не здесь!

Рейневан сумел подняться на колени. Виттих, разъяренный, бледный от бешенства, подскочил и хватанул его кулаком, снова свалив на пол. Адель пронзительно закричала, крик оборвался, когда Морольд ударил ее по лицу и рванул за волосы.

– Не смейте... – простонал Рейневан, – ее бить, мерзавцы!

– Ах ты сукин сын! – рявкнул Виттих. – Ну погоди!

Он подскочил, ударил, пнул раз, другой. Но тут его остановил Вольфгер.

– Не здесь, – повторил он спокойно, и было это спокойствие зловещее. – На двор его. Заберем в Берутов. Девку тоже.

– Невиноватая я! – завывала Адель фон Стерча. – Он меня околдовал! Очаровал! Это волшебник! *Le sorcier! Le diab...*²⁷

Морольд ударом по лицу не дал ей договорить и буркнул:

– Заткнись, гулящая. Еще успеешь накричаться. Погоди малость.

– Не смейте ее бить! – вскричал Рейневан.

– Ты тоже, – угрожающе спокойно добавил Вольфгер, – еще успеешь накричаться, петушок! А ну на двор их.

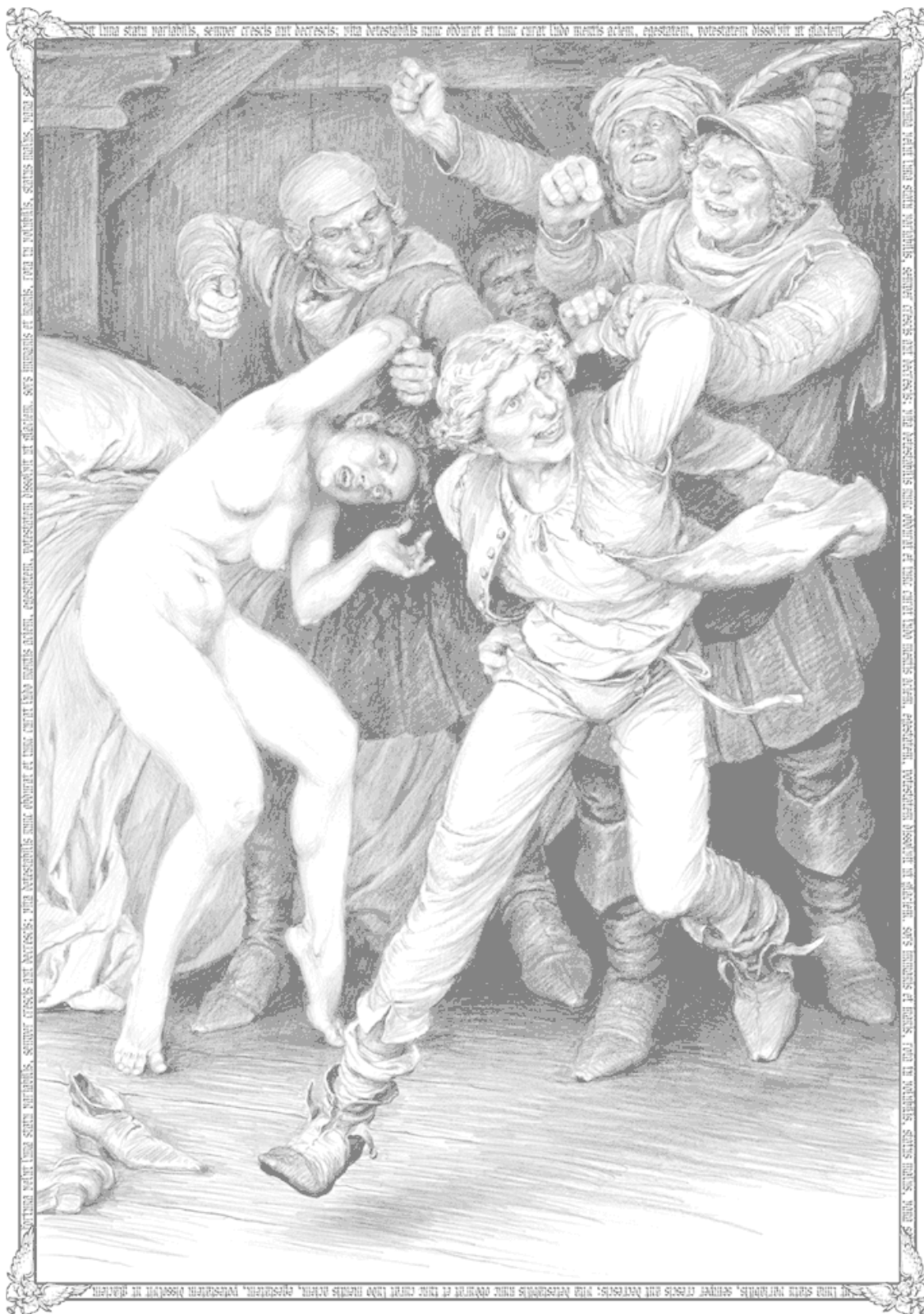
Спускаться с мансарды надо было по довольно крутой лестнице. Братья Стерчи просто скинули оттуда Рейневана, он свалился на лестничную площадку, разломав при этом деревянные перильца. Не дав подняться, они снова схватили его и вышвырнули прямо на двор, на песок, украшенный испускающими пар свежими кучками конских яблок.

– Гляньте-ка! Нет, вы только гляньте, – проговорил державший лошадей Никлас Стерча, почти мальчишка. – И кто это тут к нам свалился? Никак Рейнмар Беляу?

---

²⁷ Чародей! Дья... (фр.)

– Грамотей мудрила Беляу, – фукнул, останавливаясь над поднимающимся с песка Рейневаном, Йенч Кнобельсдорф по прозвищу Филин, кум и родня Стерчей. – Языкастый мудрила Беляу!

– Поэт сраный, – добавил Дитер Гакст, еще один дружок семьи. – Тоже мне Абельяр!

– А чтоб доказать ему, что и мы не лыком шиты, – сказал спускавшийся с лестницы Вольфгер, – поступим с ним так же, как поступили с Абеляром, пойманным у Элоизы. Тютелька в тютельку так же. Ну как, Беява? Как тебе нравится стать каплуном?

– Отъ...сь, Стерча.

– Что? Что? – Вольфгер Стерча побледнел еще больше, хоть это и казалось невозможным. – Петушок еще решается раскрывать клювик? Осмеливается кукарекать? А ну дай-ка кнут, Йенч!

– Не смей бить его! – совершенно неожиданно заорала с лестницы Адель, уже одетая, но не полностью. – Не смей! Не то всем расскажу, какой ты! Что сам ко мне лез, шупал и подбивал на разврат! За спиной у брата. И поклялся мне отомстить за то, что я тебя прогнала! Вот почему ты теперь такой... Такой...

Ей не хватало немецкого слова, и вся тирада пошла насмарку. Вольфгер только расхохотался.

– Ишь ты! – съехидничал он. – Кто ж станет слушать французицу, распутную курву? Давай кнут, Филин.

Внезапно двор почернел от ряс августинцев.

– Что тут происходит? – крикнул пожилой приор Эразм Штайнхеллер, тощий и заметно пожелтевший старичок. – Что вы вытворяете, христиане!

– Пшли вон! – рявкнул Вольфгер, шелкая кнутом. – Вон, бритые жерди! Прочь! К требнику, молиться! Не лезьте в рыцарские дела, не то горе вам, монашья!

– Господи! – Приор сложил покрытые коричневыми печеночными пятнами руки. – Прости им, ибо не ведают, что творят... *In nomine Patris, et Filli...*²⁸

– Морольд, Виттих! – рявкнул Вольфгер. – Тащите сюда паршивку! Йенч, Дитер, вяжите любовничка!

– А может, – поморщился молчавший до того Стефан Роткирх, тоже дружок дома, – малость за лошадью его протащить?

– Можно будет, но сначала я его отстегаю!

Он замахнулся на все еще лежавшего Рейневана кнутом, но не ударил – помешал брат Иннокентий, схвативший его за руку. Рост и фигура у брата Иннокентия были весьма внушительные, чего не скрывала даже смиренная монашеская сутулость. Рука Вольфгера застыла, словно прихваченная железными тисками.

Стерча грязно выругался, вырвал руку и сильно толкнул монаха. Впрочем, с таким же успехом он мог толкать донжон олесьницкого замка. Брат Иннокентий, которого братия называла братом Инсолентием²⁹, даже не дрогнул. Зато сам ответил таким толчком, что Вольфгер перелетел полдвора и свалился на кучу навоза.

Несколько мгновений стояла тишина. А потом все набросились на огромного монаха. Филин, подоспевший первым, получил по зубам и покатился по песку. Морольд Стерча, отхвативший по уху, засеменил вбок, вылупив подурневшие глаза. Остальные облепили августинца, словно муравьи. Огромная фигура в черной рясе полностью скрылась в свалке. Однако брат Иннокентий, хоть ему и крепко доставалось со всех сторон, отвечал так же крепко и вовсе не по-христиански, совершенно вопреки августинскому закону смирения.

Видя это, не выдержал и старичок приор. Он покраснел как вишня, зарычал аки лев и кинулся в гущу боя, колошматя направо и налево палисандровым посохом.

– *Pax!* – верещал он, колотя. – *Pax! Vobiscum!* Возлюби ближнего своего! *Proximum tuum! Sicut te ipsum!*³⁰ Сукины дети!

---

²⁸ Во имя Отца и Сына... (лат.).

²⁹ Необыкновенный, чрезмерный (лат.).

³⁰ Мир! Мир вам! Возлюби ближнего своего, говорю вам! (лат.)

Дитер Гакст саданул его кулаком. Старик кувыркнулся вверх ногами, его сандалии взлетели в воздух, описывая над хозяином живописные траектории. Августинцы подняли крик, некоторые не выдержали и ринулись в бой. Во дворе забурило не на шутку.

Вытолкнутый из водоворота Вольфгер Стерча выхватил корд и принялся размахивать им – дело шло к тому, что польется кровь.

Однако Рейневан, уже успевший встать на ноги, долбанул его по затылку кнутовищем. Стерча схватился за голову и обернулся. Тогда Рейневан с размаху хлестнул его кнутом по лицу. Вольфгер упал. Рейневан кинулся к лошадям.

– Адель! Сюда! Ко мне!

Адель не шелохнулось, лицо ее выражало полное равнодушие. Странно. Рейневан запрыгнул в седло. Конь заржал и заплясал.

– Адееееель!

Морольд, Виттих, Гакст и Филин уже бежали к нему. Рейневан развернул коня, пронзительно свистнул и ринулся галопом прямо в монастырские ворота.

– За ним! – зарычал Вольфгер. – По коням и за ним!

Первой мыслью Рейневана было скакать к Мариацким воротам, а оттуда за город, в Спаллицкие леса. Однако ведущая к воротам Коровья улица была полностью забита телегами, зато подгоняемый и напуганный криками чужой конь проявил массу личной инициативы, в результате чего, не успев Рейневан толком понять, что происходит, как уже мчался галопом к рынку, разбрызгивая грязь и разгоняя прохожих. Не было нужды оглядываться, чтобы понять: преследователи сидят у него на шее. Он слышал гул копыт, ржание коней, дикий рев Стерчей и яростные выкрики задетых лошадьми людей.

Он ударил коня пятками в пах, в галопе задел и повалил пекаря, несущего корзину; ковриги, булки и рогалики градом посыпались в грязь, и их тут же втоптали подковы Стерчевых лошадей. Рейневан даже не обернулся. Какая разница, что там за спиной? Его интересовало то, что находится впереди, а впереди, прямо перед ним, выросла тележка, высоко нагруженная хворостом. Тележка перегораживала почти всю улочку, а там, где был небольшой просвет, копошились на земле несколько полуодетых ребятишек, выковыривавших из навоза что-то невероятно интересное.

– Теперь ты наш, Беляу! – заревел сзади Вольфгер Стерча, тоже увидевший то, что делалось на дороге.

Конь мчался так, что удержать его не было никакой возможности. Рейневан прижался к гриве и зажмурился. Из-за этого он не видел, как полуголые ребятишки порскнули с дороги, как стая крысят. Он не оглянулся, поэтому не видел, как парень в овчинном тулупе, тянувший тележку с хворостом, обернулся, невольно развернув дышло и тележку. Не видел Рейневан и того, как Йенч Кнобельсдорф вылетел из седла и смел своим телом половину нагруженного на тележку хвороста.

Рейневан промчался галопом по Свентоянской улице, пронесся между ратушей и домом бургомистра, на полном ходу влетел на огромный олесьницкий рынок. Проблема состояла в том, что рынок, хоть и огромный, был забит людьми. И разверзся истинный ад. Направившись к южному входу и видневшемуся над ним пузатому четырехугольнику башни над Олавскими воротами, Рейневан распахивал попадающихся на пути людей, лошадей, волов, свиней, телеги и ларьки, оставляя за собой побоище. Люди вопили, выли и ругались, крупная скотина рычала и мычала, мелкая живность скулила, визжала, переворачивались ларьки и палатки, оттуда градом летели самые разнообразные предметы – горшки, миски, ведра, мотыги, кочерги, рыболовные снасти, овечьи шкуры, фетровые шапки, липовые ложки, восковые свечи, лыковые лапти и глиняные петушки со свистульками. Дождем сыпались яйца, сыры, выпечка, горох, крупа, морковь, репа, лук, даже живые раки. В тучах перьев летала и орала на разные голоса самая различная птица. Все еще сидевшие на шее у Рейневана Стерчи довершали разрушения.

Напуганный пролетевшим у самого носа гусем конь Рейневана дернулся и наскочил на лоток с рыбой, разбивая крынки и выворачивая бочки. Разъяренный рыбак взмахнул подсечником, метясь в Рейневана, но промахнулся и угодил в круп коня. Конь заржал и рванулся в сторону, перевернув переносной ларек с нитками и ленточками, несколько секунд плясал на месте, утопая в вонючей серебристой массе плотвы, лещей и карасей, перемешанных с фее-рией разноцветных катушек и шпуль с нитками. То, что Рейневан не свалился, – было просто чудом. Уголком глаза он заметил, как торговка нитками бежит к нему с огромным топором в руках, одному Богу известно, для чего понадобившемуся в нитяной торговле. Он выплюнул прилепившиеся к губам гусиные перья, сдержал коня и устремился в улочку Резников, а оттуда – он это знал – до Олавских ворот оставалось всего ничего.

– Я тебе яйца оторву, Белява! – ревел позади Вольфгер Стерча. – Оторву и в горло запи-хаю!

– Поцелуй меня в зад!

Преследователей уже было только четверо – Роткирха только что стащили с лошади и теперь избивали разбушевавшиеся рыночные перекупщики.

Рейневан не хуже стрелы пронесся между шпалерами подвешенных за ноги туш. Перепуганные до жути рубщики в панике отскакивали, но все равно одного, несущего на плече огромный бычий окорок, он свалил. От толчка тот вместе с окороком рухнул под копыта Виттихова коня, конь с перепугу поднялся на дыбы, на него налетел конь Вольфгера. Виттих сверзился с седла прямо на разделочный стол рубщика, носом в печень, легкие и почки, сверху на него грохнулся Вольфгер – его ступня застряла в стремях, – не успел высвободиться и развалил огромную кучу требухи, по уши погрузившись в грязь и слизь.

Рейневан в последний момент прильнул к лошадиной шее и проскочил под вывеской с намалеванной пороссячей головизной. Почти догнавший его Дитер Гакст наклониться не успел. Доска с изображением радостно ухмыляющейся свинки саданула его по голове так, что аукнулось эхо. Дитера выбило из седла, он рухнул на кучу отходов, распугав кошек. Рейневан оглянулся. Теперь за ним гнался только Никлас.

Не снижая скорости, он вылетел из тупичка рубщиков на площадку, где работали кожевники. А когда прямо перед носом у него неожиданно вырос обвешенный мокрыми шкурами стеллаж, он поднял коня и заставил его прыгнуть. Конь прыгнул. Рейневан не свалился. Опять чудом.

Никласу повезло гораздо меньше. Его конь врылся в землю копытами перед стеллажом и протаранил его, скользя в грязи, жире и требухе. Самый младший Стерча перелетел через конскую голову. Очень, ну очень неудачно. Пахом и животом прямо на оставленный кожевниками мездравальный нож.

Вначале Никлас просто не понял, что произошло. Он вскочил, подбежал к коню и ухватил вожжи. Конь захрапел и попятился. Юный Стерч вдруг ощутил, что ноги его не держат. По-прежнему не соображая, что происходит, он поехал по грязи за пятящимся и храпящим конем. Наконец опустил вожжи и попытался встать. Поняв, что тут не все в порядке, глянул на свой живот. И заорал, елозя в быстро расплзающейся луже крови.

Подъехал Дитер Гакст, остановил коня, спрыгнул с седла. То же спустя минуту сделали Вольфгер и Виттих Стерчи.

Никлас тяжело сел. Снова взглянул на свой живот. Крикнул, потом разревелся. Глаза у него начал заволакивать туман. Хлещущая из живота кровь смешивалась с кровью зарезанных утром быков и хряков.

– Никлаааас!

Никлас Стерча закашлялся, подавился. И умер.

– Ты – мертвец, Рейневан Беляу! – проревел в сторону ворот бледный от ярости Вольфгер Стерча. – Я поймаю тебя, убью, уничтожу, изведу вместе со всем твоим змеиным родом! Со всем твоим змеиным родом, слышишь?!

Рейневан не слышал. Конь, грохоча подковами по доскам моста, нес его в это время из Олесьницы на юг, прямо на вроцлавский тракт.

Глава вторая,

в которой читатель узнает о Рейневане еще больше, причем в основном из разговоров, которые ведут о нем различные люди, как настроенные доброжелательно, так и совсем наоборот. В это время сам Рейневан скитается по подолесьницким лесам. Описывать его блуждания автор не станет, так что читатель nolens volens должен представить их себе сам.

Присаживайтесь, присаживайтесь к столу, господа, – пригласил членов магистрата Бартоломей Захс, бургомистр Олесьницы. – Что прикажете подать? Из вин, откровенно говоря, у меня нет ничего, чем можно было бы похвастаться. Но пиво, ого, сегодня мне прямо из Свидницы привезли. Выдержанное, первого сорта, из глубокого холодного подвала.

– Ну, значит, пива, господин Бартоломей, – потер руки Ян Гоффрихтер, один из самых богатых купцов города. – Пиво – наш напиток, а вином пусть благородные и иже с ними кишки себе квасят... С позволения вашего преподобия...

– Ничего, ничего, – улыбнулся Якуб фон Галль, приходский священник у Святого Яна Евангелиста. – Я ж не из дворян, я – плебан. А плебан, как следует из самого названия, завсегда с народом, стало быть, и мне пивом брезговать не пристало. А отведать могу, ибо вечерня уже позади.

Они сидели за столом в большой, низкой, побеленной зале ратуши, обычном месте заседаний магистрата. Бургомистр на своем привычном стуле, спиной к камину, плебан Галль рядом, лицом к окну. Напротив сел Гоффрихтер, рядом с ним Лукас Фридман, пользующийся успехом зажиточный золотых дел мастер в модном вамсе и бархатном берете на красиво подстриженной шевелюре, выглядевший совсем как дворянин. Бургомистр откашлялся и, не дожидаясь, пока слуги принесут пиво, начал.

– И что мы имеем? – проговорил он, сплетая пальцы на обширном животе. – Что соизволили устроить нам в нашем городе благородные господа рыцари? Драку у августинцев. Конные, стал-быть, гонки по улицам города. Заварушку на рынке: несколько побитых, в том числе один ребенок серьезно. Приведено в негодность имущество, испоганен товар. Крупные потери, стал-быть, материальные. Почти до самого ужина ко мне лезли *merkatores et institores*³¹ с требованиями возместить убытки. Вообще-то я обязан отсылать их с претензиями к господам Стерчам в Берутов, Ледну и Стежендорф.

– Лучше не надо, – сухо посоветовал Ян Гоффрихтер. – Хотя и я тоже полагаю, что господа рыцари последнее время сверх меры разбушевались, однако нельзя забывать ни о причинах, ни о следствиях оного. Следствием же, причем трагическим, стала смерть юного Никласа де Стерча. А причина: распущенность и разврат. Стерчи защищали честь брата, гнались за прелюбодеем, соблазнившим невестку и опозорившим супружеское ложе. Правда, они малость погорячились и переусердствовали...

Купец умолк под многозначительным взглядом плебана Якуба. Ибо, когда плебан Якуб давал взглядом понять, что желает высказаться, умолкал даже сам бургомистр. Якуб Галль был не просто приходским священником здешней церкви, но и секретарем олесьницкого князя Конрада и каноником в капитуле вrocławского кафедрального собора.

– Чужеложство есть грех, – проговорил плебан, распрямляясь за столом. – Чужеложство есть также преступление. Но за грехи карает Господь, а за преступления – закон. Самосудов же и убийств не оправдывает никто.

---

³¹ Купцы и мелкие торговцы (лат.).

– Вот-вот, – поддержал *credo* бургомистр, но тут же умолк и все внимание уделил принесенному в этот момент пиву.

– Никлас Стерча, что нас особо печалит, – добавил Галль, – погиб трагически, но в результате несчастного случая. Однако если б Вольфгер с компанией поймали Рейневана де Беляу, то мы, в соответствии с нашей юрисдикцией, имели бы дело с убийством. Впрочем, неизвестно еще, не будем ли. Напоминаю, что приор Штайнкеллер, жестоко побитый братьями Стерчами благочестивый старец, еле живой лежит у августинцев. Если после такого избиения он умрет, то возникнет проблема. Как раз для Стерчей.

– Что же до преступления чужеложства, – злотник Лукас Фридман вперился в свои унизанные перстнями ухоженные пальцы, – то примите во внимание, уважаемые господа, что это вовсе не наша юрисдикция. Хоть в Олесьнице и имел место разврат, участники одного подчиняются не нам. Гельфрад Стерча, которому изменила супруга, – вассал Зембицкого князя, как и соблазнитель, юный медик Рейнмар де Беляу...

– У нас имел место разврат, и у нас имело место преступление, – жестко проговорил Гофрихтер. – К тому же немалое, если верить тому, в чем Стерчева супруга призналась у августинцев. Что, мол, медикус ее чарами околдовал и чернокнижеством довел до греха. Принудил против ее желания.

– Все так говорят, – проворчал из глубин кружки бургомистр.

– Тем более, – равнодушно добавил злотник, – когда им приставляет нож к горлу кто-нибудь вроде Вольфгера де Стерчи. Правильно сказал преподобный отец Якуб: чужеложство есть преступление, *crimen*, и как таковое нуждается в расследовании и суде. Нам здесь не нужна кровная месть или побоища на улицах, мы не допустим, чтобы разбушевавшиеся хозяйчики поднимали тут руку на священников, размахивали ножами и уродовали людей на площадях. В Свиднице попал в башню один из Панневицей за то, что ударил оруженосца и кордом ему грозил. И это справедливо. Нельзя допустить разврата времен рыцарского произвола и своеволия. Дело должен рассмотреть князь.

– Тем более, – поддержал кивком головы бургомистр, – что Рейнмар из Белявы – дворянин, а Адель Стерчева – дворянка. Мы не можем их выпороть, как каких-то простолюдинов, или изгнать из города. Все должен решать князь.

– Спешить с этим не следует, – бросил, глядя в потолок, плебан Якуб Галль. – Князь Конрад выезжает во Вроцлав, перед выездом у него бесчисленное множество дел. Слухи, как и всякие слухи, конечно, наверняка уже давно дошли до него, но сейчас не время придавать этим слухам официальный статус. Достаточно будет, когда князь вернется, изложить ему проблему. А до того времени многое может решиться само собой.

– Я тоже так считаю, – опять кивнул Бартоломей Захс.

– И я, – добавил злотник.

Ян Гофрихтер поправил куний колпак, сдул пену с кружки.

– Князя, – проговорил он, – информировать пока не стоит, подождем, когда вернется, в этом я согласен с вами, уважаемые. Но Святой Официум уведомить надобно. К тому же немедленно. О том, что мы у медикуса в кабинете нашли. Не крутите головой, господин Бартоломей, не стройте рожиц, уважаемый господин Лукас. А вы, преподобный, не вздыхайте и не считайте мух на потолке. Мне все это так же нужно, как и вам, и я так же жажду увидеть здесь Инквизицию, как и вы. Но при вскрытии кабинета присутствовало множество людей. А там, где скапливается много народу, всегда – думаю, я не открою страшную тайну – отыщется по крайней мере хотя бы один, который донесет Инквизиции. А если в Олесьницу нагрянет визитатор, то он нас же первых спросит, почему мы тянули.

– Я же, – Галль оторвал взгляд от потолка, – объясню. Лично я. Ибо это мой приход и на мне лежит обязанность информировать епископа и папского инквизитора. Мне также

полагается оценивать, возникли ли обстоятельства, обосновывающие вызов и загрузку работой курии и Суда.

– Колдовство, о котором вопила у августинцев Адель Стерчева, не обстоятельство? Кабинет – не обстоятельство? Алхимическая реторта и пентаграмма на полу – не обстоятельства? Мандрагора? Черепа, руки скелетов? Хрусталь и зеркала? Бутылки и флаконы дьявол знает с какой дрянью или ядом? Лягушки в банках? Все это – не обстоятельства?

– Нет. Инквизиторы – люди серьезные. Их дело – *inquisito de articulis fidel*³², а не какие-то бабские выдумки, предрассудки и лягушки. Такими глупостями я и не подумаю забивать им головы.

– А книги? Те, что вот здесь лежат?

– Книги, – спокойно ответил Якуб Галль, – вначале следует изучить. Внимательно и не спеша. Святой Официум не запрещает читать книги и владеть ими.

– Во Вроцлаве, – угрюмо сказал Гоффрихтер, – только что двое отправились на костер. Говорят, как раз за то, что у них были книги.

– Отнюдь не за книги, – сухо возразил плебан, – а за контумацию, за отказ отречься от сведений, содержащихся в этих книгах. Среди которых были письма Виклифа и Гуса, лоллардский «*Floretus*»³³, пражские статьи и многочисленные другие гуситские либеллы³⁴ и манифесты. Ничего подобного я не вижу среди книг, реквизированных в кабинете Рейнмара из Белявы, а вижу почти исключительно медицинские произведения. Кстати, в большинстве своем либо даже полностью являющиеся собственностью скриптория монастыря августинцев.

– Повторяю. – Ян Гоффрихтер встал, подошел к выложенным на столе книгам. – Повторяю, я вовсе не горю желанием обратиться ни к епископской, ни к папской Инквизиции, я не намерен ни на кого доносить и видеть кого-либо вопящим на костре. Но тут речь идет о наших, прошу прощения, задницах. Чтобы и на нас не пало обвинение за эти книги. А что мы среди них видим? Кроме Галена, Плиния и Страбона? Саладин де Аскуло, «*Compendium aromatorum*», Скрибоний Ларг, «*Compositiones medicamentorum*», Бартоломей Англичанин, «*De proprietatibus rerum*», Альберт Великий, «*De vegetabilibus et peantes*». «Великий», надо же, прозвище воистину достойное колдуна. А это, извольте, Сабур бен Саад. Абу Бекр аль-Рази. Нехристи! Сарацины!

– Этих сарацинов, – спокойно пояснил, рассматривая свои перстни, Лукас Фридман, – преподают в христианских университетах. Как медицинских авторитетов. А ваш «колдун» – Альберт Великий – это епископ Регенсбургский, ученый теолог.

– Да? Хм-м... Посмотрим дальше... Вот! «*Causae et curae*», написанная Хильдегардой Бингенской. Наверняка колдунья эта Хильдегарда!

– Не совсем, – улыбнулся плебан Галль. – Хильдегарда Бингенская, пророчица, именуемая Рейнской Сивиллой. Скончалась в ауре святости.

– Хе. Ну, если вы так утверждаете... А это что такое? Джон Герард? «*General... Historie... of Plante*». Интересно, по-какому это? Не иначе – по-жидовскому. Впрочем, скорее всего какой-нибудь очередной святой. А вот здесь «*Herbarius*» Томаса Богемского.

– Как вы сказали? – поднял голову плебан Якуб. – Томас Чех?

– Так здесь написано.

– А ну покажите... Хм-м... Любопытно, любопытно... Все, оказывается, остается в семейном кругу. И вокруг родни крутится-вертится.

– Какой родни?

---

³² Беспристрастное рассмотрение предмета (лат.).

³³ Книга лоллардов, своеобразный «манифест веры» лоллардов и виклифистов.

³⁴ Сочинения, памфлеты, пасквилы.

– Семейной. – Лукас Фридман по-прежнему, казалось, интересовался только своими перстнями. – Лучше не скажешь. Томас Чех, или Богемец, автор этого гербариуса, прадед нашего Рейнмара, любителя до чужих жен, наделавшего нам столько неприятностей и хлопот.

– Томас Богемец, Томас Богемец, – собрал в складки лоб бургомистр, – именуемый также Томасом Медиком. Слышал. Он был другом одного из князей... Не помню...

– Князя Генриха Шестого Вроцлавского, – спокойно пояснил злотник Фридман. – И верно, этот Томас был его другом. Крупный был в то время ученый, способный врач. Учился в Падуе, в Салерно и Монпелье...

– Говорили также, – вклинился Гофрихтер, уже некоторое время кивками подтверждавший, что тоже припоминает, – он еще был чародеем и еретиком.

– Ну, прицепились вы, господин Ян, – поморщился бургомистр, – к колдовству, что твоя пиявка. Успокойтесь.

– Томас Богемец, – заметил слегка суховатым тоном плебан, – был лицом духовным. Вроцлавским каноником, потом даже суфраганом дицезии³⁵ и почетным епископом Сарепты³⁶. Он был лично знаком с папой Бенедиктом Двенадцатым.

– Об этом папе тоже всякое говорили, – не думал отступать Гофрихтер. – Да, случались колдуны и среди инфулатов³⁷. В свое время инквизитор Швенкефельд...

– Да прекратите вы наконец, – оборвал его плебан Якуб. – Нас сейчас интересует нечто иное.

– И верно, – подтвердил злотник. – Я, например, знаю, что у князя Генрика не было потомка мужского полу, а были только три дочери. С самой младшей, Маргаритой, наш священник Томас позволил себе завести роман.

– И князь допустил? Неужто настолько сильна была дружба?

– Князь в то время уже упокоился, – снова пояснил злотник. – Княгиня же Анна либо не знала, чем тут пахнет, либо знать не желала. Томас Чех в те годы еще не епископствовал, но был в прекрасных отношениях с остальной Силезией: с Генрихом Верным в Глогове, Казимиром в Чешине и Фриштатте, свидницко-яворским Большим Младшим, бытомско-козельским Владиславом, Людвигом из Бжега. К тому же представьте себе, господа, что человек не просто бывает в Авиньоне у Святого Отца, но еще и ухитряется извлечь у него мочевого камень так ловко, что после операции пациент не только сохраняет... куську, но она у него еще и встает. Если даже не ежедневно, то все же... Хоть, возможно, и звучит это несколько забавно, тем не менее я нисколько не шучу. Считается, что именно благодаря Томасу у нас в Силезии до сих пор сидят Пясты³⁸. Он, кстати, с равным успехом помогал и мужчинам, и женщинам. А также супружеским парам, если вы понимаете, что я имею в виду.

– Боюсь, – сказал бургомистр, – что нет.

– Он ухитрялся помочь чете, у которой ничего не получалось в супружеском ложе. Теперь понимаете?

– Теперь – да, – кивнул Гофрихтер. – Стало быть, вроцлавскую княжну он... э... обработал тоже скорее всего в строгом соответствии с медицинским искусством. Результатом, естественно, оказался ребенок.

– Естественно, – подтвердил плебан Якуб. – Дело прикрыли обычной методой. Маргариту заперли у кларисок³⁹, ребенок попал в Олесьницу к князю Конраду. Конрад воспитывал его как сына. Томас Богем становился все более значительной фигурой всюду – в Силезии, в Праге

---

³⁵ Епископ без епархии.

³⁶ Город в Финикии неподалеку от Тигра. Звание епископа чисто номинальное, так как после гибели королевств крестоносцев эти земли были заняты мусульманами.

³⁷ Прелат, имеющий право носить митру.

³⁸ Династия в средневековой Польше.

³⁹ Монахини Ордена святой Клары.

у императора Карла Четвертого, в Авиньоне, поэтому карьера мальчику была обеспечена уже с детства. Конечно, карьера духовная. В зависимости от того, сколь разумен он будет. Был бы глупым – получил бы сельский приход. При средней глуповатости его сделали бы аббатом где-нибудь у цистерцианцев. Был бы умным – ждала б капитула одной из коллегиат.

– А каким он оказался?

– Неглупым. Пристойным, как отец. И храбрым. Не успел еще никто что-либо предпринять, а будущий князь уже бился с великопольчанами плечом к плечу с младшим князем, будущим Конрадом Старым. И бился так храбро, что не было другого выхода, как посвятить его в рыцари с пожалованием земельного надела. Таким-то манером скончался князек Тимо, да здравствует рыцарь Тимо Богем из Белявы, *von Belau*. Рыцарь Тимо, который вскоре недурно продвинулся, взяв в жены младшую дочку Гейденрайха Ностица.

– Ностиц выдал дочь за поповского ублюдка?

– К тому времени поп, родитель «ублюдка», стал вроцлавским суфраганом и епископом Сарепты, знался со Святым Отцом, вышел в советники Вацлава Четвертого и был запанибрата со всеми князьями Силезии. Старый Гейденрайх наверняка и сам охотно сбагрил бы ему свою доченьку.

– Возможно.

– Из связи Ностицовой дочери с Тимо де Беляу родились Генрик и Томас. В Генрике, видать, отозвалась дедова кровь, потому как он стал священником, прошел обучение в Праге и до смерти, совсем недавней, был схоластиком⁴⁰ у Святого Креста во Вроцлаве. Томас же взял в жены Богушку, дочь Микши из Прохова, и родил с ней двух детей: Петра, прозванного Петерлином, и Рейнмара, именуемого Рейневаном. Петерлин, или Петрушка, и Рейневан, то есть Пижма. Этакое овощно-травяные когномены⁴¹ – понятия не имею, сами ли они себе их придумали, или это была фантазия отца, который, раз уж мы об этом заговорили, полег под Танненбергом.

– На чьей стороне?

– На нашей, христианской.

Ян Гофрихтер покачал головой, отхлебнул из кружки.

– А этот Рейнмар-Рейневан, привыкший подкатываться под бочок к чужим женам... Он кто у августинцев? Облат?⁴² Конверс?⁴³ Послушник?

– Рейнмар Беляу, – усмехнулся плебан Якуб, – медик, учившийся в пражском Карловом университете. Еще до занятий в университете он обучался в кафедральной школе во Вроцлаве, потом познавал секреты травничества у свидницких аптекарей и у духовенства в Бжегском приюте. Именно духари и дядя Генрик, вроцлавский схоластик, пристроили его к нашим августинцам, специализировавшимся на лечении травами и злаками. Парень честно и искренне, доказав тем свое призвание, изучал медицину в Праге. Кстати, тоже по протекции дяди и на деньги, которые тот имел от канонии. На учебе, видимо, старался, потому что через два года стал бакалавром искусств, *artium baccalaureus*. Из Праги выехал сразу после... Хм-м...

– Сразу после дефенестрации⁴⁴, – не побоялся докончить бургомистр. – И это явно доказывает, что с гуситской, стал-быть, ересью его ничто не связывает.

– Ничто не связывает, – спокойно подтвердил злотник Фридман. – Я хорошо знаю это от сына, который в то время тоже обучался в Праге.

---

⁴⁰ Руководитель кафедральной школы.

⁴¹ Имена, прозвища (лат.).

⁴² Член орденового сообщества, не дающий обета.

⁴³ Лицо, постоянно пребывающее в монастыре, но не принявшее сан.

⁴⁴ Выбрасывание из окон пражского магистрата семи советников в начале гуситских войн (1419 год).

– Прекрасно получилось, – добавил бургомистр Захс, – что Рейневан вернулся в Силезию, и еще лучше, что к нам, в Олесницу, а не в Зембицкое княжество, где его брат рыцарски служит князю Яну. Это хороший, разумный, хоть и молодой парень, а в траволечении столь умелый, что таких еще поискать. Жене моей чирьяки, которые у нее, стал-быть, там, ну, на теле появились, вылечил, а дочку от постоянного кашля освободил. Мне для глаз, которые слезились, дал отвар. Прошло, как рукой сняло...

Бургомистр замолк, закашлялся, засунул руки в обшитые мехом рукава делии. Ян Гофрихтер быстро глянул на него и заявил:

– Таким образом, наконец-то у меня посветлело в голове. Я имею в виду Рейневана. Теперь я знаю все. Хоть и незаконнорожденный, но кровь пястовская. Сын епископский. Любимец князей. Родственник Ностицей. Племянник схоластика вроцлавской коллегии. Сыновьям богатеев – товарищ по учебе. К тому же, будто всего этого мало, успешно практикующий медик, чуть ли не чудотворец, ухитрившийся заработать благорасположение власть имущих. А от чего же это он вылечил вас, преподобный отец Якуб? От какого, любопытствую, недуга?

– Недуги, – холодно ответил плебан, – не тема для обсуждения. Так что скажу без подробностей: вылечил.

– Такого человека, – добавил бургомистр, – нельзя травить. Жаль, если такой погибнет от кровной мести только потому, что однажды забылся, очарованный парой прекрасных, стал-быть, глазок. Так пусть же продолжает служить обществу. Пусть лечит, коли умеет...

– Даже, – фыркнул Гофрихтер, – используя пентаграмму на полу?

– Ежели это лечит, – серьезно сказал Галль, – ежели помогает, ежели успокаивает боль, то даже. Такие способности – дар Божий. Господь одаряет ими по своей воле и по ему одному известному намерению. *Spiritus flat, ubi vult*⁴⁵. Пути Господни неисповедимы.

– Аминь, – подsumмировал бургомистр.

– Короче говоря, – не сдавался Гофрихтер, – такой человек, как Рейневан, виновным быть не может? Об этом речь? Э?

– Кто невинен, – отвечивал с каменным лицом Якуб Галль, – пусть первым бросит камень. А Бог всех нас рассудит.

Некоторое время стояла тишина, настолько глубокая, что слышен был шелест крыльев ночных бабочек, бьющихся в окна. Со Свентоянской улицы донесся протяжный и певучий голос городского стражника.

– Итак, подводим итог. – Бургомистр выпрямился за столом так, что уперся в него животом. – Балаган в граде нашем Олеснице устроили братья Стерчи. В материальном уроне и телесных повреждениях, возникших на рынке, виноваты Стерчи. В потере здоровья и, не приведи Господи, смерти его преподобия приора Штайнкеллера виноваты братья Стерчи. Они, и только они. Случившееся с Никласом фон Стерча было, стал-быть, прискорбной случайностью. Так я и изображу события князю, когда он вернется. Все согласны?

– Согласны.

– *Consensus omnium*⁴⁶.

– *Concordi voce*⁴⁷.

– А если Рейневан где-нибудь объявится, – добавил после минутного молчания плебан Галль, – то я советую господам тихо изловить его и запереть. Здесь, в карцере нашей ратуши. Ради его же собственной безопасности. Пока все не уляжется.

– Хорошо бы, – добавил Лукас Фридман, рассматривая перстни, – сделать это побыстрее. Прежде чем обо всем узнает Таммо Стерча.

---

⁴⁵ Дух веет где хочет (лат.).

⁴⁶ Общее согласие (лат.).

⁴⁷ Согласие голосов (лат.).

Выходя из ратуши прямо во мрак улицы Светоянской, купец Гофрихтер уголком глаза уловил движение на освещенной луной стене башни – передвигающийся нечеткий силуэт немного пониже окон городского трубача, но повыше окон комнаты, в которой только что окончился совет. Взглянул, заслонив глаза от мешавшего видеть света фонаря, который нес слуга. «Какого черта, – подумал он и тут же перекрестился. – Что это там лазит по стенам? Филин? Сова? Летучая мышь? А может...»

Гофрихтер вздрогнул, перекрестился снова, по самые уши натянул куний колпак, закутался в шубу и прытко двинулся в сторону своего дома.

Поэтому так и не увидел, как большой стенолаз⁴⁸ распростер крылья, спустился, спорхнув с парапета, и беззвучно, словно дух, будто ночной призрак, понесся над крышами города.

* * *

Апечко Стерча, живший на Ледней, не любил бывать в замке Штерендорф. Причина была одна, к тому же простая: Штерендорф принадлежал Таммо фон Стерче, главе, сеньору и патриарху рода. Либо, как говорили некоторые, тирану, деспоту и мучителю.

В комнате было душно. И мрачно. Таммо фон Стерча не позволял раскрывать окон, опасаясь, как бы его не продуло, ставни тоже открывать не разрешалось, потому что свет резал глаза калеки.

Апечко был голоден. И запылен. Но некогда было ни поесть, ни почиститься. Старый Стерча не любил ждать. И не привык потчевать гостей. Особенно – родственников.

Поэтому Апечке оставалось только глотать слюну, чтобы смочить горло – выпить ему, естественно, тоже не подали, – и сейчас он излагал Таммо олесьненские события. Делал он это неохотно, но ничего не попишешь – надо. Калека – не калека, паралитик – не паралитик, но Таммо был главой рода. Сеньором, не спускавшим непослушания.

Старик слушал сообщение, устроившись на стуле в присущей ему невероятно перекошенной позе. «Старый покорёженный хрыч, – подумал Апечко. – Холерное изломанное пугало».

Причины состояния, в котором пребывал патриарх рода Стерчей, были известны не до конца и не всем. Согласие царило только в одном – Таммо хватил удар, когда он не в меру рассвирепел. Одни утверждали, якобы старец взбесился, узнав, что его личный враг ненавистный вроцлавский князь Конрад получил церковное епископское посвящение и стал наимогущественнейшей личностью Силезии. Другие уверяли, будто трагическую вспышку вызвала невестка Анна из Погожелья, пережарившая Таммо его любимое блюдо – гречневую кашу со шкварками. Как там случилось «в натуре», неизвестно, однако результат был, как говорится, налицо, и не заметить его было невозможно. После произошедшего Стерча мог шевелить – впрочем, очень неуклюже, – только левой рукой и левой ногой. Правое веко было всегда опущено, из-под левого, которое ему иногда удавалось приподнять, порой пробивались слезистые слезы, а из уголка перекошенного в кошмарной гримасе рта текла слюна. Несчастье привело также к почти полной утрате речи, откуда и пошло прозвище старика – Хрипач.

Однако потеря способности говорить не повлекла за собой – на что рассчитывала вся родня – потери контакта с миром. О нет. Владелец Штерендорфа по-прежнему держал род в узде и был пугалом для всех, а то, что хотел сказать, говорил, так как всегда на подхвате у него был кто-нибудь из тех, кто ухитрялся понять и переложить на человеческий язык его бульканья, храпы, гундосенье и крики. Этим кем-то, как правило, был ребенок – один из многочисленных внучат либо правнучат Хрипача.

---

⁴⁸ Птица семейства пищуховых (*Tichodroma muraria*).

Сейчас в толмачах ходила десятилетняя Офка фон Барут, которая, сидя у ног старца, наряжала кукол в цветные лоскутки.

– Так вот. – Апечко Стерча закончил рассказ и откашлялся. После чего перешел к заключению. – Вольфгер через посланца просил уведомить, что с делом управится быстро. Что Рейнмар Беляу будет схвачен на вроцлавском тракте и понесет наказание. Однако сейчас руки у Вольфгера связаны, потому как по тракту движется со всем своим двором олесьницкий князь и всякие важные духовные особы, так что никак не получится... Неизвестно, как погоню вести. Но Вольфгер клянется, что изловит Рейневана и что ему можно доверить честь рода.

Веко Хрипача подскочило, изо рта вытекла струйка слюны.

– Ббббх-бхх-бхх-бхубху-ррхххп-пххх-ааа-ррх! – разлилось в комнате. – Ббб... хрррх-урррхх-бхуух! Гуггу-ггу...

– Вольфгер – дурной кретин, – перевела тоненьким мелодичным голоском Офка фон Барут. – Глупец, которому я не доверил бы даже ведра блевотины. А единственное, что он способен поймать – это свой собственный кутас.

– Отец...

– Ббб-брррх! Бххр! Уу-пхр-рррххх!

– Молчать! – не поднимая головы, перевела занятая куклой Офка. – Слушать, что я скажу. Что прикажу.

Апечко терпеливо переждал хрипы и скрипы, дождался их перевода.

– Для начала, Апеч, велишь установить, – приказывал Таммо Стерча устами девочки, – какой берутовской бабе поручили надзор над бургундкой и которая не разобралась в истинной цели благотворительных походов бургундки в Олесьницу. Похоже, она была в сговоре с паршивкой. Бабе отвесить тридцать пять крепких розг. По голой заднице. Здесь, у меня, на моих глазах. Пусть нам хоть это доставит немного радости.

Апечко Стерча кивнул головой. Хрипач закашлялся, захрипел и весь оплевался. Потом жутко скривился и загугнил.

– А бургундку, – перевела Офка, расчесывая маленьким гребешком паклевые волосы куклы, – о которой мне уже известно, что она спряталась у лиготских цистерцианок, приказываю вытащить оттуда, даже если для этого понадобится брать монастырь штурмом. Потом запереть развратницу у верных нам монахов, например...

Таммо резко перестал икать и гугнить, скрип замер у него в горле. Прошиваемый навыворот кровавым глазом Апечко понял, что старик заметил его обеспокоенную мину. Сообразил. Дальше правду скрывать было нельзя.

– Бургундка, – проямлил он, – сумела сбежать из Лиготы. Втихаря... Неизвестно куда. Заняты погоней... Не уберегли... мы...

– Интересно, – перевела Офка после долгой тишины, – интересно, почему это меня вовсе не удивляет? Но коли так, то пусть так и будет. Я не стану забивать себе голову курвой. Пусть эту историю расхлебывает Гельфрад, когда вернется. Пусть все сделает собственноручно. Меня его рога не колышут. Впрочем, в этой семейке подобное не новость. Меня самого когда-то здорово оброгали. Ибо не может быть, чтобы мои собственные чресла породили таких дурней.

Хрипач несколько минут кашлял, хрипел, храпел и давился. Но Офка не переводила, стало быть, это была не речь, а обычный кашель. Наконец старец заскрипел, набрал духу, скривился как черт и саданул посохом о пол, после чего забулькал-захрипел-загугнил. Офка прислушалась, засунув в рот конец косы.

– Но Никлас, – перевела она, – был надеждой нашего рода. Истинная моя кровь, кровь Стерчей, не какие-то обмылки после неведомо каких собачьих случек. Поэтому нельзя допустить, чтобы убийца не заплатил за пролитую им кровь. К тому же с лихвой.

Таммо снова долбанул палкой о пол. Палка выпала у него из трясущейся руки. Хозяин Штерендорфа кашлял и чихал, отплевываясь и покрываясь соплями. Стоящая рядом Грозвита фон Барут, дочь Хрипача и мать Офки, отерла ему бороду, подняла и сунула в руку посох.

– Хгrrrrхх! Хрхх... Ббб... бхrr... бхrrлгг...

– Рейнмар Беляу заплатит мне за Никласа, – без всяких эмоций переводила Офка. – Заплатит, Бог мне свидетель и все святые. Я засажу его в яму, в клетку, в такой сундук, в котором глововцы заперли Генрика Толстого, с одной дыркой для кормежки и другой как раз напротив, так чтобы он даже почесаться не мог. И продержу его там с полгода. И только потом возьмусь за него. А за палачом пошлю аж в Магдебург, у них там отличные палачи, не то что здешние, силезские, у которых деликвент⁴⁹ поддыхает уже на второй день пыток. О нет, я притащу мастера, который посвятит убийце Никласа неделю. Либо две.

Апечко Стерча сглотнул.

– Но чтобы это сделать, надо сначала прохвоста схватить. А тут нужна голова. Разум. Потому что сукин сын не глуп. Глупец не сделался бы бакалавром в Праге, не закрался бы в доверие к олесьницким монахам. И не сумел бы так ловко подобраться к Гельфрадовой французке. За таким ловкачом мало гоняться будто дурак дураком по вроцлавскому тракту, выставлять себя на посмешище. Придавать делу широкую огласку, которая служит службе не нам, а соблазнителю.

Апечко кивнул. Офка взглянула на него, потянула курносый нос и продолжала.

– У соблазнителя есть брат, сидящий на земельном наделе где-то подле Генрикова. Вполне вероятно, что там он поищет укрытия. А может, уже нашел. Другой же Беляу был, пока жил, попом при вроцлавской церкви, поэтому не исключено, что подлец захочет спрятаться у подлеса. Я хотел сказать – у его преподобия епископа Конрада. Старого пьянчуги и разбойника.

Грозвита Барут снова вытерла старцу бороду, обмарканную в гнев.

– Кроме того, у хахалы есть знакомцы среди духовников в Бжеге. В приюте. Именно туда и мог наш умник отправиться, чтобы сбить с толку Вольфгера. Что, впрочем, не так уж и трудно. И наконец, самое важное, наставь уши, Апеч. Я уверен, что наш соблазняя захочет разыграть из себя трувера, прикинуться каким-нибудь засраным Лоэнгрином или другим Ланселотом... Захочет подползти к французке. И там, в Лиготе, вернее всего, мы его и прихватим, как кобеля при сучке во время течки.

– Как же так, в Лиготе-то? – осмелел Апечко. – Ведь она...

– Сбежала. Знаю. Но он-то не знает.

«Старый хрен, – подумал Апечко, – душа у него еще сильнее перекошена, чем тело. Но хитер лис! И знает, прямо сказать, многое. Все».

– Но для того, что я сказал, – переводила на человеческий язык Офка, – вы, сыновья мои и племянники, похоже, кровь от крови и кость от кости моей, годитесь плохо. Поэтому что есть духу ты сначала отправишься в Немодлин, а потом в Зембицы. Там... Слушай как следует, Апеч, отыщешь Кунца Аулока по прозвищу Кирьелейсон. И других: Вальтера де Барби, Сыбка из Кобылейглавы, Сторка из Горговиц. Этим скажешь, что Таммо Стерча заплатит тысячу рейнских золотых за живого Рейнмара де Беляу. Тысячу, запомни.

Апечко сглатывал слюну при каждом имени. Потому что это были имена самых жутких во всей Силезии разбойников и убийц, мерзавцев без совести и чести. И без веры. Готовых замордовать собственную бабушку за сказочную сумму в тысячу гульденов. «Моих гульденов, – зло подумал Апечко. – Потому что они должны были бы стать моей долей после того, как паскудный скелетина откинет наконец копыта».

– Ты понял, Апечко?

– Да, отец.

– Тогда – пшел! Вываливай отсюда. Давай – в путь. Выполняй что приказано.

«Сначала, – подумал Апечко, – пойду на кухню и выпью за двоих. Скупец дрыхлый. А там – посмотрим».

---

⁴⁹ Виновник, правонарушитель. От лат. *delinquens* – преступник.

– Апеч.

Апечко Стерча повернулся. И взглянул. Но не на искривленное и налившееся кровью лицо Хрипача, которое не в первый раз показалось ему здесь, в Штерендорфе, чем-то противоестественным, ненужным, каким-то неуместным. Апечко глянул в огромные ореховые глаза маленькой Офки, посмотрел на Грозвиту, стоящую за стулом...

– Да, отец?

– Не подведи нас.

«А может, – пронеслось у Апечки в голове, – это вовсе и не он? Может, его здесь нет, может, на стуле сидят останки, полутруп, у которого паралич уже полностью выжрал мозг? Может, это... они. Эти бабы – молоденькие, юные, средние и старые – командуют в Штерендорфе?»

Он быстренько отогнал от себя нелепую мысль.

– Не подведу, отец.

Апечко Стерча и не подумал спешно выполнять приказы, а вместо этого, бормоча под нос ругательства, быстро направился в кухню замка и велел подать себе все, чем упомянутая кухня богата. В том числе остатки оленьего окорока, жирные свиные ребрышки, большой круг кровяной колбасы, шмат подсушенной пражской ветчины и несколько отваренных в бульоне голубей. Вдобавок – ковригу хлеба размером с сарацинский круглый щит. Ну и разумеется, вина, самого лучшего, венгерского и молдавского, которое Хрипач держал исключительно для собственного употребления. Однако паралитик мог сколь угодно командовать и хозяйничать у себя в комнате наверху, а вне этого пространства исполнительная власть принадлежала другому. За пределами комнаты хозяином был Апечко Стерча.

Апечко таковым себя и чувствовал, а поэтому сразу же, как только вошел в кухню, показал это всем и вся. Собака получила пинка, заскулила и сбежала. Сбежала кошка, ловко увильнув с трассы запущенного в нее деревянного черпака. Слуги аж присели, когда на каменный пол грохнулся чугунный котел. Растерявшаяся больше других служанка отхватила по шее и тут же узнала, что она курвочка и недотепа. Очень много сведений о себе и своих родителях получили слуги, причем некоторые из них познакомились с хозяйским кулаком, твердым и тяжелым, как железная чушка. Тот, которому пришлось дважды повторить приказ принести вина из хозяйского погреба, получил такого пинка, что в путь отправился на четвереньках.

Вскоре после этого расположившийся за столом Апечко – хозяин Апечко! – жрал жадно и огромными кусками, пил попеременно молдавское и венгерское, по-господски кидал на пол кости, плевался, отрывал и из-под лба поглядывал на толстую экономку, ожидая только предлога.

«Старый хрен, паралитик, пердун, отцом велит себя называть, а кто он мне? Всего лишь дядька, отцов брат. Но приходится терпеть. Потому что когда он наконец протянет ноги – я, самый старший Стерча, стану главой рода. Наследством, ясный перец, надо будет поделиться, но главой рода буду я. И все это знают. Ничто мне не помешает, никто не может мне в этом...»

– Помешать, – вполголоса буркнул Апечко, – мне может драчка с Рейневаном и женой Гельфрада. Помешать мне может кровная месть, означающая стычку с ландфридом⁵⁰. Помешать может наем убийц и разбойников. Шумное преследование, содержание в яме, избиение и пытка парня – родственника Ностицей, близкого по крови Пястам. И ленника Яна Зембицкого. И вроцлавский епископ Конрад, который Хрипача любит так же, как Хрипач его, только и ждет случая ухватить Стерчей за задницу.

Скверно, скверно, скверно.

---

⁵⁰ Союз рыцарства данного района, имеющий целью поддержание порядка и безопасности.

«А всему виной, – неожиданно решил Апечко, ковыряя в зубах, – Рейневан. Рейнмар из Белявы. И за это он заплатит. Но не так, чтобы расшебуршить всю Силезию. Заплатит обычно, по-тихому, в темноте, ножом под ребро. Когда – как это здорово угадал Хрипач – он тайно явится в лиготский монастырь цистерцианок, под окно своей любовницы, Гельфрадовой Адели. Один удар ножом, всплеск воды в цистерцианском пруду с карпами. И ша. Ни звука.

С другой стороны, от поручения Хрипача полностью отмахиваться нельзя. Хотя бы потому, что Хрипач привык контролировать выполнение своих приказов. Поручать их выполнение не одному человеку, а нескольким.

Так, что же делать, ядрена вошь?»

Апечко со звоном всадил нож в крышку стола, одним духом опорожнил кружку. Поднял голову, встретил взгляд толстой экономки.

– Ну, чего вылупилась?

– Старый хозяин, – спокойно проговорила экономка, – недавно еще привез отличное итальянское. Велеть принести, ваша светлость?

– Само собой. – Апечко невольно улыбнулся, почувствовав, как спокойствие женщины передается и ему. – Конечно, прикажите нацедить, отведаем, что там созрело в той Италии. Отправьте также кого-нито в сторожевую, пусть мне немедля доставят такого парня, который хорошо управляет с лошадей, да и чтоб голова была на плечах. Такого, который сумеет послание доставить.

– Как прикажете, хозяин.

Подковы зацокали по мосту, выезжающий из Штерендорфа гонец оглянулся, сделал ручкой невесте, машущей ему с вала беленькой косынкой. И неожиданно уловил движение на освещенной луной стене сторожевой башни. Шевелящуюся туманную тень. «Кой черт, – подумал он, – что там такое лазит? Филин? Сова? Летучая мышь? А может...»

Гонец прошептал заклинание против сглаза, сплюнул в ров и дал коню шпоры. Послание, которое он вез, было срочным. А хозяин, давший его, строгим.

Он не видел, как большой стенолаз раскинул крылья и беззвучно, словно дух, словно ночное видение, полетел над лесами на запад, в сторону долины Видавы.

Замок Сенсенберг, как знали все, построили тамплиеры и неспроста выбрали именно это, а не другое место. Вздвигающаяся над рваной кручей вершина горы была в древние времена местом отправления культа языческих богов, здесь стояла кончина⁵¹, в которой, судя по преданиям, древние обитатели этих земель, требоване и бобряне, приносили своим идолам человеческие жертвы. Когда от капища остались только круги, выложенные из окатанных, обомшелых, укрывшихся среди сорняков камней, языческий культ не замирал, на вершине по-прежнему горели костры накануне Ивана Купалы. Еще в 1189 году вроцлавский епископ Жирослав жестокими карами угрожал тем, кто отважится отмечать в Сенсенберге *festum dyabolicum et maledicum*⁵². Да еще и без малого сто лет спустя епископ Вавжинец гноил в ямах тех, кто осмеливался праздновать.

Тем временем, как сказано, прибыли тамплиеры. Построили свои силезские замки, грозные и зубчатые миниатюры сирийских краков⁵³, возводившиеся под надзором людей, обмотанных платками и с лицами темными, как дубленая бычья кожа. Не случайно для размещения крепостей всегда выбирали священные места древних, уходящих в небытие культов, такие, как

---

⁵¹ Название языческих славянских капищ, приведенное в описаниях миссии Отгона Бамбергского (1125 г.) как «*contina*».

⁵² Дьявольский и проклятый праздник (лат.).

⁵³ Замки крестоносцев, которые возводили в Сирии на Святой Земле.

Малая Олесьница, Отмент, Рогов, Хабендорф, Фишбах, Петервиц, Овесно, Липа, Брачишова Гора, Серебряная Гора, Кальтенштайн. И конечно, Сенсенберг.

А потом тамплиерам пришел конец. Справедливо ли, нет ли, спорить поздно, но с ними покончили. Каждому известно, как это было. Их замки заняли иоанниты, поделили между собой быстро богатеющие монастыри и как грибы вырастающие силезские магнаты. Некоторые замки, несмотря на таившееся в их корнях могущество, очень скоро обратились в руины. Руины, которых избегали, обходили стороной. Которых боялись.

Не без причин.

Несмотря на быстро прогрессирующую колонизацию, несмотря на волны жаждущих земли поселенцев из Саксонии и Тюрингии, Надрейна и Франконии, гору и замок Сенсенберг по-прежнему окружала широкая полоса ничейных земель, пустошей, на которые забирались только браконьеры да беглецы. Именно от них-то, браконьеров и беглых, впервые пошли рассказы о необычных птицах, о кошмарных наездниках, об огнях, мерцающих в окнах замка, о диких и жутких криках и пении, мрачной музыке органов, как бы пробивающейся из-под земли.

Были такие, которые не верили. Были и такие, которых соблазняли сокровища тамплиеров, вроде бы по-прежнему лежащие где-то в подземельях Сенсенберга. Были и просто любопытствующие и беспокойные души.

Эти не возвращались.

* * *

Окажись в ту ночь поблизости от Сенсенберга какой-нибудь браконьер, беглец или искатель приключений, гора и замок послужили бы поводом для возникновения очередных легенд. Из-за горизонта налетела буря, небо то и дело освещалось стрелами далеких молний, настолько далеких, что сюда не долетало даже ворчание грома. А черная на фоне разгоравшегося неба глыба замка вдруг расцвечивалась яркими глазницами окон.

И все потому, что внутри этой с виду развалины помещался огромный, с высоким потолком рыцарский зал. Освещавшие его канделябры, подсвечники и горящие в железных держателях факелы вырывали из мрака фрески на строгих голых стенах. На фресках рыцарские и религиозные сцены. На стоящий посреди зала огромный круглый стол глядели опустившийся на колени перед Граалем Персеваль, Моисей, несущий каменные скрижали с горы Синай, Роланд в битве под Альбраккой и святой Бонифаций, принимающий мученическую смерть от мечей фризов, Годфрид Бульонский, въезжающий в захваченный Иерусалим. И Иисус, второй раз падающий под тяжестью креста. Все они смотрели своими чуточку византийскими глазами на стол и сидящих за ним рыцарей в полных доспехах и плащах с капюшонами.

Через открытое окно с порывом ветра влетел большой стенолаз.

Птица совершила круг, отбрасывая призрачную тень на фрески, уселась, взъерошив перья, на спинку одного из стульев. Раскрыла клюв и заскрипела, а прежде чем скрип умолк, на стуле уже сидела не птица, а рыцарь. В плаще и капюшоне, как близнец похожий на остальных.

— *Adsumus*, — глухо проговорил Стенолаз. — Мы здесь, Господи, собравшиеся во имя Твое. Прииди к нам и пребывь среди нас.

— *Adsumus*, — в один голос повторили собравшиеся за столом рыцари. — *Adsumus! Adsumus!*

Эхо пронеслось по замку, как раскаты грома, как отзвуки далекой битвы, как грохот тарана о городские ворота. И медленно замерло в темных коридорах.

— Хвала Господу, — проговорил Стенолаз, дождавшись тишины. — Близок день, когда в прах обратятся все враги Его. Горе им! Потому мы здесь!

— *Adsumus!*

– Провидение, – Стенолаз поднял голову, и глаза его загорелись отраженным светом пламени, – ниспосылает нам, братья мои, очередную возможность поразить врагов Господа и еще раз покарать врагов веры. Пришло время нанести очередной удар! Запомните, братья, это имя: Рейнмар из Белявы. Рейнмар из Белявы, именуемый Рейневаном. Послушайте.

Рыцари в капюшонах наклонились, слушая. Сгибающийся под тяжестью креста Иисус смотрел на них с фрески, а в его византийских глазах была беспредельность очень человеческого страдания.

Глава третья,

в которой разговор пойдет о делах, так мало – казалось бы – имеющих между собой общего, как соколиная охота, династия Пястов, капуста с горохом и чешская ересь. А также о диспуте, касающемся проблемы, следует ли, а если следует, то когда держать слово.

У речки Олесьнички, извивающейся по черным ольховым заливным лугам среди белых берез и зеленеющих полей, на возвышении, с которого видны были крыши и дымы деревни Боровая, княжеский кортеж сделал долгий привал. Но не для того, чтобы перекусить самим и накормить лошадей, а совсем наоборот – для того, чтобы измучиться. То есть – по-господски – развлечся.

Когда кортеж подъезжал, с лугов сорвались тучи пернатых – уток, чирков, нырков и даже цапель. Видя это, князь Конрад Кантнер, хозяин Олесьницы, Тжебницы, Милюча, Счинавы, Воловья и Смогожева, а совместно с братом Конрадом Белым также и Козьла, немедленно приказал свите остановиться и подать ему любимых соколов. Князь прямо-таки маниакально любил соколиную охоту. Олесьница и финансы могли подождать, вроцлавский епископ мог подождать, политика могла подождать, вся Силезия и весь мир могли подождать – и все ради того, чтобы князь мог увидеть, как его любимый Раби вырывает перья из крякв, и убедиться, что Серебряный выйдет победителем из воздушной схватки с цаплей.

Поэтому князь как одержимый носился галопом по прибрежным зарослям и заливным лугам, а вместе с ним столь же энергично, хоть и не совсем по своей воле, мотались его старшая дочь Агнешка, сенешаль Рудигер Хаугвиц и несколько карьеристов-пажей.

Остальная свита ожидала у леса. Не слезая с лошадей, поскольку неведомо было, когда князю наскучит. Заграничный гость князя незаметно зевал. Капеллан бурчал – вероятно, читал молитву, казначей шевелил губами, вероятно, считал деньги, миннезингер бормотал, вероятно, слагал стихи, девушки княжны Агнешки сплетничали, вероятно, относительно других девушек, а юные рыцари убивали скуку, объезжая и исследуя окружающие заросли.

– Эй, Бычок!

Генрик Кромпуш, сильно удивившись, остановил и развернул коня, а потом прислушался, пытаясь понять, который куст тихо окликнул его фамильным прозвищем.

– Бычок!

– Кто здесь? Покажись.

Кусты зашевелились.

– Святая Ядвига... – Кромпуш от удивления аж рот раскрыл. – Рейневан? Ты?

– Нет, святая Ядвига, – ответил Рейневан голосом не менее кислым, чем крыжовник в мае. – Бычок, мне нужна помощь... Чья это свита? Кантнера?

Прежде чем Кромпуш сообразил что к чему, к нему присоединились еще два олесьницких рыцаря.

– Рейневан, – ахнул Якса из Вишни. – Господи Иисусе! Что за вид!

«Интересно, – подумал Рейневан, – как бы выглядел ты, если б конь у тебя пал сразу за Быстрым. Если б тебе пришлось всю ночь бродить по болотам и урочищам над Свежной, а к утру сменить мокрые и измазюканные тряпки на свистнутую с крестьянского забора сермягу. Интересно, как бы ты после всего этого выглядел, прилизанный фертик?»

Угрюмо поглядывавший на них третий олесьницкий рыцарь, Бонно Эберсбах, похоже, думал так же.

– Вместо того чтобы удивляться, – сухо сказал он, – дайте ему какую-нибудь одежду. Скинь это рванье, Беляу. А ну, господа, вытаскивайте из выюков что у кого есть.

– Рейневан, – до Кромпуша все еще доходило слабо, – это ты?

Рейневан не ответил. Натянул брошенную ему рубаху и кафтан. Он был настолько зол, что казалось, вот-вот заплачет.

– Мне нужна помощь... – повторил он. – Даже очень.

– Видим и знаем, – кивком подтвердил Эберсбах. – Мы тоже считаем, что очень. Пошли. Надо показать тебя Хаугвицу. И князю.

– Он знает?

– Все знают. О твоём деле повсюду говорят.

Если Конрад Кантнер с его вытянутым лицом, увеличенным лбом, который казался больше из-за залысин, черной бородой и пронизательными глазами монаха не очень походил на типичного представителя династии, то относительно его дочери Агнешки сомнений быть не могло. Недалеко упало это яблочко от силезско-мазовецкой яблоньки. У княжны были льняные волосы, светлые глаза и небольшой вздернутый веселый носик Пястовны, который обесмертил знаменитый рельеф наумбургского кафедрального собора. Агнешке Кантнерувне, как быстро подсчитал Рейневан, было около пятнадцати лет, так что ее наверняка уже кому-то сосватали. Слухов Рейневан не помнил.

– Встань.

Он встал.

– Знай, – проговорил князь, сверля его горящим взглядом, – что я не одобряю твоего поступка. Больше того, считаю его низким, позорным и заслуживающим наказания. И откровенно советую тебе пожалеть о содеянном и покаяться, Рейнмар Беляу. Мой капеллан заверяет меня, что в пекле есть специальный анклав⁵⁴ для чужеложцев. Инструменту греха попавших туда грешников крепко достается от бесов. В детали не вхожу, учитывая присутствие девушки.

Сенешаль Рудигер Хаугвиц сердито фыркнул. Рейневан молчал.

– Какую сатисфакцию ты дашь Гельфраду фон Стерча, – продолжал Кантнер, – это уже его и твоё дело. Я не стану вмешиваться, тем более что оба вы вассалы не мои, а князя Яна Зембицкого. И в принципе я должен отправить тебя в Зембицы. Умыв руки.

Рейневан сглотнул.

– Но, – продолжал князь после минуты полного драматизма молчания, – я не Пилат. Это раз. Во-вторых, памятуя о твоём отце, сложившем под Танненбергом голову рядом с моим братом, я не допущу, чтобы тебя убили в ходе идиотской кровной мести. В-третьих, уже вообще пора покончить с междоусобицами и жить как полагается европейцам. Это все. Дозволю тебе ехать с моей свитой хоть до самого Вроцлава. Но не лезь мне на глаза. Ибо их не радует твой вид.

– Ваша княжеская...

Охота окончилась. Соколам надели кlobушки на головы, утки и цапли болтались, притороченные к перекладам телеги, князь был доволен, его свита тоже, потому что обещавшая затянуться охота оказалась совсем недолгой. Рейневан уловил несколько явно благодарных взглядов – по кортежу уже успело разнестись, что именно благодаря ему князь урезал охоту и двинулся дальше. Рейневан не без оснований опасался, что разнестись успело не только это. Уши у него горели. Как же – предмет всеобщего внимания!

– Все, – буркнул он едущему рядом Бенно Эберсбаху. – Все знают всё...

– Всё, – совсем невесело ответил олесьненский рыцарь. – Но на твоё счастье не все.

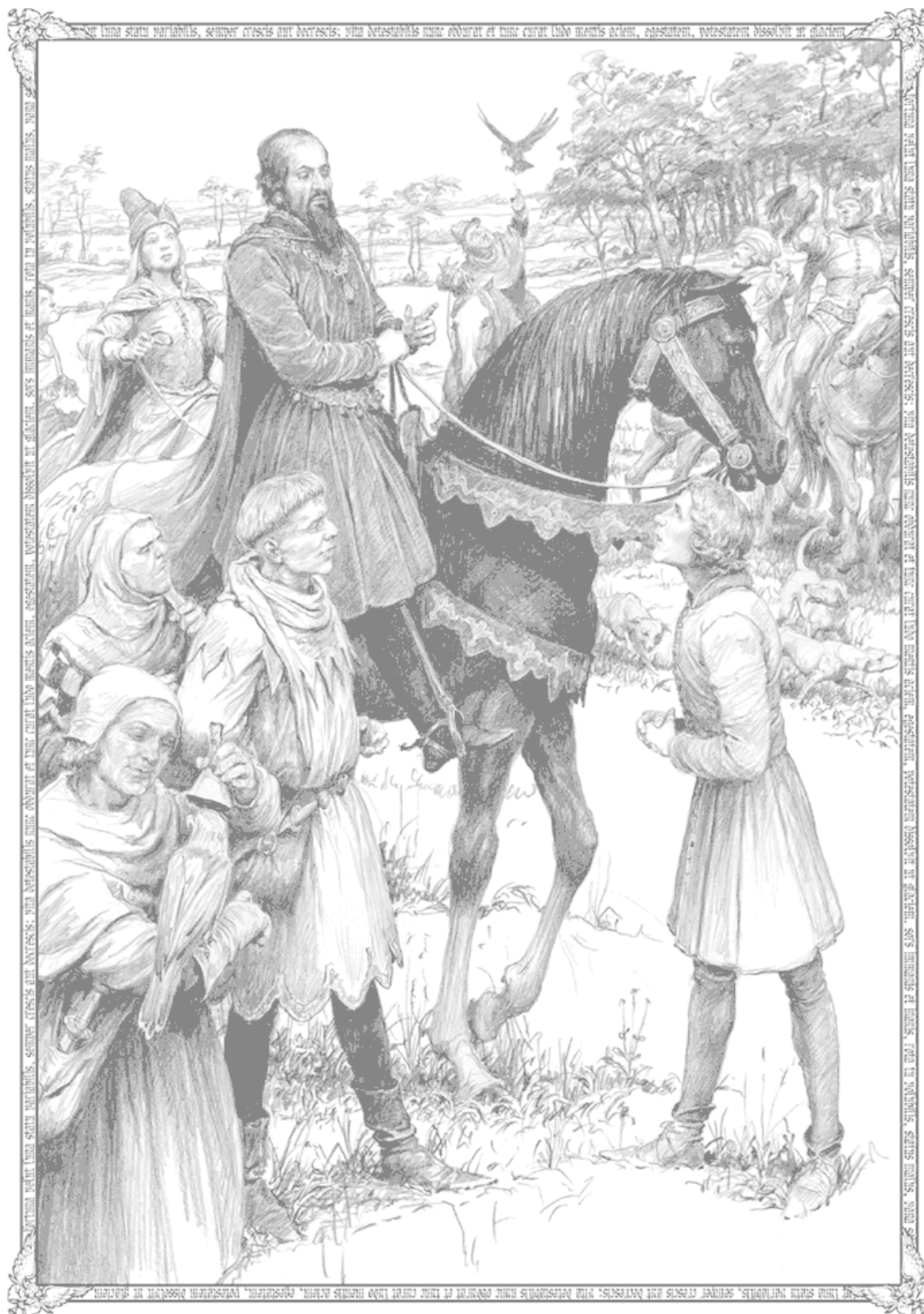
– Не понял.

– Дураком прикидываешься, Беляу? – спросил Эберсбах, не повышая голоса. – Кантнер наверняка прогнал бы тебя, а может, и отослал бы в путах к кастеляну, если б знал, что в

---

⁵⁴ Здесь: отделение.

Олесьнице был труп. Да, да, не таращись на меня. Юный Никлас фон Стерча мертв. Гельфрандовы рога рогами, но убитого брата Стерчи не простят тебе ни за что.

— Пальцем... — сказал, несколько раз глубоко вздохнув, Рейневан. — Никласа я даже пальцем не тронул. Клянусь.

– Вдобавок, – Эберсбах явно не обратил внимания на клятву, – прекрасная Адель обвинила тебя в колдовстве. Ты, мол, зачаровал ее и... использовал. Безвольную.

– Даже если то, что ты говоришь, правда, – ответил после недолгого молчания Рейневан, – то ее заставили так сказать. Под угрозой смерти. Ведь она у них в руках.

– Нет, не в руках, – возразил Эберсбах. – От августинцев, будучи у которых она публично обвинила тебя в дьявольских кознях, прекрасная Адель сбежала в Лиготу. За ворота монастыря цистерцианок.

Рейневан облегченно вздохнул.

– Не верю, – повторил он, – в эти наговоры. Она меня любит. А я люблю ее.

– Прекрасно.

– Если б ты знал, как прекрасно.

– Особенно прекрасно, – взглянул ему в глаза Эберсбах, – стало после того, как обыскали твой кабинет.

– М-да. Этого я боялся.

– И правильно. По моему скромному разумению, инквизиторы еще не сидят у тебя на шее только потому, что не закончили инвентаризовать дьявольства, которые у тебя нашли. От Стерчей Кантнер может тебя защитить, но от Инквизиции, пожалуй, нет. Когда разнесется весть о твоём чернокнижестве, он выдаст тебя сам. С потрохами. Не ездь с нами до Вроцлава, Рейневан. Отойди раньше и беги, скройся где-нибудь. Я тебе добром советую. Кстати, при оказии, – бросил как бы мимоходом Эберсбах. – Ты действительно разбираешься в магии? Я, понимаешь, недавно познакомился с одной... девицей... Ну... Как бы сказать... Не помешал бы какой-нибудь эликсир...

Рейневан не ответил. От головы кортежа долетел окрик.

– В чем дело?

– Быкув, – догадался Бычок. – Корчма «Под гусаком».

– Ну и слава Богу, – вполголоса добавил Якса из Вишни, – а то я уж зверски проголодался из-за сраной охоты.

Рейневан на сей раз опять не ответил. Однако исходящее из его внутренностей протяжное бурчание было красноречивым сверх меры.

Корчма «Под гусаком» была большой и наверняка пользовалась известностью, потому что была полна гостей. И местных, и приезжих. Это было видно по лошадям, телегам и шатающимся вокруг них слугам и вооруженным людям. К тому времени, когда кортеж князя Кантнера с большим фасоном и шумом въехал во двор, корчмарь был уже предупрежден. Он вылетел из дверей будто каменный шар из бомбарды, разгоняя птицу и разбрызгивая навоз и помет. Теперь он переступал с ноги на ногу и прямо-таки перегибался в поклонах.

– Добро пожаловать, добро пожаловать. Бог – в дом, – пыхтел он. – Какая честь, какой почет, что ваша светлейшая милость...

– Что-то людновато здесь сегодня. – Кантнер соскочил с удерживаемого слугой гнедого. – Принимаешь кого-то? Это кто же тут горшки опоражнивает? Думаю, хватит и для нас?

– Несомненно, хватит, несомненно, – заверял корчмарь, с трудом ловя воздух. – Да уж и не людно вовсе... Потаскух, голиардов⁵⁵ и кметов я выгнал, едва ваших милостей на тракте приметил. Совсем свободна изба ноне. Аркер тожить свободен. Только вот...

– Только что? – насупил брови Рудигер Хаугвиц.

– Гости в избе. Важные и духовные особы... Послы. Я не посмел...

– Ну и хорошо, что не посмел, – прервал Кантнер. – Меня б опозорил на всю Олесьницу, коли б посмел. Гости – это гости! А я – Пяст, а не сарацинский султан. Для меня никакой не урон быть рядом с гостями. Входите, господа.

---

⁵⁵ Гуляки, обманщики – французское название вагантов, менестрелей, бродячих студентов, жонглеров.

В несколько задымленной и переполненной ароматами капусты комнате действительно было не оченьлюдно. Да и занят-то был всего один стол, за которым сидели трое мужчин. Все с тонзурами. На двоих были одежды, характерные для духовных лиц в пути, но такие богатые, что их владельцы никак не могли быть простыми плебанами. На третьем была доминиканская ряса.

Видя входящего Кантнера, духовные особы поднялись с лавки. Тот, что был в самой богатой одежде, поклонился, но без всякого подобострастия.

– Ваша милость князь Конрад, – проговорил он, доказав хорошую осведомленность, – воистину большая для нас честь. Я, с вашего разрешения, Мачей Корзбок, официал⁵⁶ познанской епархии, направляюсь во Вроцлав, к брату вашей милости епископу Конраду с миссией от его преосвященства епископа Анджея Ласкара. А это мои спутники, как и я, из Гнёзна во Вроцлав направляющиеся: пан Мельхиор Барфусс, викарий его преподобия Христофора Ротенгагена, епископа Любушского. А также преподобный Ян Неедлы из Высоке, *prior Ordo Praedicatorum*⁵⁷, направляющийся с миссией от краковского провинциала ордена.

Бранденбуржец и доминиканец показали тонзуры, Конрад Кантнер ответил легким наклоном головы.

– Ваша милость, ваши преосвященства, – проговорил он в нос. – Мне приятно будет откусать в столь достойном обществе. И побеседовать. Побеседуем же, если это не наскучит вашим преподобиям, мы и здесь, и в пути, поскольку я также еду во Вроцлав с дочерью... Подойди, Агнешка. Поклонись слугам Христовым.

Княжна сделала реверанс, наклонила головку, намереваясь поцеловать руку, но Мачей Корзбок остановил ее и быстро перекрестил. Чешский доминиканец сложил руки, наклонил голову, пробормотал короткую молитву, добавив что-то о *clarissima puella*⁵⁸.

– А это, – продолжал Кантнер, – господин сенешаль Рудигер Хаугвиц. Это – мои рыцари и мой гость...

Рейневан почувствовал, как его дернули за рукав. Послушавшись жеста и шипения Кромпуша, он вышел с ним во двор, где по-прежнему не прекращалась вызванная прибытием князя суматоха. Во дворе их поджидал Эберсбах...

– Я кое-что разузнал, – сказал он. – Они были здесь вчера. Вольфгер Стерча сам-шесть. Выспрашивал я также тех, из Великопольши. Стерчи задерживали их, но не смели навязываться духовным особам. Однако, судя по всему, они ищут тебя на вроцлавском тракте. Я бы на твоём месте бежал.

– Кантнер, – буркнул Рейневан, – меня защитит...

Эберсбах пожал плечами:

– Воля твоя. И шкура. Вольфгер очень громко и подробно излагал, что сделает с тобой, когда поймает. Я на твоём месте...

– Я люблю Адель и не брошу ее! – вспыхнул Рейневан. – Это во-первых. А во-вторых... Куда бежать-то? В Польшу? Или, может, в Жмудь?

– Недурная мысль. Я имею в виду Жмудь.

– Вон, зараза! – Рейневан пнул крутящуюся у ног квочку. – Ладно. Подумаю. И что-нибудь вымыслю. Но для начала поем. Подыхаю с голоду, а запах здешней капусты меня доконает.

Действительно, самое время было приняться за еду. Еще момент, и юношам пришлось бы ограничиться ароматом. Горшки каши и капусты с горохом, а также миски свиных костей с мясом поставили на главный стол перед князем и княжной. Посуда отправлялась на край стола

---

⁵⁶ Председатель духовного суда в католической церкви.

⁵⁷ Орден Проповедников, доминиканцы.

⁵⁸ Сиятельнейшая дева (лат.).

лишь после того, как ее содержимым насыщались гости, сидевшие ближе других к Кантнеру и трем священнослужителям, которые, как оказалось, в состоянии были съесть немало. По дороге вдобавок ко всему сидел Рудигер Хаугвиц, обладавший не меньшим, нежели они, аппетитом, и еще заграничный гость князя, здоровенный черноволосый рыцарь с таким смуглым лицом, словно он только что вернулся из Святой Земли. Таким образом, в тарелках и мисках, достававшихся низшим рангам и более молодым едокам, не оставалось почти ничего. К счастью, немного погодя корчмарь поднес князю огромное блюдо с каплунами, которые выглядели и ароматили так восхитительно, что привлекательность капусты и свиного сала сильно приуменьшилась и они попали на концы столов почти нетронутыми.

Агнешка Кантнерувна обглаживала зубками бедрышко каплуна, стараясь уберечь от капающего жира модно разрезанный рукав платья. Мужчины болтали о том о сем. Очередь пришлась как раз на одного из духовных лиц, доминиканца Яна Неедлы из Высоке.

– Я, – ораторствовал он, – был приором у Святого Клементия в Старом Пражском Граде. *Item*⁵⁹ преподавателем в Карловом университете. Ныне, как видите, я – изгнанник, довольствующийся чужой милостью и чужим хлебом. Мой монастырь разрушили, а в академии, как легко можно догадаться, мне было не по пути с супостатами и паршивцами типа Яна Пшибрама, Кристиана из Прахатиц и Якуба из Стржибора, покарай их Господь...

– У нас здесь, – вставил Кантнер, ловя глазами Рейневана, – есть один студент из Праги. *Scholarius academiae pragnesis, artium baccalaureus*⁶⁰.

– В таком случае, – глаза доминиканца сверкнули по-над ложкой, – я посоветовал бы внимательно следить за ним. Я далек от мысли кого-либо обвинять в ереси, но ересь – словно сажа, словно смола. Словно навоз, чтобы не сказать больше! Всякий, кто крутится поблизости, может испачкаться.

Рейневан быстро опустил голову, чувствуя, как у него опять горят уши и кровь приливает к щекам.

– Где там, – рассмеялся князь, – нашему схоляру до ереси. Он же из приличной семьи, на священника и медика в пражской учельне обучался. Я верно говорю, Рейнмар?

– С вашего позволения, – сглотнул Рейневан, – я в Праге уже не учусь. По совету брата я бросил Каролиnum в девятнадцатом году, вскоре после святых Абдона и Сена... То есть тут же после дефене... Ну, знаете когда. Теперь думаю, может, в Краков подамся учиться... Или в Лейпциг, куда большинство пражских профессоров ушло... В Чехию не вернусь. Пока там не прекратятся волнения.

– Волнения! – Из рта вспыхнувшего чеха вылетел и прилип к ладанке листок капусты. – Отличное словечко, ничего не скажешь! Вы здесь, в мирной стране, даже представить себе не можете, что выделывают в Чехии еретики, ареной каких несчастий стала она. Подзуженная еретиками, виклифистами, вальденсами и прочими слугами сатаны толпа оборотила свою бездумную злобу против веры и церкви. В Чехии подрывают веру в Бога и жгут его святыни. Убивают слуг Божиих!

– Действительно, – подтвердил, облизывая пальцы, Мельхиор Бурфусс, викарий любушского епископа, – вести доходят страшные. Верить не хочется...

– А верить надо! – еще громче выкрикнул Ян Неедлы. – Ибо ни одна весть не преувеличена!

Из его кружки выплеснулось пиво. Агнешка Кантнерувна непроизвольно отпрянула, заслонила бедрышком каплуна, как щитом.

– Хотите примеры? Извольте! Избиты монахи в Чешском Броде и Помукe, убиты цистерцианцы в Збрацлаве, Велеграде и Мниховом Градище, умерщвлены доминиканцы в Писке,

---

⁵⁹ А также (лат.).

⁶⁰ Студент Пражской академии, бакалавр (лат.).

бenedиктинцы в Кладрубах и Постолоптрах, убиты невинные премонстратки в Хотишове, убиты священники в Чешском Броде и Яромере, ограблены и сожжены монастыри в Колине, Милевске и Златой Коруне, осквернены алтари и изображения святых в Бржевнове и Воднянах... А что вытворял Жижка, этот бешеный пес, этот антихрист и дьявольское отродье? Кровавая резня в Хомутове и Прахатицах, сорок священников живьем сожжены в Беруне, сожжены монастыри в Сазаве и Вилемове. Святотатства, коих не допустили бы и турки, жуткие преступления и жестокости, зверства, при виде которых вздрогнул бы сарацин! О, воистину, Боже, доколе ж ты не будешь судить и наказывать за кровь нашу?

Тишину, в который был слышен только шорох молитвы олесьницкого капеллана, прервал глубокий звучный голос смуглолицего и широкоплечего рыцаря, гостя князя Конрада Кантнера.

– Этого могло бы не быть.

– То есть? – поднял голову доминиканец. – Что вы, господин, хотите этим сказать?

– Всего этого можно было легко избежать. Достаточно было не сжигать на костре Яна Гуса в Констанце.

– Вы, – прищурился чех, – уже там, уже тогда защищали еретика, кричали, протестовали, петиции составляли, я-то знаю. А были и тогда не правы, и сейчас. Ересь распространяется, как плевелы, а Святое Писание велит сорняки выжигать огнем. Папские буллы наказывают...

– Оставьте буллы, – обрезал смуглолицый, – для соборных дискуссий, они смешно звучат, когда их приводят в корчме. А в Констанце я был прав, можете говорить что хотите. Люксембургец королевским словом и охранной грамотой гарантировал Гусу безопасность. И слово, и клятву нарушил, тем самым запятнав честь монарха и рыцаря. Я не мог смотреть на это спокойно. Не мог. И не хотел.

– Рыцарская клятва, – заворчал Ян Неедлы, – должна даваться во имя служения Богу, безразлично, кто клянется, оруженосец или король. Вы называете божеской службой сдержат клятву и слово, данное еретiku? Вы называете это честью? Я зову это грехом.

– Я если даю слово, то это слово, данное перед лицом Бога. Поэтому не нарушаю его, даже если оно туркам дано.

– Слово, данное туркам, нарушать нельзя. А еретикам – можно.

– Воистину, – очень серьезно сказал Мачей Карзбок, познанский официал. – Мавры и турки погрязли в безбожии из-за темноты и дикости. Их можно обратить. Отщепенец же и схизматик от веры и Церкви отворачивается, насмехается над ними и кошунствует. Потому-то он Богу во сто крат противнее. И любой способ борьбы с ересью хорош. Ведь никто, идя на волка либо на пса бешеного, не станет, будь он в здравом уме, распространяться о чести и рыцарском слове. Против еретика все годится.

– В Кракове, – гость Кантнера повернулся к нему, – каноник Ян Эльгот, когда надобно схватить еретика, ни во что не ставит тайну исповеди. Епископ Анджей Ласкар, которому вы служите, предписывает это священникам познанской епархии. Все годится. Воистину.

– Вы не скрываете, господин, своих симпатий, – кисло проговорил Ян Неедлы из Высоке. – Поэтому и я своих скрывать не стану. И повторю: Гус был еретиком и должен был пойти на костер. Король римский, венгерский и чешский правильно поступил, не сдержав слова, данного чешскому еретiku.

– И за это, – парировал смуглолицый, – его чехи так теперь любят. Из-за этого он сбежал из-под Вышеграда с чешской короной под мышкой. И теперь царствует над чехами, да только сидя в Буде. Потому как на Градчаны его впустят не скоро.

– Позволяете себе насмехаться над королем Сигизмундом, – заметил Мельхиор Барфусс. – А ведь ему служите.

– Именно поэтому.

– А может, по какой другой причине? – ядовито спросил чех. – Ведь вы, рыцарь, под Танненбергом бились против госпитальеров на стороне поляков. На стороне Ягеллы. Короля-неофита, явного симпатика чешской ереси, охотно прислушивающегося к схизматикам и виклифистам. Племянник Ягеллы, вероотступник Кобытович, всю буйствует в Праге, польские рыцари в Чехии убивают католиков и грабят монастыри. И хоть Ягелло и делает вид, будто все это творится против его воли и согласия, однако что-то сам с войском супротив еретиков не идет! А если б пошел, если б с королем Сигизмундом в крестовом походе объединился, то в один миг с гуситами было бы покончено! Так почему ж Ягелло этого не делает?

– И верно, – опять усмехнулся смуглолицый, и усмешка его была очень многозначительной. – Почему? Интересно?

Конрад Кантнер громко кашлянул. Барфусс прикинулся, что его интересует исключительно капуста с горохом. Мачей Корзбок прикусил губу и грустно покачал головой.

– Что правда, то правда, – согласился он. – Римский кесарь не раз показал, что он не друг польской короне. Конечно, в защиту веры каждый великополюк, а за них я могу поручиться, охотно встанет. Но только в том случае, если Люксембуржец гарантирует, что когда мы двинемся на юг, то ни прусские крестоносцы, ни бранденбуржцы на нас не нападут. А как он даст такую гарантию, если он с ними задумал раздел Польши? Я не прав, князь Конрад?

– Да что тут рассуждать, – вполне неискренне улыбнулся Кантнер. – Что-то, сдастся, мы уже явно сверх меры рассуждаем о политике. А политика плохо сочетается с едой. Которая, кстати сказать, стынет.

– Ничего подобного. Говорить об этом надо, – запротестовал Ян Неедлы к радости юных рыцарей, до которых уже добрались два горшка, почти совершенно нетронутых разговорившимися вельможами. Радость оказалась преждевременной, вельможи доказали, что вполне могут ораторствовать и есть одновременно.

– Потому что учтите, уважаемые, – продолжал, поглощая капусту, бывший приор монастыря Святого Клементия, – не только чешское дело эта виклифовская зараза. Чехи, уж я-то их знаю, готовы и сюда прийти, как ходили в Моравию и на Ракусы⁶¹. Могут прийти и к вам, господа. Ко всем, что здесь сидят.

– Ну уж, – надул губы Кантнер, копаясь в тарелке в поисках шкварок. – В это я не поверю.

– Я тем более, – фыркнул пивной пеной Мачей Корзбок. – К нам в Познань им далековато будет.

– До Любуша и Фюрстенвальда, – проговорил с набитым ртом Мельхиор Барфусс, – тоже от Табора изрядный кус дороги. Не-е-е, я не боюсь.

– Тем более, – добавил с кривой ухмылкой князь, – что скорее сами чехи гостей дождутся, чем на кого-нибудь пойдут. Особенно сейчас, когда Жижки не стало. Я думаю, гости того и гляди нагрянут, так что чехам их со дня на день дожидаться следует.

– Крестовики? Может, вы чего-нито знаете, ваша милость?

– Никак нет, – ответил Кантнер, мина которого выражала совершенно обратное. – Просто так мне подумалось. Хозяин! Пива!

Рейневан незаметно выскользнул во двор, а со двора за хлев и в кусты за огород. Облегчившись как следует, вернулся. Но не в комнату, а вышел через ворота и долго глядел на скрывающийся в синей дымке тракт, на котором, к своему счастью, не заметил приближающихся галопом братьев Стерчей.

«Адель, – вдруг подумал он. – Адель вовсе не в безопасности у лиготских цистерцианок. Я должен... Да, должен, но боюсь. Того, что со мной могут сделать Стерчи. Того, о чем они так красочно рассказывают».

---

⁶¹ Старопольское название Австрии.

Он вернулся во двор. Удивился, увидев князя Кантнера и Хаугвица, бодро и легко выходящих из-за хлебов. «В принципе, – подумал он, – чему удивляться? В кусты за хлебами ходят даже князья и сенешали. К тому же пешком».

– Послушай, Беляу, – бесцеремонно сказал Кантнер, ополаскивая руки в чане, который ему спешно подставила дворовая девка, – что я скажу. Ты не поедешь со мной во Вроцлав.

– Ваша княжеская...

– Захлопни рот и не открывай, пока я не прикажу. Я делаю это ради твоего добра, молоко-сос. Потому что я больше чем уверен, что во Вроцлаве мой брат, епископ, засадит тебя в башню раньше, чем ты успеешь выговорить «*benedictum nomen Iesu*»⁶². Епископ Конрад очень жесток к чужеложцам, вероятно, хе-хе, не терпит конкуренции, хе-хе-хе. Так что возьмешь того коня, который тебя укусил, и поедешь в Малую Олесьницу, в иоаннитскую командорию, скажешь командору Дитмару де Альзей, что, дескать, я прислал тебя на покаяние. Там посидишь тихо, пока я не вызову. Ясно? Должно быть ясно. А на дорогу тебе вот, возьми, кошель. Знаю, что невелик. Дал бы больше, да мой коморник⁶³ отсоветовал. Здешняя корчма и без того здорово поуменишила мой фонд «на представительство».

– От всей души благодарю, – буркнул Рейневан, хотя вес кошель благодарности не заслуживал. – От всей души благодарю вашу милость. Только вот...

– Стерчей не бойся, – прервал князь. – В иоаннитском доме они тебя не найдут, а в пути ты будешь не один. Так уж получилось, что в том же направлении, то бишь к Мораве, движется мой гость. Вероятно, ты видел его за столом. Он согласился взять тебя с собой. Честно говоря, не сразу. Но я его уговорил. Хочешь знать как?

Рейневан кивнул, показав, что хочет.

– Я сказал ему, что твой отец погиб в отряде моего брата под Танненбергом. А он там тоже был. Только они говорят не «Танненберг», а «Грюнвальд». Он сражался на противной стороне. Ну, короче, будь здоров и – повеселее, парень, повеселее. Обижаться на мою благосклонность ты не можешь. Конь – есть. Гроши – есть. Да и безопасность в пути обеспечена.

– Как обеспечена? – отважился проговорить Рейневан. – Милостивый князь... Вольфгер Стерча ездит сам-шесть... А я... С одним рыцарем? Даже если он и с оруженосцем... Ваша милость... Это же всего только один рыцарь!

Рудигер Хаугвиц фыркнул. Конрад Кантнер покровительственно напыжился.

– Ох и глуп же ты, Беляу. Вроде б ученый бакалавр, а известного человека не распознал. Для этого рыцаря, недотепа, шестеро – раз плюнуть.

И видя, что Рейневан по-прежнему не понимает, пояснил:

– Это же Завиша Черный из Гарбова.

---

⁶² «Да святится имя Иисуса» (лат.).

⁶³ Здесь: придворный, ведающий княжескими (королевскими) палатами.

Глава четвертая,

в которой Рейневан и Завиша Черный из Гарбова рассуждают на Бжегском тракте о том о сем. Потом Рейневан лечит Завишу от скопившихся газов, а Завиша взамен обогащает его ценными сведениями из области новейшей истории.

Придерживая коня, чтобы немного поотстать, рыцарь Завиша Черный из Гарбова приподнялся в седле и протяжно пустил ветры. Потом глубоко вздохнул, оперся руками о лук и пустил снова.

– Это все капуста, – деловито пояснил он, догоняя Рейневана. – В моем возрасте столько капусты есть нельзя. Клянусь останками святого Станислава, когда я был молодым, я мог съесть ого-го! Кофлик, то бишь больше чем полгарнца⁶⁴ капусты съедал в три приема. И ничего. Я мог есть капусту в любом виде, хоть дважды в день, лишь бы тмина в ней было поболее. А теперь, едва малость съем, так у меня аж кипит в животе, а газы, сам видишь, парень, чуть не разрывают. Старость, пся мать, не радость.

Его конь, могучий вороной жеребец, тяжело взбрыкнул, будто рвался в атаку. Весь он до самой морды был покрыт черной попоной, украшенной на крупе «сулимой», гербом рыцаря. Рейневан удивлялся, что сразу не обратил внимания на известный знак, не очень типичный в польской геральдике и по почетному изображению, и по мобилиям⁶⁵.

– Ты что такой молчаливый? – неожиданно спросил Завиша. – Мы столько уже едем, а ты за все это время какой-то десяток слов обронил, не больше. И то когда за язык потянули. Дуешься на меня? Из-за Грюнвальда, что ли? Знаешь, парень, не могу тебя уверить, что я никак не мог бы убить твоего отца. Я, конечно, мог сказать, что мы с ним не могли встретиться в бою, так как краковская хоругвь располагалась в центре линии польско-литовских войск, а хоругвь Конрада Белого – на левом крыле крестоносцев, аж за Стемборком. Но не скажу, потому что это была бы ложь. Тогда, в день Призвания Апостолов, я прикончил множество народу. В общей суматохе и дьявольской круговерти, в которой мало что было видно, ибо это была битва. Вот и все.

– Отец, – откашлялся Рейневан, – носил на щите...

– Я не помню гербов, – резко и грубо прервал сулимец. – В общей схватке они для меня ничего не значат. Важно, в которую сторону обращена морда коня. Если в противоположную морде моего, то я рублю, пусть там хоть сама Богородица у него на гербе. Впрочем, когда кровь налипает на пыль, а пыль – на кровь, то все равно на щитах ни хрена не видно. Повторяю, Грюнвальд был сражением. А в сражении – как в сражении. И на этом покончим. И не дуйся на меня.

– Да я и не дуюсь.

Завиша снова немного придержал коня, приподнялся в седле и громко выпустил скопившиеся газы. С придорожных верб сорвались перепуганные галки. Едущая позади свита рыцаря из Гарбова, состоящая из седовласого оруженосца и четырех вооруженных слуг, предусмотрительно держалась на расстоянии. И оруженосец, и слуги ехали на прекрасных лошадях. Одеты все были богато и чисто. Как и полагается слугам человека, который был крушвицким и списским старостой и взимал, если верить молве, аренду круглым счетом с тридцати сел. Однако ни оруженосец, ни слуги не напоминали гладеньких господских пажей. Совсем наоборот, они смотрелись крутыми забияками, а оружие, которым были обвешаны, никак нельзя было считать украшением.

---

⁶⁴ Гарнец – около 3,3 литров.

⁶⁵ Сулима – польский рыцарский герб, отличающий много родов. Мобилия – геральдические подробности.

– Итак, – начал Завиша, – ты не дуешься. Тогда почему ж ты такой молчаливый?

– Потому что, сдается мне, – осмелился сказать Рейневан, – больше вы дуетесь на меня. И знаю почему.

Завиша Черный повернулся в седле и долго смотрел на него.

– Вот, – проговорил он наконец, – жалобно заныла обиженная невинность. Так знай, сынок, последнее дело трахать чужих жен. И если хочешь знать мое мнение, это подлый поступок. И заслуживает наказания. Честно говоря, ты в моих глазах ничуть не лучше мошенника, который в толпе срезает кошельки или по ночам очищает курятники. Думается, и тот, и другой – мелкие паршивцы и мерзавцы, воспользовавшиеся представившейся оказией.

Рейневан не прокомментировал.

– Был в Польше некогда обычай, – продолжал Завиша Черный, – когда пойманного любителя до чужих жен отводили на помост и к этому помосту железным гвоздем прибавляли его мошонку с яйцами. А рядом с прелюбодеем клали нож. Дескать, если хочешь на свободу – отрежь.

Рейневан смолчал и на этот раз.

– Теперь уж не прибавают, – заключил рыцарь. – А жаль. Мою супругу Барбару легкомысленной никак не назовешь, но когда подумаю, что ее минутную слабость, может, там, в Кракове, использует какой-нибудь модник, какой-нибудь, парень, подобный тебе красавчик... А, да что говорить...

Тишину, опустившуюся на несколько минут, снова прервала поглощенная рыцарем капуста.

– Тааак, – облегченно охнул Завиша и глянул на небо. – Впрочем, знай, парень, я тебя не осуждаю, ибо бросать камни может только тот, кто сам безгрешен. И подытожив таким образом, не будем больше к этому возвращаться.

– Любовь – великое дело, и много у нее имен, – проговорил Рейневан слегка недовольным голосом. – Слушающий песни и романсы не осуждает ни Тристана и Изольду, ни Ланселота и Гвиневеру, ни трубадура де Кабестена и мадам Маргариту из Руссельона. А нас с Аделью связывает не меньшая горячая и искренняя любовь. И пожалуйста, все прямо-таки взъелись...

– Если ваша любовь столь велика, – Завиша как бы удивился, – то почему ты не рядом со своей любимой? Почему удрал, будто застигнутый на месте преступления вор? Тристан, чтобы быть рядом с Изольдой, нашел способ, переделся, если мне память не изменяет, в лохмотья запаршивевшего нищего. Ланселот, чтобы спасти Гвиневеру, в одиночку пошел войной на всех рыцарей Круглого Стола.

– Не так все просто. – Рейневан зарделся не хуже алой розы. – Ей крепко достанется, если меня схватят и убьют. Я уж не говорю о себе самом. Но я найду способ, не бойтесь. Хотя бы переодевшись, как Тристан. Любовь всегда побеждает. *Amor vincit omnia*.

Завиша приподнялся в седле и грохотнул. Трудно было понять, что это – комментарий или всего лишь капуста.

– Единственная от нашего диспута польза, – сказал он, – что мы поболтали, потому как скучно было ехать молчком, опустив нос. Продолжим же, юный силезец. На другую тему.

– А почему, – после недолгого молчания проговорил Рейневан, – едете этой дорогой? Не ближе ли из Кракова на Мораву через Рацибуж? И Опавско?

– Может, и ближе, – согласился Завиша. – Но я, видишь ли, рацибужцев терпеть не могу. Недавно преставившийся князь Ян, светлая ему память, тот еще был сукин сын. Натравил убийц на Пшемька, сына чешского князя Ношака, а я и Ношака знал, и Пшемык был мне другом. Потому-то я не пользовался рацибужским гостеприимством раньше, да и теперь не стану. Тем более что Янов сынуля Миколаек доблестно, говорят, следует по стопам родителя. Кроме того, я сделал солидный крюк, потому что надо было кое-что обговорить с Кантнером в Олесьнице, ознакомить с тем, что сказал по его адресу Ягелло. К тому же дорога через Ниж-

нюю Силезию обычно гораздо разнообразнее. Хоть и вижу теперь, что таковое мнение сильно преувеличено.

– Ага, – быстро догадался Рейневан, – так вот почему вы в полном вооружении едете! На боевом коне! Драку высматриваете? Я угадал?

– Угадал, – спокойно согласился Завиша Черный. – Говорили, у вас тут кишмя кишат раубриттеры⁶⁶.

– Не здесь. Здесь безопасно. Потому так людно.

Действительно, на недостаток общества обижаться было нельзя. Правда, сами они не обгоняли никого и никто их не опережал, зато в противоположном направлении, из Бжега к Олеснице, движение было оживленное. Их уже миновали несколько купцов на продавливающих глубокие колеи тяжело нагруженных телегах в сопровождении нескольких вооруженных людей с исключительно бандитскими физиономиями. Миновала пешая колонна навьюченных баклагами дегтярей, опережаемых резким запахом дегтя. Проследовала группка конных крестоносцев, прошагал странствующий с оруженосцем молодой иоаннит с личиком херувима, проплелись перегоняющие волов погонщики и пятерка подозрительного вида пилигримов, которые, хоть они вполне вежливо поинтересовались дорогой на Ченстохову, в глазах Рейневана подозрительными быть не перестали. Проехали на брошенной телеге голиарды, веселыми и не вполне трезвыми голосами распеваящие «*In cratero mea*»⁶⁷, песню, сложенную на слова Гуго Орлеанского. Только что проехал рыцарь с женщиной и небольшой свитой. Рыцарь был в роскошных баварских латах, а вздыбившийся двухвостый лев на его щите указывал на принадлежность к обширному роду Унругов. Рыцарь, это было видно, моментально распознал герб Завиши, поклонился, но так гордо, чтобы было ясно, что Унруги ничуть не хуже сулимцев. Одета в светло-фиолетовое платье спутница рыцаря сидела по-дамски на прекрасной караковой лошади, и ее голова – о диво! – ничем не была покрыта. Ветер свободно играл золотыми волосами. Проезжая мимо, женщина подняла голову, слегка улыбнулась и окинула уставившегося на нее Рейневана таким зеленым и многоговорящим взглядом, что юноша даже вздрогнул.

– Эге! – сказал, выдержав долгую паузу, Завиша. – Своей смертью ты, парень, не умрешь. И пустил ветры. С силой бомбарды среднего размера.

– Чтобы доказать, – сказал Рейневан, – что я на все ваши насмешки и уколы вовсе не обижаюсь, я вылечу вас от постоянных подскоков и газов.

– Интересно было бы узнать как.

– Увидите. Как только попадетесь пастух.

Пастух попался довольно скоро, но, увидев сворачивающих к нему с дороги конных, кинулся в паническое бегство, влетел в чашу и исчез как сон золотой. Остались только блеющие овцы.

– Надо было, – рассудил, в очередной раз приподнимаясь на стременах, Завиша, – маневром его брать, из засады. Теперь-то уж его по этим вертепам не догонишь. Судя по скорости, он уже успел отгородиться от нас Одрой.

– А то и Нисой, – добавил Войцех, оруженосец рыцаря, проявляя живость ума и знание географии.

Однако Рейневан вовсе не обратил внимания на насмешки. Слез с коня, уверенно направился к пастушьему шалашу и через минуту вернулся с большим пучком сухих трав.

– Мне был нужен не пастух, – пояснил он спокойно, – а вот это. И немного кипятка. Горшок не найдется?

– Найдется все, – сухо сказал Войцех.

---

⁶⁶ Рыцари-разбойники, грабители (нем. *Raubritter*).

⁶⁷ «В моем кувшине» (лат.).

– Если кипячение, – Завиша взглянул в небо, – тогда остановка. К тому же долгая, потому что близится ночь.

Завиша Черный поудобнее устроился на накрытом козлом седле, заглянул в только что опустошенную кружку, понюхал.

– И верно. Вкус как у нагретой солнцем воды из рва, а несет кошатиной. И помогает, клянусь муками Господними, помогает! Уже после первой кружки, когда меня пронесло, я почувствовал себя лучше, а теперь-то уж словно рукой сняло. Моя благодарность, Рейнмар. Вижу, врут людишки, что университеты могут ребят научить только пьянству, разврату и сквернословию. Однако и пользе тоже.

– Малость знаний о травах, ничего больше, – скромно ответил Рейневан. – А по-настоящему вам помогло, господин Завиша, то, что вы сняли доспехи, передохнули в более удобном, чем в седле, положении...

– Ты слишком скромен, – прервал рыцарь. – Я свои возможности знаю, знаю, сколько времени могу выдержать в седле и доспехах. Я, видишь ли, частенько путешествую ночью, с фонарем, без остановки. Во-первых, это сокращает время, во-вторых, а вдруг в потемках кто-нибудь, не разобравшись, зацепит... И развеселит... Но коли ты утверждаешь, что здесь места спокойные, то зачем лошадей мучить, посидим у костра до рассвета, поболтаем... В конце концов, это тоже развлечение, хотя, конечно, выпустить кишки из пары-другой раубриттеров интереснее, но все же...

Огонь весело вспыхнул, осветил ночь. Зашипел и пустил ароматы жир, капающий с колбас и кусков грудинки, которые оруженосец Войцех со слугами поджаривали на прутиках. Войцех и слуги хранили молчание и соблюдали соответствующую дистанцию, но во взглядах, которые они украдкой бросали на Рейневана, проскальзывала благодарность. Видать, они вовсе не разделяли любовь господина к ночным поездкам с фонарем.

Небо над лесом искрилось звездами. Ночь была холодной.

– Дааа, – Завиша обеими руками помассировал живот, – помогло. Помогло лучше и скорее, чем обычно прописываемые молитвы святому Эразму, патрону требухи. Что же это был за магический отвар, что за волшебная мандрагора? И почему ты ее именно у пастуха искал?

– После святого Яна, – пояснил Рейневан, довольный тем, что может показать свои знания, – пастухи собирают только им ведомые травы. Их собирают в пучки и носят привязанными к ирकाнице, как пастухи называют пастушьей палкой. Потом травы сушат в шалаше. И делают из них отвар, которым...

– Поят скотину, – спокойно вставил сулимец. – Значит, ты приравнял меня к раздувшейся корове. Ну, коли помогло...

– Не сердитесь, господин Завиша. Народная мудрость беспредельна. Никто из великих медиков и алхимиков не пренебрегал ею, ни Плиний, ни Гален, ни Страбон, ни ученые арабы, ни Герберт Орильякский, ни Альберт Великий. Медицина многое взяла от народа, а от пастухов – особенно. Они владеют колоссальным и неизмеримым знанием о травах и их лечебной силе. И о... других силах.

– Действительно?

– Да, – подтвердил Рейневан, подвигаясь ближе к костру. – Вы не поверите, господин Завиша, какие силы таятся в пучке, в той сухой соломе из пастушьего шалаша, за который никто и ломаного шелёнга бы не дал. Взгляните: ромашка, кувшинка, вроде бы – ничего особенного, а если приготовить настой, они творят чудеса. Или вот те, которые я вам дал: кошачья лапка, борщевик, дягель лекарственный. А вот эти, по-чешски «споричек» и «семикраска». Мало какой медик знает, насколько они полезны. А вываром из тех, что зовутся «якубки», пастухи для защиты от волков обрызгивают овец в мае, на день святых Филиппа и Якуба. Хотите верьте, хотите – нет, но обрызганных овец волк не тронет. Это вот – ягоды святого

Венделина, а это – травка святого Лингарта, оба святых, как вы, конечно, знаете, втроем с Мартином покровительствуют пастухам. Когда даешь эти травы животным, надо призывать именно этих святых.

– То, что ты бормотал над котелком, не было о святых.

– Не было, – признался, откашлявшись, Рейневан. – Я же вам говорил: народная мудрость...

– Очень уж эта мудрость костром пахнет, – серьезно сказал сулимец. – На твоём месте я бы посмотрел, кого лечу. С кем болтаю. И в чём присутствии ссылаюсь на Герберта Орильяка. Остерегался бы, Рейнмар.

– Я остерегаюсь.

– А я, – проговорил оруженосец Войцех, – думаю, ежели чары существуют, то лучше их знать, чем не знать. Я думаю...

Он замолчал, видя грозный взгляд Завиши.

– А я думаю, – резко сказал рыцарь из Гарбова, – что все зло этого мира идет от мышления. Когда думать начинают люди, совершенно не способные к этому.

Войцех ещё ниже наклонился к сбруе, которую чинил и смазывал салом. Рейневан, прежде чем что-либо сказать, переждал несколько минут.

– Господин Завиша?

– А?

– В корчме, в споре с тем доминиканцем, вы не таились... Ну... Вроде как бы... Вроде вы за чешских гуситов. Во всяком случае, больше за, чем против.

– А у тебя что – мышление и ересь на одной полке лежат?

– Ну, в общем, – признался, помолчав, Рейневан. – Но ещё больше меня удивляет...

– Что тебя удивляет?

– Как все было... Как все было у Немецкого Брода в двадцать втором году? Когда вы в чешский плен попали. Тут всякие легенды кружат...

– И какие же?

– А такие, что вас гуситы схватили, так как бежать вам не позволяла рыцарская честь, а бороться не могли, потому что были послом.

– Что, так прямо и говорят?

– И ещё... Что король Сигизмунд бросил вас в тяжкую минуту. А сам позорно бежал.

Завиша долго молчал. Наконец проговорил:

– А ты хотел бы знать правильную версию, так?

– Если, – неуверенно ответил Рейневан, – вам это не в тягость...

– С чего бы? За приятной беседой время летит быстрее. Так почему ж не поболтать?

Вопреки сказанному рыцарь из Гарбова снова долго молчал, поигрывая пустой кружкой. Рейневан подумал было, что Завиша ждёт его новых вопросов, но задавать их не спешил. И, как оказалось, правильно сделал.

– Начать, – заговорил Завиша, – надобно, кажется мне, с того, что король Владислав послал меня к римскому императору с достаточно деликатной миссией... Речь шла о браке с королевой Эвфемией, племянницей Сигизмунда, вдовой чешского Вацлава. Как ныне известно, из этого ничего не получилось, Ягелло предпочёл Сонку Гольшанскую. Но тогда это ещё не было известно. Король Владислав поручил мне обговорить с Люксембургцем все, что надо, в основном приданое. Ну, я и поехал. Но не в Пожонь⁶⁸ и не в Буду, а на Мораву, откуда Зигмунт в то время двинулся на своих непослушных подданных с очередным крестовым походом с твердым намерением взять Прагу и окончательно известить в Чехии гуситскую ересь.

---

⁶⁸ Пожонь, или Пресбург, – теперешняя Братислава.

Когда я туда приехал, а было это на святого Мартина, Сигизмундов крестовый поход развивался вполне успешно. Хоть армия у Люксембуржца была немного ослабленной. Разошлось по домам уже большинство возглавляемого ландвойтом Румпольдом войска из Лужиц, ограничившись опустошением земель вокруг Хрудимья. Вернулся восвояси силезский контингент, в котором, кстати говоря, был и наш недавний хозяин и собеседник Конрад Кантнер. Так что в походе на Прагу короля по-настоящему поддерживало только рацлавицкое рыцарство Альбрехта да моравское войско епископа из Оломоуца. Однако одной только венгерской кавалерии у Сигизмунда было больше десяти тысяч.

Завиша на минуту замолчал, вперившись в потрескивающий костер.

– Волей-неволей, – продолжил он, – для того чтобы с Люксембуржцем Ягеллов марьяж обсуждать, пришлось мне поучаствовать в их крестовом походе и много чего увидеть. Очень много. Ну, хотя бы захват Полички и устроенную после захвата бойню.

Слуги и оруженосец сидели неподвижно, как знать, может, и спали. Завиша говорил тихо и довольно монотонно. Как бы убаюкивал. Особенно тех, кто уже наверняка слышал рассказ. Или даже участвовал в событиях.

– После Полички Сигизмунд двинулся на Кутну Гору⁶⁹. Жижка загородил ему дорогу, отразил несколько атак венгерской конницы, но когда пошла весть о захвате города в результате предательства, отступил. Королевские войска вошли в Кутну Гору, окрыленные победой... Ха! Ну как же, побили самого Жижку, сам Жижка отступил от них. И тогда Люксембуржец совершил непростительную ошибку. Хоть его отговаривали я и Филипп Сколлари...

– То есть Пиппо Спано? Знаменитый флорентийский кондотьер?

– Не прерывай, парень. Вопреки моим и Пиппо советам король Зигмунт, уверенный в том, что чехи панически бежали и не остановятся даже в Праге, позволил венграм разъехаться по округе, чтобы, как он выразился, поискать места для зимовки, потому как мороз был крепкий. Магьяры рассеялись и проводили Годы⁷⁰ в грабежах, насиловании женщин, поджоге деревень и убиении тех, кого считали еретиками либо симпатизирующими им. То есть каждого, кто попадался.

Ночью небо освещали зарева пожаров, днем – поднимались дымы, а король в Кутной Горе пировал и вершил суды. И тут, на Трех Царей, утром разнесся слух: идет Жижка. Жижка не бежал, а лишь отступил, перегруппировал войско, усилил и теперь идет на Кутну Гору со всей силой Табора и Праги, он уже в Каньке, уже в Небовидах! И что? Что сделали доблестные крестоносцы, узнав об этом? Видя, что уже нет времени на то, чтобы собрать в кулак расплзшуюся по округе армию, сбежали, бросив уйму оружия и награбленного добра, поджигая за собой город. Пиппо Спано ненадолго сдержал панику и выставил оборону на дороге между Кутной Горой и Немецким Бродом.

Мороз ослабел, было пасмурно, серо, мокро. И тогда мы слышали вдали... И увидели... Парень, ничего подобного я еще никогда не слышал и не видел, а ведь довелось слышать и видеть немало.

Они шли на нас, табориты и пражане, шли, неся штандарты и дароносицы, двигались прекрасным, дисциплинированным строем с песней, грохочущей, как гром. Двигались их прославленные повозки, с которых на нас щерились пушки, хуфницы⁷¹ и бомбарды.

И тогда зазнавшиеся немецкие хельды⁷², чванливые ракусские латники Альбрехта, магьяры, оравское и лужицкое дворянство, наемники Спано – все до единого кинулись бежать. Да, парень, ты не ослышался: еще не успели гуситы подойти на расстояние выстрела из арбалета,

---

⁶⁹ Кутенберг (нем.).

⁷⁰ В древней Польше период от 25.12, т. е. от Рождества, до 06.01, то есть до Трех Царей.

⁷¹ Легкие орудия с коротким стволом, стреляющие каменными ядрами.

⁷² Герои (нем.).

как вся Зигмунтова рать помчалась, обезумев от ужаса, панически, сломя шею к Немецкому Броду. Боевитые рыцари бежали, налетали, сталкиваясь и переворачивая друг друга, вопя от страха, бежали от пражских сапожников и канатчиков, от холопов в лаптях, над которыми еще недавно насмехались. Бежали в панике и ужасе, бросая оружие, которое весь крестовый поход поднимали в основном на безоружных. Бежали, парень, на моих изумленных глазах, как трусы, как мелкие воришки, которых садовник застал за кражей слив. Словно испугались... правды. Девиза VERITAS VINCIT⁷³, вышитого на гуситских штандартах.

Большинству венгров и «железной рати» удалось сбежать на левый берег замерзшей Сазавы. Потом лед подломился. Советую тебе, парень, от всего сердца, если тебе достанется когда-нибудь воевать зимой, ни в коем случае не убегай в тяжелых латах по льду. Ни в коем...

Рейневан поклялся себе, что никогда не убежит. Сулимец посопел, кашлянул и продолжал:

– Как я сказал, рыцарство хоть и обесчестило себя, однако спасло собственную шкуру. В основном. Но пеший люд – сотни копейщиков, стрельцов, щитоносцев, мобилизованных воинов из Ракус и Моравы, вооруженных горожан из Оломунца – этих гуситы достали и били, били страшно, били на протяжении двух миль от деревни Габры до самого Немецкого Брода. И снег на этом пути сделался красным.

– А вы? Как вас...

– Я не бежал с немецким рыцарством, не убежал и тогда, когда бежали Пиппо Спано и Ян фон Хардегг, а они, надо отдать им должное, бежали одними из последних и не без боя. Я тоже, вопреки тому, что болтают, бился крепко. Посол – не посол, надо было драться. И я бился не один, было рядом со мной несколько поляков и довольно много моравских панов. Таких, которые не любили убегать, особенно через ледяную воду. Вот мы и бились, и скажу тебе, не одна чешская мать проливает из-за меня слезы. Но *nec Hercules* ...⁷⁴

Оказалось, слуги не спали. Потому что один вдруг подпрыгнул, словно его ужалила змея, второй приглушенно крикнул, третий принялся извлекать из ножен корд. Оруженосец Войцех схватился за арбалет. Всех успокоил резкий голос и властный жест Завиши.

Из мрака вышло нечто.

Сначала они подумали, что это клуб тьмы, более темный, чем даже она сама, выплывавший из непроницаемой тьмы. Выделяющийся антрацитовый чернотой в освещаемом роз-блесками костра мерцающем мраке ночи. Когда пламя вспыхнуло сильнее, живее и ярче, этот сгусток, не став, однако, ни на йоту менее черным, начал понемногу обретать форму. И фигуру. Фигуру маленькую, крепкую, пузатую, форму не то птицы, встопорщившей перья, не то ощеннившегося животного. Втянутую в плечи голову существа украшали два больших остроко-нечных уха, торчащих, как у кошки, вертикально и неподвижно.

Войцех медленно, не спуская с существа глаз, отложил самострел. Кто-то из слуг призвал в заступники святую Кингу, но его успокоил жест Завиши, жест не резкий, но властный и значительный.

– Приветствую тебя, пришелец, – проговорил внушающим доверие голосом рыцарь из Гарбова. – Присаживайся без опаски к нашему костру.

Существо покачало головой, Рейневан заметил короткую вспышку в огромных глазах, в которых проблеснул красный огонек.

– Садись без опаски, – повторил Завиша доброжелательно и одновременно твердо. – Тебе не надо нас бояться.

– Я не боюсь, – хрипло проговорило существо. К общему изумлению. Потом протянуло лапу. Рейневан отскочил бы, если б не так сильно трусил, чтобы пошевелиться. И вдруг с удив-

⁷³ «Истина победит» (лат.).

⁷⁴ «*Nec Hercules contra plures*» (лат.) – И Геркулес не справится с многими.

лением понял, что лапа указывает на герб на щите Завиши. Потом, к еще большему его изумлению, существо указало на котелок с отваром трав и прохрипело: – Сулима и Травник. Справедливость и знание. Чего же мне бояться. Я не боюсь. Меня зовут Ганс Майн Игель.

– Приветствуем тебя, Ганс Майн Игель. Ты не голоден? Хочешь пить?

– Нет. Только посидеть. Послушать. Потому что я слышал, как говорят, и пришел послушать.

– Ты – наш гость.

Существо приблизилось к костру, съежилось, превратившись в шар, замерло.

– Та-ак, – снова проявил спокойствие Завиша. – На чем же я остановился?

– На том... – Рейневан сглотнул, обрел голос. – На том, что *nec Hercules...*

– Именно... – прохрипел Ганс Майн Игель.

– Ну да, – легко сказал сулимец, – так оно и было. Они нас побиили. Их была куча, гуситов то есть. И вообще нам крупно повезло, что навалилась на нас калишская конница. Ведь таборитские-то цепники не знают таких слов, как «пощада» или «выкуп». Когда меня в конце концов ссадили с седла, кто-то из тех, кто оказался рядом, Мертвич или Ратовский, успел крикнуть, кто я такой. Что, дескать, был под Грюнвальдом с Жижкой и Яном Соколом из Ламберка.

Рейневан тихо вздохнул, услышав знаменитые имена. Завиша долго молчал. Наконец сказал:

– Остальное вы должны знать. Потому что остальное не может сильно отличаться от легенды.

Рейневан и Ганс Майн Игель молча кивнули. Прошло много времени, прежде чем рыцарь заговорил снова:

– Теперь, сдается, меня под конец жизни могут предать анафеме. Потому что, когда меня из плена выкупили и я вернулся в Краков, я обо всем, что тогда, в день Трех Царей, под Немецким Бродом, а на следующий – в захваченном городе видел, рассказал королю Владиславу. Просто рассказал. Не советовал, не лез со своим мнением, не судил и не осуждал. Просто рассказывал, а он, хитрый старый литвин, слушал. И понимал. И никогда, парень, уж ты мне поверь, пусть даже сам папа станет лить слезы по поводу угрозы, нависшей над святой верой, а Люксембуржец будет хорохориться и угрожать, старый хитрый литвин не пошлет на чехов польское и литовское рыцарство. И вовсе не из-за обиды на Люксембуржца за вроцлавское решение⁷⁵, и отнюдь не за переговоры в Позжони относительно раздела Польши. А из-за моего рассказа. И сделанного из него единственно правильного вывода: польское и литовское рыцарство нужно держать против немецких крестоносцев, и глупо, совершенно бессмысленно было бы топить его в Сазаве, Влтаве или Лабе. Ягелло, выслушав мой рассказ, ни за что не присоединится к антигуситским походам. Именно, как сказано, из-за меня. Поэтому, прежде чем меня отлучат от церкви, я еду на Дунай, на турок.

– Шутите, – буркнул Рейневан. – Куда вас... Какое отлучение? Такого рыцаря, как вы... Шутковать изволите.

– Верно, – кивнул Завиша. – Верно, изволю. Но такая опасность есть.

Некоторое время помолчали. Ганс Майн Игель тихо сопел. Кони в темноте беспокойно похрапывали.

– Неужто, – рискнул Рейневан, – это конец рыцарям и рыцарству? Пехота, плотная и дисциплинированная, плечом к плечу, не только выстоит против конных латников, но еще и сумеет их разбить? Шотландцы под Баннокбурном, фламандцы под Куртруа, швейцарцы под Семпахом и Моргартеном, англичане под Азенкуром, чехи на Виткове и под Вышеградом, под

---

⁷⁵ Решение, которое в 1420 году во Вроцлаве огласил король римский, чешский и немецкий Сигизмунд Люксембургский, выбранный посредником в споре между Польшей и орденом крестоносцев. Это решение было скандально несправедливым для Польши.

Судомежем и Немецким Бродом... Может, это конец эпохи? Может, кончается время рыцарства?

– Война без рыцарей и рыцарства, – ответил через минуту Завиша Черный, – сначала превратится в обыкновенную бойню. А потом – в человекоубийство. Ни в чем подобном я не хотел бы участвовать. Но случится это еще не скоро, так что вряд ли я доживу. Да, между нами говоря, и не хотел бы дожить.

Долго стояла тишина. Костер догорал, поленья тлели рубином, время от времени стреляя синеватым пламенем, либо вспыхивали гейзером искр. Кто-то из слуг захрапел. Завиша тер лоб рукой. Ганс Майн Игель, черный, как сгусток тьмы, шевелил ушами. Когда в его глазах в очередной раз отразилось пламя, Рейневан сообразил, что существо смотрит на него.

– У любви, – неожиданно проговорил Ганс Майн Игель, – много имен. А тебе, юный Травник, именно она назначит судьбу. Любовь. Спасет жизнь, когда ты даже знать не будешь, что это сделала именно она. Ибо много имен у Богини. А еще больше – обличий.

Рейневан молчал ошеломленный. Зато прореагировал Завиша.

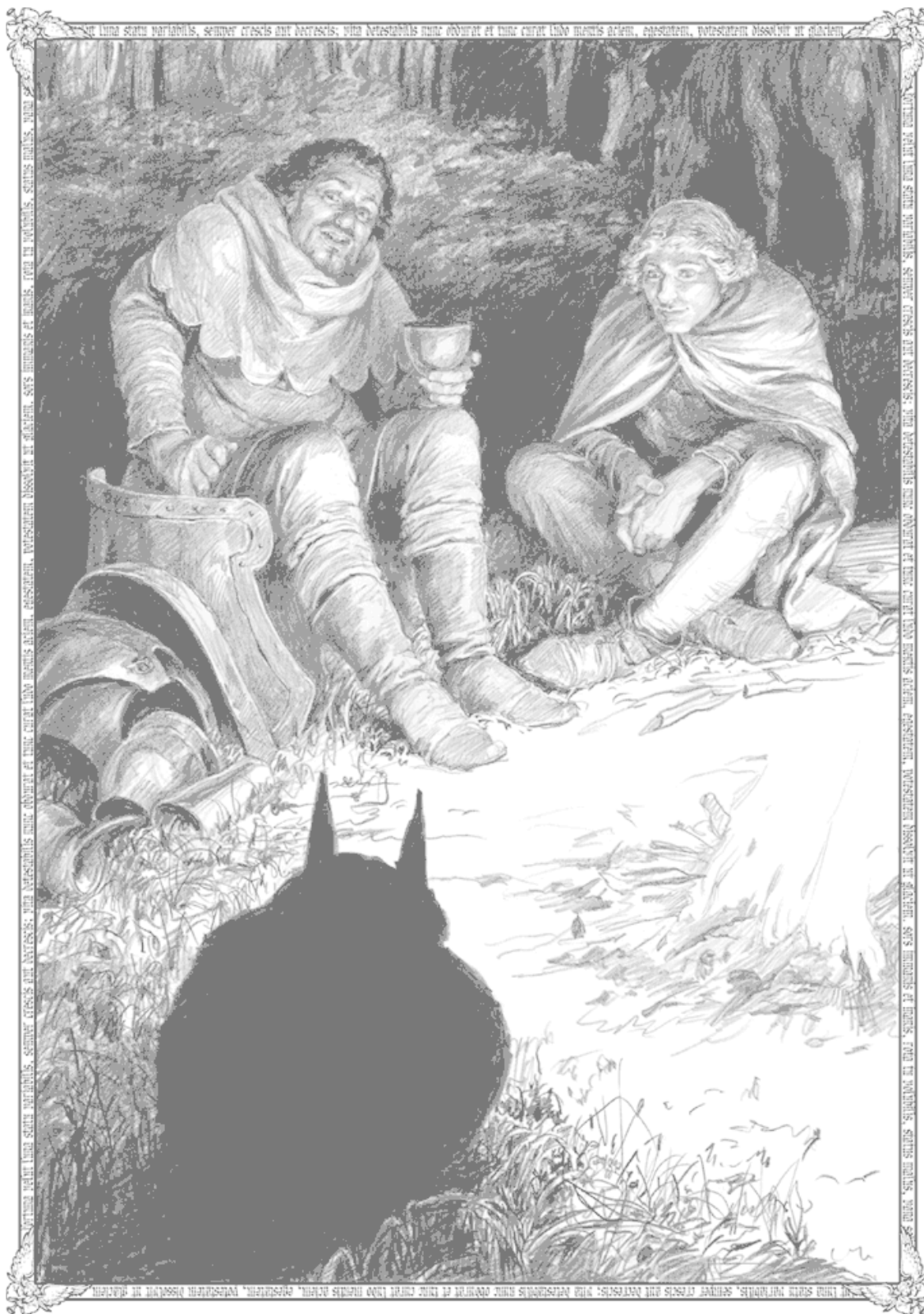
– Ну вот, извольте, – сказал он. – Предсказание. Как любое – годится ко всему и одновременно ни к чему. Не обижайся, господин Ганс. А для меня? Есть у тебя что-нибудь для меня?

Ганс Майн Игель пошевелил головой и ушами.

– У большой реки, – сказал он наконец своим невнятным, хрипловатым голосом, – стоит на горе град. На горе, водою омываемой. А зовется он Голубиный Град⁷⁶. Скверное место. Не ездите туда, сулима. Скверное место для тебя, Голубиный Град. Не ездите туда. Вернись.

---

⁷⁶ «Пророческое и таинственное» определение места смерти Завиши Черного, убитого в 1428 году турками под Голубацем (Голомбцем), над Дунаем. Сейчас это Сербия (недалеко от Белграда).

Завиша долго молчал, было видно, что задумался. В конце концов Рейневан решил, что рыцарь оставит без ответа странные слова странного ночного существа. Но ошибся.

– Я, – прервал молчание Завиша, – человек железного меча. Я знаю, что меня ждет. Знаю свою судьбу. Знаю без малого сорок лет, с того дня, когда взял в руки меч. Но я не стану оглядываться. Не обернусь на оставленные за конем хундфельды, собачьи могилы и королевские

предательства, на подлость, на ничтожество и безбожие духа. Я не сверну с избранного пути, милостивый государь Ганс Майн Игель.

Ганс Майн Игель не произнес ни слова, но его огромные глаза разгорелись.

– Тем не менее, – Завиша Черный потер лоб, – я хотел бы, чтоб ты предсказал мне, как и Рейневану, любовь. Не смерть.

– Я б тоже, – сказал Ганс Майн Игель, – хотел. Ну прощайте.

Удивительное создание вдруг раздулось, ошетило шерсть. И исчезло. Растворилось во мраке, в том самом мраке, из которого возникло.

Кони фыркали и топтались в темноте. Слуги храпели. Небо светлело, над верхушками деревьев бледнели звезды.

– Странно, – сказал Рейневан. – Это было странно.

Сулимец, вырванный из дремы, поднял голову.

– Что? Что странно?

– Этот... Ганс Майн Игель. Знаете, господин Завиша, что... Ну, я должен признать... Вы меня удивили.

– То есть?

– Когда он появился из тьмы, вы даже не дрогнули. У вас даже голос не задрожал. А когда вы потом с ним беседовали, то... просто диву даешься... А ведь это было... Ночное существо. Нечеловек... Чуждый...

Завиша Черный из Гарбова долго глядел на него.

– Я знаю множество людей... – ответил он наконец очень серьезно, – множество людей, гораздо более мне чуждых.

Рассвет был мглистый, влажный, капельки росы висели на паутинках. Лес стоял тихий, но опасный, как спящий хищник. Кони косились на наплывающий, стелющийся туман, фыркали, трясли головами. За лесом, на перепутье, стоял каменный крест. Одно из многочисленных в Силезии напоминаний о преступлении. И сильно запоздавшем раскаянии.

– Здесь мы расстанемся, – сказал Рейневан.

Сулимец взглянул на него, однако от комментариев воздержался.

– Здесь мы расстанемся, – повторил юноша. – Я, как и вы, тоже не люблю оглядываться на хундфельды. Мне, как и вам, отвратительна мысль о подлости и ничтожестве духа. Я возвращаюсь к Адели. Ибо... Не важно, что говорил этот Ганс... Мое место рядом с ней. Я не убегу, как трус, как мелкий воришка. Я стану сопротивляться тому, чему вынужден буду противостоять. Как противостояли вы под Немецким Бродом. Прощайте, благородный господин Завиша.

– Прощай, Рейнмар из Беявы. Береги себя.

– И вы берегите. Кто знает, может, когда-нибудь еще свидимся.

Завиша Черный из Гарбова долго смотрел на него. Потом сказал:

– Не думаю.

Глава пятая,

в которой Рейневан вначале на собственной шкуре узнает, что чувствует обложенный в чащобе волк, потом встречает Николетту Светловолосую. А затем продолжает вниз по реке свой путь.

За лесом на перепутье стоял покаянный каменный крест. Один из многочисленных в Силезии напоминаний о преступлении. И сильно запоздалом раскаянии.

Плечи креста оканчивались в виде клеверинок, а на расширенном внизу основании высечен топор – орудие, при помощи которого каявшийся грешник отправил на тот свет ближнего. Или ближних.

Рейневан внимательно взгляделся в крест. И очень скверно выругался.

Крест был тот самый, около которого не меньше трех часов назад он расстался с Завишей.

Виной всему был туман, с утра словно дым стелющийся по полям и лесам, виной был моросящий дождь, который все время мелкими капельками слепил глаза, а когда прекратился, то туман усилился еще больше. Виной был сам Рейневан, его усталость и недосып, его несобранность, вызванная постоянными мыслями об Адели фон Стерча и планами по ее освобождению. Впрочем, кто знает. Может, по правде-то виноваты были населяющие силезские леса многочисленные мамуны⁷⁷, соблазнительницы, кобольды, хохлики⁷⁸, ирлихты⁷⁹ и прочие лиха, занимающиеся тем, что сбивают человека с пути? Может, менее симпатичные и не столь благожелательные родственники и близкие Ганса Мейна Игеля, с которым он познакомился ночью?

Однако искать виноватых не имело смысла, и Рейневан прекрасно это знал. Следовало разумно оценить сложившуюся ситуацию, принять решение и действовать в соответствии с ним. Он слез с коня, прислонился к покаянному кресту и принялся усиленно размышлять.

Вместо того чтобы после трех часов, проведенных в седле, быть уже где-нибудь на полпути к Берутову, он все утро ездил по кругу и в результате оказался там, откуда выехал, то есть поблизости от Бжега, не дальше, чем в миле от города.

«А может, – подумал он, – может, мной руководила судьба? Указывала? Может, однако, воспользоваться тем, что я близко, и ехать в город в дружескую больницу Святого Духа и там попросить помощи? Или лучше все же не терять времени и действовать по первоначальному плану – ехать прямо в Берутов, в Лиготу, к Адели».

«Города следует остерегаться», – подумал он. Его хорошие, даже дружеские связи с бжеговским духовенством были известны всем, а стало быть, и Стерчам. Кроме того, через Бжег шла дорога к иоаннитской командории в Малой Олесьнице – месту, в которое его хотел упрятать князь Конрад Кантнер. Несмотря на добрые в принципе намерения князя и не говоря уж о том, что у Рейневана не было никакого желания убить несколько лет на покаянии у иоаннитов, кто-нибудь из свиты Кантнера мог проболтаться либо польститься на деньги, и тогда нельзя было исключить, что Стерчи не притаились у бжеговских шлагбаумов.

«Значит, Адель, – подумал он. – Еду к Адели. Выручать Адель. Как Тристан к Изольде, как Ланселот к Гвиневере, как Гарет к Лионессе, как Гуинглен к Эсмеральде, как Пальмерин к Полинарде, как Медоро к Анжелике. Словом, немного глуповато и немного рискованно, больше того, по-идиотски. Прямо льву в пасть. Но, во-первых, этим я могу сбить с толку преследователей, потому что они этого могут не ожидать. Во-вторых, Адель в беде, ждет и наверняка тоскует, а я не могу допустить, чтобы она ждала».

---

⁷⁷ В древних народных поверьях – духи в виде высоких тощих женщин, обернутых белыми полотнищами.

⁷⁸ Собирательное название всяческих домовых и пр. нелюдей.

⁷⁹ От нем. *Irrlicht* – блуждающий огонек.

Он просиял от радости, а вместе с ним, словно по мановению волшебной палочки Мерлина, просияло и небо. Правда, по-прежнему было туманно и волгло, но уже чувствовалось солнце, уже что-то там наверху понемногу светлело, во всеприсутствующей серости начали прорезываться светлые прогалины. Птицы поначалу принялись робко подавать голоса, потом расщебетались окончательно. Капли на паутинках горели серебром. А расходящиеся с распути тонушие в испарениях дороги казались сказочными путями, ведущими в иные миры.

Да и против обманчивых чар тоже есть способ. Злясь на себя за излишнюю самонадеянность и на то, что не подумал об этом раньше, Рейневан разгреб ногой покрывающие основание креста сорняки, потом прошелся по обочине дороги. Быстро и без труда нашел то, что искал. Перистый полевой тмин, усыпанную розовыми цветочками зубчатку, молочай. Очистил стебли от листков, сложил вместе. Немного времени пошло на то, чтобы вспомнить, на которые пальцы навить, как переплести, как сделать *nodus*, узел. И как звучат заклинания.

*Jeden, dwie, trzy,
Wolfesmilch, Kümmel, Zahntros
Binde zu samene –
Semitae eorum incurvatae sunt
Zaś ma droga prosta*⁸⁰.

Одна из дорог распути тут же стала светлее, приятнее, приглашающее. Интересно, что без помощи *навенза*⁸¹ Рейневан никогда б не догадался, что именно эта – нужная. Но Рейневан знал, что навензы не лгут.

Он ехал, вероятно, уже не меньше трех пачежей⁸², когда услышал лай собак и громкое, возбужденное гоготанье гусей. Вскоре ноздри приятно защекотал запах дыма. Дыма копильни, в которой, несомненно, висело что-то весьма соблазнительное. Может, ветчина, может, грудинка. А может, гусиный полоток. Рейневан так яростно приняхивался, что забыл о свете Божьем и даже не заметил, как и когда проехал за изгородь и оказался во дворе придорожного трактира.

Собака его облаяла, но больше как бы по долгу службы, гусак, вытягивающий шею, зашипел на конские бабки. К запаху копченого окорока прибавился запах хлеба, пробивающийся даже сквозь смрад огромной навозной кучи, взятой в осаду гусями и утками.

Рейневан слез с лошади, привязал сивку к коновязи. Парень, присматривающий за конюшней и приводивший неподалеку в порядок коней, был настолько занят, что не обратил на него внимания. Внимание же Рейневана привлекло нечто другое – на одном из столбов навеса, на довольно беспорядочно смотанных разноцветных нитках висел *гекс*⁸³ – три веточки, связанные треугольником и оплетенные венком из привядших клеверинки и калужницы. Рейневан задумался, но не очень удивился. Магия присутствовала повсюду, люди использовали магические атрибуты, не зная порой их истинной сути и значения. Тем не менее даже скверно сделанный гекс, охраняющий от лукавого, смог обмануть даже его навенз.

«Вот почему я попал сюда, – подумал Рейневан. – Псякрев. Но коли уж я здесь...»

Он вошел, наклонив голову, чтобы не задеть притолоку.

⁸⁰ «Раз, два, три, Молочай, тмин, зубчатку Свяжи вместе – Тропы станут известны, А мой путь ведет прямо» – магическая смесь польских, немецких и латинских слов.

⁸¹ Узел, магический предмет.

⁸² Популярное старопольское определение времени, необходимого, чтобы трижды прочесть «Отче наш», «Радуйся, Мария»...

⁸³ Сплетенный из веточек и т. д. магический предмет.

Пленки в маленьких оконцах едва пропускали свет, внутри стоял полумрак, освещаемый только розблесками огня в камине. Над огнем висел котел, время от времени вскипающий пеной, на что огонь отвечал шипением и дымом, дополнительно затрудняющим видимость. Гостей было немного, только за одним столом, в углу, сидели четверо мужчин, вероятно, крестьян. В темноте трудно было разглядеть.

Едва Рейневан присел на лавку, как прислуживающая девка в переднике поставила перед ним тарелку. Правда, вначале он собирался только купить хлеба и ехать дальше, однако возражать не стал – пажуха⁸⁴ сытно и пленительно пахла свиным салом. Он положил на стол грош – один из немногих, полученных от Кантнера.

Служанка слегка наклонилась, подала ему липовую ложку. От нее шел слабый аромат трав.

– Ты попал, как кур во щи, – тихо шепнула она. – Сиди спокойно. Они тебя уже видели и нападут, как только ты подынешься из-за стола. Так что сиди и не рыпайся.

Она отошла к камину, помешала в исходящем паром котле. Рейневан сидел чуть живой, уставившись в шкварки на клецках. Его глаза уже привыкли к сумраку настолько, чтобы видеть, что у четверых мужчин, сидящих за столом в углу, слишком много оружия и доспехов для крестьян. И что вся четверка внимательно разглядывает его.

Он проклял свою глупость.

Служанка вернулась.

– Мало уже нас осталось на этом свете, – буркнула она, делая вид, что протирает стол, – чтобы я дала тебе пропасть, сынок.

Она задержала руку, и Рейневан заметил на ее мизинце калужницу вроде тех, что были на гексе, и повязанную таким образом, чтобы желтый цветок служил как бы драгоценным камнем перстня. Рейневан вздохнул, непроизвольно коснулся собственного навенза – сплетенных узлом и всунутых за ворот куртки стеблей молочая, зубчатки и тмина. Глаза женщины вспыхнули в полутьме. Она кивнула головой.

– Я заметила, как только ты вошел, – шепнула она. – И знала, что они охотятся именно за тобой. Но я не дам тебе помереть. Мало нас на земле осталось, и если мы не станем помогать друг другу, то изведемся вконец. Ешь, не подавай вида.

Он ел очень медленно, чувствуя, как мурашки бегают по спине под взглядами людей в углу. Женщина погромела сковородой, крикнула кому-то в другой комнате, подбросила огня, вернулась. С метлой.

– Я велела, – шепнула она, подметая пол, – отвести твоего коня на гумно, за хлев. Когда начнется, убегай через ту вон дверь, сзади, за рогожей. За порогом будь осторожнее. Возьми это.

Все еще как бы подметая, она подняла длинный стебель соломы. Незаметно, но быстро завязала на нем три узелка.

– Обо мне не думай, – шепотом развеяла она его сомнения. – На меня никто не обратит внимания.

– Герда! – крикнул трактирщик. – Хлеб пора вынимать! Шевелись, няха.

Женщина отошла. Сгорбившаяся, серо-бурая, никакая. Никто не обращал на нее внимания. Никто, кроме Рейневана, которого она, отходя, одарила горящим как головня взглядом.

Четверо за столом в углу пошевелились, встали. Подошли, звеня шпорами, хрустя кожей, скрипя кольчугами, опираясь пятернями на рукояти мечей, кордов и баселярд. Рейневан снова, на сей раз еще крепче, мысленно отругал себя за недоумство.

---

⁸⁴ Блюдо из запаренной ржаной или гречневой муки.

– Господин Рейнмар Беляу. Вот, парни, сами видите, что значит ловческий опыт. Зверь, как полагается, загнан, логово, как полагается, обложено, еще немного везенья – и не быть нам без добычи. А сегодня нам и впрямь повезло.

Двое встали по бокам, один слева, другой справа. Третий занял позицию за спиной Рейневана. Четвертый, тот, который «держал речь», усатый, в плотно усеянной плитками бригадине⁸⁵, встал напротив. Затем, не дожидаясь приглашения, сел.

– Ты не станешь, – не спросил, а скорее отметил он, – сопротивляться и устраивать тарарам? А, Беляу?

Рейневан не ответил. Он держал ложку между ртом и краем тарелки, словно не зная, что с ней делать.

– Не станешь, – сам себя заверил усатый тип в бригадине. – Потому как знаешь, что это глупо. Мы ничего против тебя не имеем, просто еще одна обычная работа. А мы, чуешь, привыкли работу себе облегчать. Начнешь дергаться и шуметь, так мы тебя сразу же сделаем послушным. Здесь вот, на краешке стола, ломаем тебе руку. Испытанный способ. После такой операции пациента даже связывать не надо. Ты что-то сказал, или мне показалось?

– Ничего, – Рейневан с трудом разлепил занемевшие губы, – не сказал.

– Ну и славно. Кончай хлебать. До Штерендорфа немалый путь, зачем тебе голодным ехать.

– Тем более, – процедил тип справа, в кольчуге и железных наплечниках, – что в Штерендорфе тебя наверняка не сразу накормят.

– А если и накормят, – хохотнул тот, что стоял позади, невидимый, – так наверняка не тем, что пришлось бы тебе по вкусу.

– Если вы меня отпустите, я вам заплачу, – выдал из себя Рейневан. – Заплачу больше, чем дают Стерчи.

– Обижаешь профессионалов, – проговорил усатый в бригадине. – Я, Кунц Аулок, по прозвищу Кирьелейсон. Меня покупают, но не перекупают. Глотай, глотай клецки. Хлоп-хлоп!

Рейневан ел. Пражухи потеряли вкус. Кунц Аулок-Кирьелейсон засунул за пояс булавку, которую до того держал в руке, натянул перчатку, сказав при этом:

– Не надо было лезть к чужой бабе.

А потом, не дождавшись ответа, добавил:

– Совсем недавно я слушал попа, по пьянке цитировавшего какое-то письмо, вроде бы гебрайское. Примерно такое: всякое преступление получит справедливое наказание: *iustam mercedis retributionem*. По-человечески это означает, что ежели что-то делаешь, то надо уметь предвидеть последствия своих деяний и быть готовым к ним. Надо уметь принимать их достойно. Вот, к примеру, глянь направо. Это господин Сторк из Горговиц. Будучи таким же любителем сладенького, как и ты, он совсем недавно совместно с друзьями совершил на одной опольской мешаночке действие, за которое, ежели ловят, то клещами рвут и колесуют. И что? Гляди и восхищайся тем, как Сторк достойно принимает свою судьбу, какое светлое у него лицо и взгляд. Бери пример.

– Бери пример, – захрипел Сторк, у которого, кстати, лицо было прыщеватое, а глаза гноящиеся. – И вставай. Пора в путь.

В этот момент поленья в камине вспыхнули, со страшным гулом плюнули в комнату огнем, пылью искр, клубами дыма и сажи. Котел взлетел, словно им выстрелили, саданул о пол, хлестнул кипятком. Кирьелейсон подпрыгнул, а Рейневан сильным толчком повалил на него стол. Пнул и оттолкнул ногой лавку, а полупустой тарелкой пражухов саданул господина Сторка прямо по прыщавой морде. И шукой нырнул к двери на гумно. Один из типов успел схватить его за ворот, но Рейневан учился в Праге, его за ворот неоднократно хватали почти во

---

⁸⁵ Разновидность простых доспехов в виде кожаной куртки, густо покрытой металлическими пластинами.

всех шинках Старого Города и Малой Страны. Он вывернулся, ударил локтем так, что хрустнуло, вырвался, прыгнул к двери. Он помнил о предостережении и ловко обошел лежащий за самым порогом завязанный узлом пучок соломы.

Преследующий его Кирьелейсон о магической соломе, разумеется, не знал и сразу же за порогом растянулся во весь рост, по инерции проехав по свинячьему дерьму. Вслед за ним упал на узел Сторк из Горговиц, на изрыгающего проклятия Сторка повалился третий из четырех типов. Рейневан уже был в седле, уже пустил поджидавшего его коня в галоп, напрямую, через огороды, через грядки капусты, через живую изгородь из крыжовника. Ветер свистел у него в ушах, вдогонку неслись визг свиней и дикая ругань.

Он уже был среди верб над спущенным рыбным садком, когда услышал позади конский топот и крики преследователей. Поэтому, вместо того чтобы обойти пруд, помчался по узенькой дамбе. Сердце у него несколько раз замирало, когда дамба осыпалась под копытами. Но ничего, пронесло.

Преследователи тоже влетели на дамбу, однако им в отличие от него счастье не улыбнулось. Первая лошадь не добежала даже до середины, заржала, соскользнула и по брюху погрузилась в ил. Вторая рванулась, вконец додолбав дамбу подковами, въехала по круп в топкую жижу. Наездники кричали, яростно ругались. Рейневан понял, что самая пора воспользоваться обстоятельствами и предоставленным ему временем. Он ударил сивку пяткой, пошел галопом через вересковые к покрытым лесом холмам, за которыми надеялся увидеть спасительный бор.

Понимая, чем рискует, он все же заставил тяжело хряпавшего коня мчаться галопом вверх по склону. На вершине тоже не дал сивке передохнуть, а сразу погнал через покрывавшие склон рощицы. И тут, совершенно неожиданно, дорогу ему преградил всадник.

Испуганный конь заржал, поднялся на дыбы. Однако Рейневан удержался в седле.

– Недурно, – сказал всадник. Точнее – всадница, амазонка. Потому что это была девушка.

Довольно высокая, в мужской одежде, в облегающей бархатной курточке, из-под которой под шеей выглядывала снежно-белая брыжейка кофточки. У девушки была толстая светлая коса, сбегаящая на плечо из-под беличьей шапочки, украшенной пучком перьев цапли и золотой брошью.

– Кто за тобой гонится? – крикнула она, ловко сдерживая пляшущую лошадь. – Закон? Говори!

– Я не преступник.

– Тогда за что?

– За любовь.

– Ха! Я сразу так и подумала. Видишь вон тот ряд темных деревьев? Там течет Стобрава. Поезжай туда что есть духу и заберись в топи на левом берегу. А я отведу их от тебя. Давай плащ.

– Да вы что. Госпожа... Как же так...

– Давай плащ, говорю! Ты едешь хорошо, но я – лучше. Ах, какое приключение! Ах, ну будет, о чем рассказать. Эльжбета и Анка свихнутся от зависти!

– Госпожа... – пробормотал Рейневан. – Я не могу... Что будет, если вас схватят?

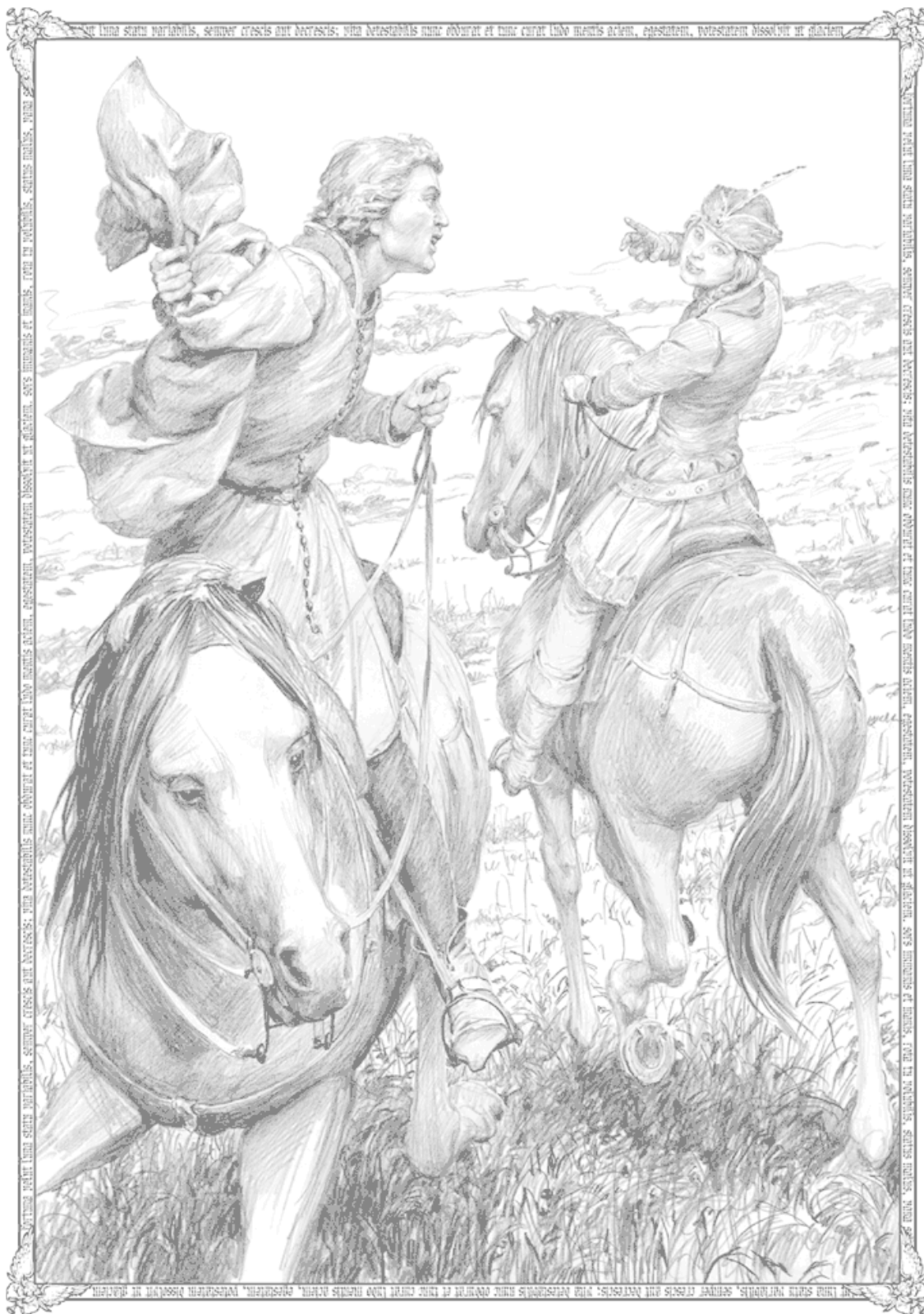
– Они? Меня? – фыркнула она, щуря голубые, как бирюза, глаза. – Да ты никак шутишь?

Ее кобыла, по стечению обстоятельств тоже сивая, дернула изящно мордой, снова заплясала. Рейневану пришлось признать правоту странной девушки. Ее благородных кровей – сразу видно – верховая лошадь стояла гораздо больше, чем сапфировая брошь на шапочке.

– Это сумасшествие, – сказал он, кидая ей плащ. – Но благодарю. И в долгу не останусь...

От основания холма донеслись крики погони.

– Не трать впустую времени! – крикнула девушка, покрывая голову капюшоном. – Дальше! Туда, к Стобраве!

– Госпожа... Твое имя... Скажи мне...

– Николетта. Мой Алькасин, преследуемый за любовь. Быы-вай!

Она послала кобылу в галоп, который скорее можно было назвать полетом, чем галопом. В туче пыли бурей слетела со склона, показалась преследователям и пошла по вересковью таким головокружительным галопом, что укоры совести тут же перестали мучить Рейневана... Он понял, что светловолосая амазонка не рисковала ничем. Тяжелые лошади Кирьелейсона,

Сторка и остальных, идущих под двухсотфунтовыми мужиками, не могли соперничать с сивой кобылой чистых кровей, несущей к тому же всего лишь легкую девушку и легкое седло. И действительно, амазонка не позволила себя догнать и очень быстро скрылась из глаз за холмом. Однако преследователи решительно и неумолимо шли у нее по пятам.

«Они могут просто утомить ее, – со страхом подумал Рейневан. – Ее и ее кобылу. Но, – успокаивал он совесть, – у нее наверняка где-то поблизости свита. На такой лошади, так одетая – это ж ясно, девушка высокородная, а такие в одиночку не ездят», – думал он, мчась галопом в указанном направлении.

«Конечно. И конечно, – подумал он, захлебываясь воздухом от скорости, – ее зовут вовсе не Николеттой. Посмеялась надо мной, бедным Алькасином».

Скрытый в ольховых топях вдоль Стобравы Рейневан облегченно вздохнул, да что там, даже вроде бы возгордился. Ни дать ни взять – Роланд или Огер, обманувший преследующие его орды мавров. Однако гордость и хорошее самочувствие оставили его, когда с ним случилось то, что, если верить балладам, не случалось ни с Роландом, ни с Огером, ни с Астольфом, ни с Ренальтом из Мантальбана или Раулем из Гамбурга.

Все вышло совершенно просто и прозаично: у него захромал конь.

Рейневан слез сразу же, как только почувствовал неверный, ломкий ритм шага сивки. Осмотрел ногу и подкову, но ничего не смог установить и тем более предпринять. Мог только идти, ведя прихрамывающее животное за узду. «Прекрасно, – думал он при этом. – От среды до пятницы одного коня загнал, другого охроматил. Куда уж лучше. Недурной результат».

Вдобавок ко всему с высокого берега Стобравы неожиданно донеслись посвисты, ржание, ругань, выкрикиваемая знакомым голосом Кунца Аулока по прозвищу Кирьелейсон. Рейневан затянул коня в самые плотные кусты, схватил за ноздри, чтобы тот не заржал. Крики и ругань затихли в отдалении.

«Догнали девушку, – подумал он, и сердце у него упало в самый низ живота от страха и укоров совести. – Догнали».

«Ничего подобного. Не догнали, – успокаивал рассудок. – Возможно, самое большее – настигли ее свиту и тут поняли свою ошибку. Николетта провела их и высмеяла, оказавшись в безопасности среди своих рыцарей и слуг. Значит, они вернулись, отслеживают. Охотнички!»

Ночь он просидел в чащобе, клацая зубами и отмахиваясь от комаров. Не сомкнул глаз. А может, сомкнул, но совсем ненадолго. Вероятно, все же уснул и видел сны, потому что иначе как бы мог увидеть служанку из трактира, ничем не приметную, ничем не примечательную, ту – с колечком калужницы на пальце? Как иначе, если не сонным видением, она могла к нему прийти?

«Нас уже так мало осталось, – сказала она. – Так мало. Не дай себя схватить, не дай поймать. Что не оставляет следа? Птица в воздухе, рыба в воде».

Птица в воздухе, рыба в воде.

Он хотел ее спросить, кто она, откуда знает магические навензы, чем – ведь не порохом же – вызвала взрыв в печи. Хотел спросить ее о многом.

Не успел. Проснулся.

Еще до рассвета Рейневан тронулся в путь. Направился вниз по течению реки. Шел, возможно, около часа, держась высоких лиственных лесов, когда внизу под ним неожиданно растянулась широкая река. Такая широкая, какая только одна на всю Силезию.

Одра.

По Одре шел под парусом против течения небольшой баркас. Шел грациозно, словно хохлатая поганка, ловко плывущая краешком светлой мелизны. Рейневан жадно вглядывался.

«Какие ж вы ловчие? – подумал он, видя, как ветер вздувает парус баркаса, а перед носом вспенивается вода. – Какие ж из вас охотники? А? Господин Кирьелейсон *et consortes*⁸⁶? Небось думаете, поймали меня, обложили? Погодите, я вам выкину номер. Вырвусь, выберусь из расставленного капкана так лихо, так ловко, что вы скорее дьявола проглотите, чем снова отыщете мой след. Потому что придется вам тот след искать под Вроцлавом.

Птица в воздухе, рыба в воде...»

Он потянул сивку в сторону ведущей к Одре наезженной дороги. Однако для верности пошел не по ней, а держался лозняка и ив, полагая, что дорога непременно приведет к речной пристани. И не ошибся.

Уже издали услышал возбужденные голоса на пристани, раздраженные неизвестно то ли от ругани, то ли в запале купли-продажи и торговых переговоров. Однако легко можно было узнать: говорили по-польски.

Поэтому, еще не выйдя из лозняка и не увидев с обрыва пристани, Рейневан уже знал, кому принадлежали голоса и пришвартованные к столбам небольшие барки, баркасы и лодки. Это были *wasserpolen* – водные поляки, одрские плотогоны и рыбаки, организованные больше на манер клана, нежели коллективного товарищества. Рыбачья артель, членов которой, кроме профессии, объединял язык и крепкое чувство национальной обособленности. Водные поляки держали в своих руках большую часть силезского рыболовства, им принадлежала значительная доля в сплаве леса и еще большая – в малом речном транспорте, где они вполне удачно соперничали с Ганзой, которая не поднималась по Одре выше Вроцлава, водные же поляки возили товары аж до Рацибужа, а вниз по Одре плавали до самого Франкфурта, Любоша и Костшина. И даже – непонятно как обходя строжайший франкфуртский закон складирования⁸⁷ – дальше вниз, за устье Варты.

От пристани несло рыбой, тиной и смолой.

Рейневан с трудом спустил прихрамывающего коня по скользкой глине откоса, приблизился к пристани, лавируя меж сараями, шалашами и сохнувшими сетями. По мосту шлепали босые ступни, шла разгрузка и загрузка. С одной барки выгружали, на другую загружали. Часть товара, который в основном составляли дубленые кожи и бочки с неведомым содержимым, с пристани переносили на телеги, за операциями следил бородатый купец. На одну из барок заводили быка. Бугай ревел и топал так, что сотрясался весь помост. Плотогоны ругались по-польски.

Довольно скоро все успокоилось. Телеги со шкурами и бочками отъехали, бугай пытался рогами развалить тесную загородь, в которой его заперли. Водные поляки, придерживаясь обычая, начали переругиваться. Рейневан знал польский достаточно хорошо, чтобы понять, что ругались больше по привычке, ни из-за чего.

– Направляется ли, позвольте узнать, кто-нибудь из вас вниз по реке? К Вроцлаву?

Водные поляки прервали пустопорожнее препирательство и глянули на Рейневана не очень-то дружелюбно. Один сплюнул в воду.

– А если и так, – буркнул он, – то что? Уважаемый пан шляхтич?

– Конь у меня захромал. А мне надо во Вроцлав.

Поляк крикнул, кашлянул, снова плюнул.

– Ну, – не сдавался Рейневан. – Так как?

– Я немцев не вожу.

---

⁸⁶ И компания (*лат.*).

⁸⁷ В Европе XIII–XVIII веков существовала торговая привилегия, предоставлявшая некоторым городам право задерживать у себя и реализовывать провозимые купцами товары (частично или полностью) в течение определенного времени. Непроданные товары могли быть вывезены дальше.

– Я не немец. Я силезец.

– Да?

– Да.

– Ну, тогда скажи: перчи – не перчи, не переперчишь.

– Перчи – не перчи, не переперчишь. А теперь ты скажи: стоит кабак не по-кабаковски, сшит колпак не по-колпаковски.

– Стоит как... э, короче, не покал... кабак... Залезай!

Рейневан не заставил повторять себе дважды. Однако хозяин судна резко охладил его пыл.

– Погодь! Куды? Во-первых, я плыву только до Олавы. Во-вторых, это стоит пять скойцев⁸⁸. За коня дополнительных пять.

– Если не имеешь, – добавил с лисьей усмешкой второй вассерполяк, видя, как Рейневан сконфуженно шарит в кошеле, – то у тебя я куплю коня. За пять... Ну, пусть будет – за шесть скойцев. Двенадцать грошей. У тебя будет аккуратно на рейс. Ну а за коня, которого у тебя не будет, платить уже не придется. Чистая выгода.

– Этот конь, – заметил Рейневан, – стоит по меньшей мере пять гривен.

– Этот конь, – быстро заметил поляк, – ни хрена не стоит. Потому как ты не доедешь на нем туда, куда так спешишь. Ну так как? Продаешь?

– Если добавите еще три скойца за седло и упряжь.

– Один.

– Два.

– По рукам.

Конь и деньги поменяли хозяев. Рейневан на прощание пошлепал сивку по шее, погладил по загривку, хлопнул носом, прощаясь, как там ни говори, с другом и спутником по несчастью. Схватился за веревку и запрыгнул на палубу. Моряк сбросил швартов со столба. Барка дрогнула, медленно вошла в стрежень. Бугай ревел, рыбы воняли. На помосте водные поляки осматривали ногу сивки и ругались ни о чем.

Барка плыла вниз по реке. К Олаве. Свинцовая вода Одры хлопала и пенилась, ударяясь о борт.

– Э-э... Милсдарь!

– Что? – Рейневан вскочил, протер глаза. – Что случилось, господин шкипер?

– Олава перед нами.

От устья Стобравы до Олавы по Одре неполных пять миль. Такое расстояние идущая по течению барка может преодолеть не дольше, чем за десять часов. При условии, что плывет без долгих стоянок и никаких других дел, кроме движения, у нее нет.

У вассерполяка, хозяина барки, дел было бесчисленное множество. Да и на недостаток стоянок в пути Рейневан тоже жаловаться не мог. Однако, в общем, у него не было никаких причин для нареканий. И хотя вместо десяти часов он провел на барке полтора дня и две ночи, однако был в относительной безопасности, странствовал с удобствами, воспользовался временем, чтобы выспаться как следует, наелся досыта. Ха, даже побеседовал.

Водный поляк, хоть и не представился Рейневану по имени и не требовал того же от него, был, в общем, человеком вполне симпатичным и приятным в общении. Неразговорчивый, чтобы не сказать ворчливый, брюзгливым и грубым он отнюдь не был. Человек простой, он, впрочем, был вовсе не глуп. Барка лавировала между островками и мелями, подходила к пристаням то по левому, то по правому берегу. Экипаж из четырех человек мотался как чумной, шкипер ругался и подгонял. Руль уверенно держала жена вассерполяка, женщина в самом

---

⁸⁸ В Силезии в XV веке 1 скойец равнялся 2 пражским грошам.

соку. Рейневан, стараясь как мог блюсти приличие, в меру сил пытался не смотреть на ее крепкие бедра, выглядывавшие из-под подвернутой юбки. Отводил, если мог, взгляд, когда при маневрировании рулевым веслом платье женщины натягивалось на грудях, достойных Венеры.

Рейневан навестил в барке надорские пристани с такими названиями, как Язица, Загвизде, Клэмбы и Монт, был свидетелем коллективного лова рыбы и торговых сделок, а также сватовства. Видел загрузку и разгрузку самых различных товаров. Увидел такое, чего раньше ему никогда видеть не доводилось, к примеру, стодвадцатипятифунтового сома длиной в пять локтей. Ел то, чего никогда не едал, например, зажаренное на углях филе из этого сома. Узнал, как уберечься от топельца, никсы и вирника. В чем разница между неводом и дрыгавицей⁸⁹, в чем – между язом и гатью, какая между старицей и застругой и какая между лещом и густерой. Наслушался немало очень нелестных слов о немецких хозяйчиках, тиранящих водных поляков варварскими пошлинами и поборами.

Следующий день оказался воскресеньем. Водные поляки и местные рыбаки не работали. Молились долго у довольно топорно изготовленных фигурок Божьей Матери и святого Петра, потом пиршествовали, потом организовали что-то вроде сеймика, а потом упились и подрались.

По данному шкипером знаку Рейневан соскочил на хлипкий помост. Барка отерлась о столб, развела носом водоросли, лениво повернула на стрежень.

– Все время по дамбе! – крикнул вассерполяк. – И так, чтобы солнце было за спиной! До моста на Олаве, потом к лесу. Будет ручей, а за ним уже стшелинский тракт. Не заблудитесь!

– Благодарю! Да поможет вам Бог!

Над рекой быстро поднимался туман, постепенно заволакивающий барку. Рейневан забросил на плечо узелок.

– Эй, пан! – долетело с реки.

– Что?

– Стоит кабак не по-кабаковски, сшит колпак не по-колпаковски, надо кабак перекабать, а колпак переколпаковать!

---

⁸⁹ Сеть с поплавками.

Глава шестая,

в которой Рейневан сначала получает трепку, а потом отправляется в путь до Стшелина в обществе четырех человек и одной собаки. Дорожную скуку скрашивает диспут, касающийся ересей, плевелами расплзающихся вокруг.

По опушке бора, среди зеленых горечов, весело катя обласканную солнцем воду, бежал ручеек, извивающийся между выстроившимися шпалерой вербами. Там, где начиналась просека и дорога втягивалась в лес, берега ручья стягивал мостик из толстых бревен, бревен настолько черных, обомшелых и старых, словно их положили еще во времена Генриха Благочестивого⁹⁰. На мостике стояла телега, запряженная тощей гнедой лошадкой. Телега сильно кренилась набок. Сразу было видно почему.

– Колесо, – отметил факт Рейневан, подходя. – Неприятность?

– Хуже, чем вы думаете, господин, – ответила, размазывая по потному лбу деготь, рыжая складная молодка. – Оська у нас полетела.

– М-да. Тут без кузнеца не обойтись.

– Ай-ай! – схватился за лисью шапку второй путник, бородатый еврей в скромной, но ухоженной и отнюдь не бедной одежде. – ...Господь Исаака! Несчастье! Беда! Что же ж делать?

– Вы ехали, – сообразил Рейневан, видя, куда направлено дышло, – на Стшелин?

– Вы угадали, молодой человек.

– Я помогу вам, а вы взамен подвезете меня. Мне, видите ли, тоже в ту сторону. И у меня тоже неприятности...

– Нетрудно догадаться... – Еврей пошевелил бородой, а глаза у него хитро блеснули. – То, что вы, молодой человек, не из простых, видно сразу. А где ж ваш конь? Хотите на телеге навроде Ланселота ехать? Ну что ж. Глаза у вас добрые. Я – Хирам бен Элиезер, раввин бжеговского каганата. Еду в Стшелин...

– А я, – весело подхватила рыжеволосая женщина, подражая интонациям еврея, – Дорота Фабер. Отправляюсь в широкий мир. А вы, юноша?

– Меня, – после недолгого колебания решился сказать Рейневан, – зовут Рейнмар Беляу. Послушайте. Сделаем так. Как-нибудь стащим телегу с мостика, выпряжем кобылу, я на ней без седла сгоняю с этой осью в пригород Олавы к кузнецу. Если понадобится, привезу его сюда. Ну, за работу.

Все оказалось не так-то просто.

От Дороты Фабер проку было чуть, от пожилого раввина – никакого. Рейневан в одиночку приподнять телегу не мог. Поэтому все трое в конце концов уселись около сломанной оси и, тяжело дыша, принялись рассматривать миног и пескарей, от которых прямо-таки шевелилось песчанистое дно речки.

– Вы говорили, – спросил рыжеволосую Рейневан, – что направляетесь в мир. Куда и зачем?

– За хлебом насущным, – ответила девушка, вытирая нос тыльной стороной ладони. – Пока что, раз уж ребе еврей милостиво взял на телегу, еду с ним до Стшелина, а там, глядишь, и до Вроцлава самого. С моей профессией я работу всегда найду. Но все же хотелось бы получше.

– С вашей... профессией? – начал соображать Рейневан. – Это... это значит, что...

– Вот-вот. Я, как вы это называете... Эта, ну... блудница. Последнее время была в бжегском борделе «Под короной».

---

⁹⁰ Князь вроцлавский, краковский и великопольский в 1238 году (1191–1238).

– Понимаю, – серьезно кивнул Рейневан. – И ехали вместе? Рабби? Ты взял на телегу... Хм... Куртизанку?

– А почему б не взять? – широко раскрыл глаза рабби Хирам. – Взял. Потому как, понимаете ли, кем бы я после этого был, если б не взял?

В этот момент омшелые бревна задрожали под ногами трех мужчин, вошедших на мост.

– Может, помочь?

– Неплохо бы, – согласился Рейневан, хоть малоприятные лица и бегающие глазки добровольных помощников очень, ну, очень ему не понравились. Оказалось, что не понравились не напрасно. Потому что сразу же, как только несколько пар крепких рук столкнули повозку на лужок за мостиком, самый высокий из трех типов, заросший бородой по глаза, заявил, размахивая дубиной:

– Ну, работа сделана, таперича надоть платить. Выпрыгивай, пархатый, из шубы, выпрягай коня, гони кошель. А ты, чуль, скидывай куртку и вылезай из сапог. А ты, красуля, выползай из всего, что на тебе надето. Тебе по-иншему расплачиваться досталось. Гольшом!

Бандюги загоготали, показав гнилые зубы. Рейневан наклонился и поднял жердь, которой поддерживал телегу.

– Глянь-ка, – указал на него дубинкой бородатый, – какой парнишка-то бойкий. Его еще жизнь не научила, што кады велят скидавать сапоги, то надоть скидавать. Потому как босым-ать ходить можно, а на поломанных культах – никак. А ну! Дайте-ка ему!

Тройка ловко отпрянула от свистящего круга, которым окружил себя Рейневан, один напал сзади и лихим пинком под колено свалил парня на землю, но тут же взвыл и закружился сам, прикрывая глаза от когтей прыгнувшей ему на загривок Дороте Фабер. Рейневан получил дубинкой по плечу, сжался под пинками и ударами палок, увидел, как один из типов отталкивает пытающегося вмешаться раввина. А потом увидел черта.

Разбойники принялись кричать. Страшно. Тот, что взялся за них, был, конечно, никаким не чертом. А был это огромный смоляно-черный британ⁹¹ в ошейнике, ошетилившемся торчащими во все стороны иглами. Собака металась от бандюги к бандюге словно черная молния, причем нападала не как дворняга, а как волк. Рвала клыками одного и тут же отпускала, чтобы взяться за другого, схватить за лодыжку, вцепиться в бедро. Стиснуть зубы на промежности. А повалив – хватать за руки и лица. Крики «бравой троицы» сделались чудовищно тонкими. Так что волосы вставали дыбом.

Раздался пронзительный, модулированный свист. Черный британ тут же отскочил от разбойников, сел и замер, поставив уши торчком. Ни дать ни взять – статуя из антрацита.

На мост въехал всадник в коротком сером плаще, стянутом серебряной пряжкой, облегающем вамсе и шапероне⁹² с длинным, опускающимся на плечо хвостом.

– Как только солнце поднимется над верхушкой той вон ели, – громко проговорил всадник, распрямляя в седле вороного жеребца свою отнюдь не могучую фигуру, – я пушу Вельзевула следом за вами, мразь. Воспользуйтесь предоставленным вам временем, негодяи. Останавливаться не рекомендую.

Повторять дважды не пришлось. Бандиты тут же помчались к лесу, хромя, охая и трусливо оглядываясь. Вельзевул, словно зная, чем сумеет их особенно напугать, глядел не на них, а на солнце и верхушку ели.

Всадник подъехал ближе, с высоты седла присмотрелся к еврею, Дороте Фабер и Рейневану, который в этот момент как раз поднимался, ошупывая ребра и стирая кровь с носа.

---

⁹¹ Сторожевой пес.

⁹² Популярный в Средневековье головной убор. Мог иметь форму чалмы, шапки, тюрбана и т. д. Как правило, имел длинный «хвост», т. е. тирипипу (*tiripira*).

Особенно внимательно наездник присматривался к Рейневану, что не укрылось от внимания юноши.

– Ну-ну, – сказал ездок наконец, – классическая ситуация. Ну, прямо как в сказке: болотце, мост, поломанное колесо, неприятности. И помощь как по мановению волшебной палочки. Уж не призывали ли кого? Не испугаетесь, если я достану цирографы и велю их подписать?

– Нет, – ответил рабби. – Не та сказка.

Всадник хохотнул.

– Я – Урбан Горн, – продолжая смотреть прямо на Рейневана, сказал он. – Так кому ж мы с моим Вельзевулом помогли?

– Я – рабби Хирам бен Элиезер из Бжега.

– Я – Дорота Фабер.

– Я – Ланселот с Телеги. – Рейневан, несмотря на все, не очень-то доверял неожиданному помощнику.

Урбан Горн снова фыркнул, пожал плечами.

– Полагаю, путь держите в сторону Стшелина. Я обогнал на тракте человека, направляющегося туда же. Ежели позволите посоветовать, вам лучше было бы попросить его подвезти вас, чем тут до ночи торчать со сломанной осью. Лучше. И безопасней.

Рабби Хирам бен Элиезер окинул свой экипаж тоскливым взглядом, но, кивнув, согласился с незнакомцем.

– А теперь, – тот взглянул на лес, на верхушку ели, – прощайте. Дела зовут.

– А я думал, – рискнул Рейневан, – что вы их просто пугали...

Всадник глянул ему в глаза, и взгляд у него был холодный. Прямо-таки ледяной.

– Пугал, – признался он. – Но я, Ланселот, никогда не пугаю впустую.

Путником, о котором упомянул Урбан Горн, был священник, едущий на солидной телеге толстячок с глубоко выбритой тонзурой, одетый в плащ, отороченный хорьковым мехом.

Священник остановил лошадь, не слезая с козел выслушал рассказ, оглядел повозку со сломанной осью, внимательно рассмотрел каждого из трех просителей и наконец уразумел, о чем эти просители покорнейше просят.

– Значит, что? – спросил он наконец очень недоверчиво. – В Стшелин? На моей телеге?

Просители приняли позы еще более просящие.

– Я – Филипп Гранчишек из Олавы, приходский священник церкви Утешения Божьей Матери, добрый христианин и католическое духовное лицо, должен взять на телегу жида? Проститутку? И бродягу?

Рейневан, Дорота Фабер и рабби Хирам бен Элиезер переглянулись, а мины у них были, прямо сказать, сконфуженные.

– Садитесь, – наконец сухо сказал священник, – потому как я был бы последним чулем, если б вас не взял.

Не прошло и часа, как перед тянувшим телегу священника буланым мерином возник Вельзевул, искрящийся от росы. А чуть позже на тракте появился Урбан Горн на своем вороном.

– Поеду с вами до Стшелина, – запросто бросил он, – натурально, если вы не возражаете. Никто не возражал.

О судьбе бандитов никто не спрашивал. А мудрые глаза Вельзевула не выражали ничего. Либо все.

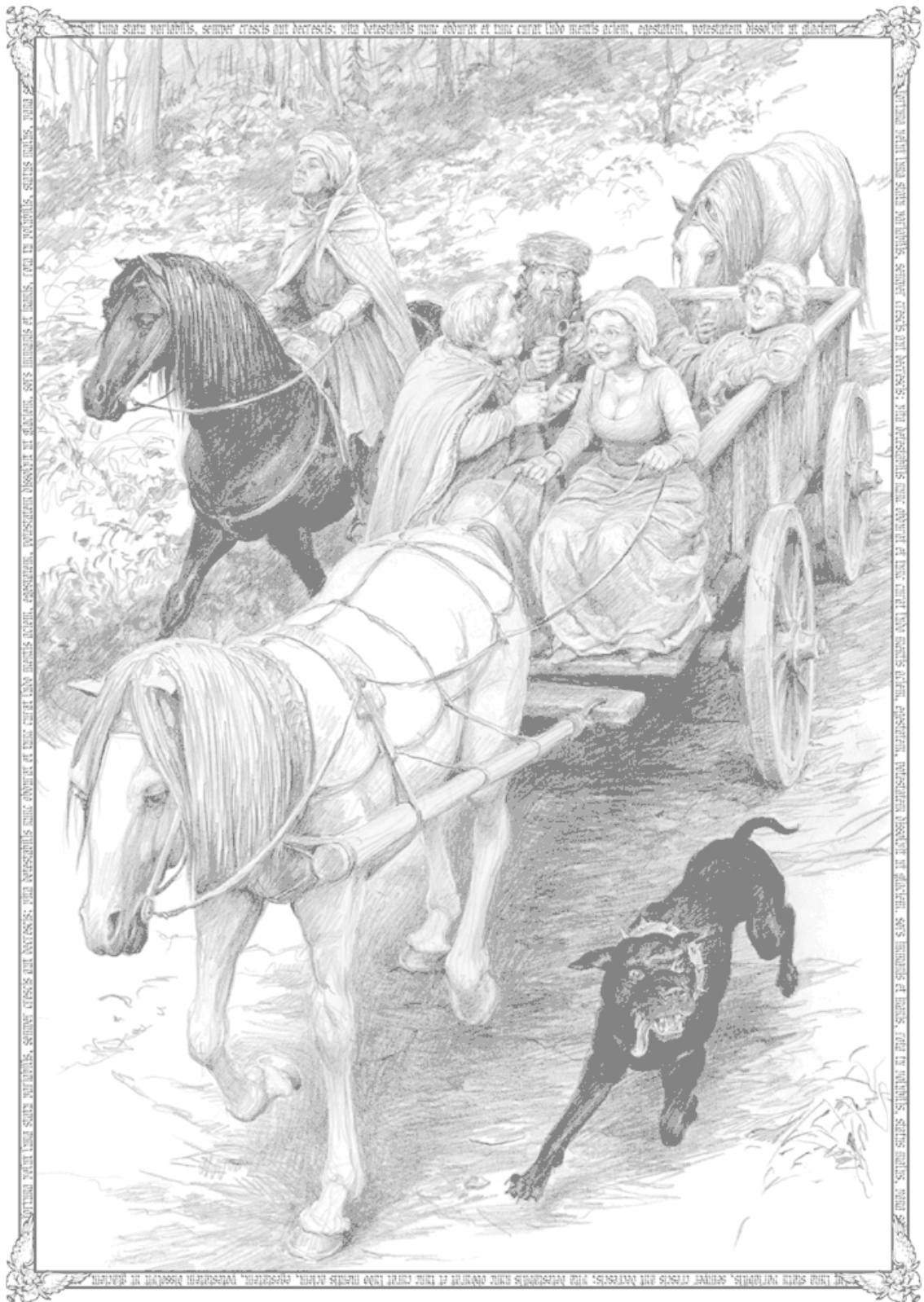
Так они и ехали по стшелинскому тракту, по долине реки Олавы, то по густым лесам, то по вересковой и просторным лугам. Впереди словно лауфер⁹³ бежал британ Вельзевул. Собака патрулировала дорогу, иногда скрываясь меж деревьев, шарил по зарослям и травам. Однако не гоняла и не впусгивала зайцев, не поднимала соек. Это было ниже достоинства черной псины. Не случалось ругать собаку или призывать ее к порядку и Урбану Горну, таинственному незнакомцу с холодными глазами, едущему рядом с телегой на вороном жеребце.

Запряженной буланым мерином телегой управляла Дорота Фабер. Рыжеволосая девица из Бжега, явно грешница, упростила плебана доверить ей вожжи, и было совершенно ясно, что рассматривала это как плату за проезд. А управлялась она прекрасно, с очевидной сноровкой. Таким образом, сидевший рядом с ней на козлах плебан Филипп Гранчишек мог, не опасаясь за экипаж, подремывать либо дискутировать.

На телеге, на мешках с овсом дремал или – в зависимости от обстоятельств – беседовал с Рейневаном рабби Хирам бен Элиезер.

---

⁹³ Скороход, гонец (от нем. *laufen* – бегать).

За телегой, привязанная к решетке, топала тщедушная евреева кобыла.

Так они и ехали, подремывали, беседовали, останавливались, беседовали, подремывали. Немного перекусили. Опорожнили кувшинчик горилки, который вытащил из сапета⁹⁴ плебан Гранчишек. Потом второй, который извлек из-под шубы рабби Хирам.

⁹⁴ Корзина, походный сундук.

Вскоре, сразу за Бжезьмежем, оказалось, что и плебан, и рабби ехали в Стшелин с одной и той же целью – послушать навестившего город и приход каноника вроцлавского капитула. Однако если плебан Гранчишек ехал, как он выразился, «по вызову», чтобы не сказать на «выволочку», то рабби надеялся лишь получить аудиенцию. Плебан считал, что у Хирама шансы были невелики.

– У преподобного каноника, – вещал он, – там будет край непочатой работы. Множество дел, разборов, без счета приемов. Ибо трудные у нас настали времена, ох трудные.

– Словно, – натянула вожжи Дорота Фабер, – когда-нибудь были легкие.

– Я говорю о трудных временах для церкви, – уточнил Гранчишек. – И для истинной веры. Поскольку распространяются, заполняя все вокруг, плевелы ереси. Встречаешь человека, он пожелает тебе добра во имя Господа Бога, а ты и не знаешь, не еретик ли он. Вы что-то сказали, рабби?

– Возлюби ближнего своего, – пробормотал Хирам бен Элиезер, неизвестно, не сквозь сон ли. – Пророк Илия может объявиться в любом лице.

– Как же, – пренебрежительно махнул рукой плебан Филипп. – Жидовская философия. А я говорю: бди и трудись, трудись и бди – и молись. Ибо дрожит и качается Петров оплот. Расползаются кругом плевелы ереси.

– Это, – Урбан Горн придержал коня, чтоб ехать рядом с телегой, – вы уже говорили, патер.

– Ибо сие и есть истина. – Плебан Гранчишек, похоже, совсем проснулся. – Сколь ни повторяй, правда. Ширится еретичество, плодится вероотступничество. Словно после дождя вырастают ложные пророки, готовые своими лживыми учениями истощить Божий Завет. Воистину провидчески писал апостол Павел во втором послании Тимофею: «Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням»⁹⁵. И будут твердить, помилуй Иисусе Христе, что во имя истины творят то, что творят.

– Все на этом свете, – заметил как бы мимоходом Урбан Горн, – творится под лозунгом борьбы за правду. И хоть обычно совсем о разных правдах идет речь, выигрывает на этом только одна – истинная.

– Еретически прозвучало, – собрал лоб в складки плебан, – то, что вы рекли. Мне, дозвоьте вам сказать, больше – в смысле правды – по пути с тем, что магистр Йоганн Нидер в своем *Formicarius*'е написал. А сравнил он еретиков с теми в Индии живущими муравьями, кои без передышки выбирают из песка крупыцы золота и в муравейник относят, хотя никакой выгоды от этого золота не имеют, ибо и не съедят, и себе не урвут. Точно так же, пишет в «Формикариусе» магистр Нидер, поступают и еретики, кои в Священном Писании копаются и зерна истины в нем ищут, хотя и сами не знают, что с этой истиной делать.

– Очень даже красиво, – вздохнула Дорота Фабер, подгоняя мерина. – Ну, о тех муравьях, значит. Ох, говорю, когда я такого мудреца слушаю, у меня аж ниже пупка сосать начинается.

Плебан не обратил внимания ни на нее, ни на ее пупок.

– Катары, – продолжал он, – иначе – альбигойцы, кои руку, стремившуюся их в лоно Церкви возворотить, яко волки кусали. Вальденсы и лолларды, осмеливающиеся оскорблять Церковь и Святого Отца, а литургию собачьей брехней называть. Мерзкие отступники богومیлы и им подобные павликиане, алексиане и патрипассиане, отваживающиеся отрицать Святую Троицу, «братья» ломбардские, всякое отребье и разбойники, у которых на совести не один священник. Им подобные дульчинисты, сторонники Фра Дольчина. *Item* разные другие отступники: присциллиане, петробрузиане, арнольдисты, сперонисты, пассанисты, мессальяне, апостольские братья, пасторелы, патарены и аморикане. Попликане и турлупиане, отрицающие

---

⁹⁵ Второе послание апостола Павла к Тимофею, 4; 3,4.

*divinitatem*⁹⁶ Христа и отвергающие святыни, а поклоняющиеся дьяволу. Люциферане, название которых явно говорит, во имя кого они творят свои мерзопакостности. Ну и само собой, гуситы, противники веры, Церкви и папы...

– А что всего смешней, – вставил с улыбкой Урбан Горн, – все вами перечисленные «ане» и «исты» себя-то считают правыми, а других именуют врагами веры. Что касается папы, то все же признайте, уважаемый патер, что порой трудно бывает из многих выбрать истинного. А что до Церкви, то все в один голос вопят о необходимости реформы, *in capite et in membris*⁹⁷. Вас это не заставляет задуматься, преподобный?

– Не очень-то я понимаю слова ваши, – признался Филипп Гранчишек. – Но если вы хотите сказать, что в лоне самой Церкви зреет ересь, то вы правы. Весьма близки к тому греху, который в вере бродит, в спеси своей с набожностью перебарщивают. *Corruptio optimi pessima*⁹⁸. Взять хотя бы казус всем известных бичовников или флагеллантов. Уже в тысяча триста сорок девятом году папа Климент Шестой провозгласил их еретиками, проклял и повелел карать, но разве это помогло?

– Ничуть не помогло, – бросил Горн. – Они по-прежнему бродили по всей Германии, развлекав мужиков, поскольку девок среди них было немерено, а те занимались самобичеванием, обнажившись до пояса и выставив напоказ сиськи. Порой очень даже ладные сиськи, я-то знаю, что говорю, поскольку видел их походы в Бамберге, в Госларе и в Фюрстенвальде. Ох и здорово же подпрыгивали у них эти сисечки, ох подпрыгивали! Последний собор снова их осудил, но это пустое дело. Вспыхнет какая-нибудь зараза или другая беда, и они снова возьмутся за свои бичевальные представления. Им это просто нравится.

– Один ученый магистр в Праге, – включился в диспут немного разморившийся Рейневан, – доказывал, что это болезнь. Что некоторые женщины именно в том обретают благодать, что нагими хлещут себя у всех на глазах. Потому-то среди флагеллантов было и есть столько женщин.

– В нынешние времена я б не советовал ссылаться на пражских магистров, – резко заметил плебан Филипп. – Однако надо признать, что-то в этом есть. Братья Проповедники утверждают, что много зла идет от телесного сладострастия, а сие в женщинах неугасимо.

– Женщин, – неожиданно проговорила Дорота Фабер, – лучше оставьте в покое. Ибо и сами вы не без греха.

– В райском саду, – покосился на нее Гранчишек, – змей не на Адама, а на Еву ополчился и наверняка знал, что делает. Доминиканцы тоже наверняка знают, что говорят. Но я имел в виду не то, чтобы женщин осуждать, а только что многие из теперешних ересей странным образом именно на вожделении и блуде замешены, в соответствии с какой-то, похоже, обезьяньей развращенностью. Дескать, ежели Церковь запрещает, так вот же – будем поступать ей наперекор. Церковь наказывает быть скромным? А ну, выставим голый зад! Призывает к сдержанности и благопристойности? Так нет же, будем совокупляться, словно кошки в марте. Пикарды и адамиты в Чехии совсем нагими расхаживают, а трахаются – прости меня, Господи! – погрязши в грехе, все со всеми, словно собаки, не люди. Так же делали апостольские братья, то есть секта сегарелли. Кёльнские *condormientes*, то есть «спящие вместе», телесно общаются, невзирая на пол и родство. Патернианцы, именуемые так по имени их порочного апостола Патерна из Пафлагонии⁹⁹, святости супружества не признают и предаются коллективному распутству, особенно такому, кое делает невозможным зачатие.

– Любопытно, – задумчиво проговорил Урбан Горн.

---

⁹⁶ Божественность (лат.).

⁹⁷ Здесь: сверху донизу (лат.).

⁹⁸ Совращение охватило всех (лат.).

⁹⁹ Историческая область в Малой Азии. Теперь – Турция.

Рейневан покраснел, а Дорота фыркнула, показывая тем самым, что дело это ей не совсем чуждо.

Телега подпрыгнула на выбоине так, что рабби Хирам проснулся, а готовящийся к очередной проповеди Гранчишек чуть не откусил язык. Дорота Фабер чмокнула на мерина, хлестнула вожжами. Пресвитер поудобнее устроился на козлах.

– Были и есть также иные, – затянул он снова, – которые тем же грешат, что и бичовники. Преувеличенной, значит, набожностью, от которой только шаг до извращений и ереси. Как хотя бы подобные бичовникам дисциплинаты, баттуты или циркумпелионе, как бианчи, то есть «белые», как гумилаты, как так называемые лионские братья, как иоахимиты. Знаем мы такое и, как говорится, на собственном дворе. Я имею в виду свидницких и niskих бегардов.

Рейневан, у которого в отношении бегардов и бегинок было собственное мнение, кивнул головой. Урбан Горн не кивнул.

– Бегарды, – спокойно сказал он, – которых именуют *fratres de voluntaria paupertate*, то есть нищими по собственной воле, могли быть образцом для многих священников и монахов. Были у них и крупные заслуги перед обществом. Достаточно сказать, что именно бегинки в своих больницах и приютах остановили заразу в шестидесятом году, не дали распространиться эпидемии. А это тысячи людей, спасенных от смерти. Ничего не скажешь, бегинкам за это отплатили сполна. Обвинили в еретичестве.

– Конечно, – согласился священник, – было среди них много людей набожных и самоотверженных. Но были и отступники, и грешники. Многие бегинарии, да и хваленые приюты оказались рассадниками греха, святотатства, ереси и полной распущенности. Много также было зла и от странствующих бегардов.

– Думайте как угодно.

– Я?! – ахнул Гранчишек. – Я – простой плебан из Олавы, что мне думать-то? Бегардов осудил Вьеннский собор и папа Клемент без малого за сто лет до моего рождения. Меня и на свете-то не было, когда в тысяча триста тридцать втором году Инквизиция вскрыла среди бегинок и бегардов такие ужасающие дела, как раскапывание могил и осквернение трупов. Меня не было на свете и в семьдесят втором году, когда во исполнение новых папских эдиктов возобновили Инквизицию в Свиднице. Следствие доказало еретичность бегинок и их связи с ренегатским братством и сестринством Свободного Духа, с пикардской и турлупинской мерзостью, в результате чего вдова княжна Агнешка прикрыла свидницкие бегинажи, а бегардов и бегинок...

– Бегардов и бегинок, – закончил Урбан Горн, – преследовали и ловили по всей Силезии. Но и здесь ты тоже, вероятно, умоешь руки, олавский плебан, ибо все случилось до твоего рождения. Но ведь и до моего тоже, однако это не мешает мне знать, как все было в действительности. Что большую часть схваченных бегардов и бегинок замучили в застенках. А тех, которые выжили, сожгли. При этом большая группа, как обычно бывает, спасла свою шкуру, выдав других, отправив на пытки и смерть товарищей, друзей, даже близких родственников. Часть предателей потом натянула доминиканские рясы и проявила себя истинно неофитским усердием в борьбе с еретичеством.

– Вы считаете, – резко взглянул на него плебан, – что это скверно?

– Доносить?

– Я боролся с ересью. Считаете, что это скверно?

Горн резко повернулся в седле, и выражение лица у него изменилось.

– Не пытайтесь, – прошипел он, – проделывать со мной такие фокусы, патер. Не будь, курва, таким Бернардом Ги. Какая тебе польза, если ты поймаешь меня на каверзном вопросе? Оглянись. Мы не у доминиканцев, а в бжезьмерских лесах. Если я почувствую опасность, то просто дам тебе по тонзуре и выкину в яму от вырванного с корнем дерева. А в Стшелине

скажу, что по пути ты умер от неожиданно закипевшей крови, прилива флюидов и скверного настроения.

Священник побледнел.

– К нашему общему счастью, – спокойно закончил Горн, – до этого дело не дойдет, ибо я не бегард, не еретик, не сектант из Братства Свободного Духа. А инквизиторские фортели ты брось, олавский плебан. Договорились? А?

Филипп Гранчишек не ответил, а просто несколько раз кивнул головой.

Когда остановились, чтобы расправить кости, Рейневан не выдержал. Отойдя в сторонку, спросил Урбана Горна о причине столь резкой реакции. Горн сначала разговаривать не хотел, ограничился парочкой ругательств и ворчанием в адрес чертовых доморощенных инквизиторов. Однако, видя, что Рейневану этого мало, присел на поваленный ствол, подозвал собаку.

– Все их ереси, Ланселот, – начал он тихо, – меня интересуют не больше прошлогоднего снега. Только дурак, а я себя таковым не считаю, не заметил бы, что это *signum temporis*¹⁰⁰ и что пора перейти к выводам. Может быть, есть смысл что-то изменить? Реформировать? Я стараюсь понять. И понять могу, что их разбирает злорадия, когда они слышат, что Бога нет, что от Декалога можно и нужно отмахнуться, а почитать следует Люцифера. Я их понимаю, когда в ответ на такие *dictum*¹⁰¹ они начинают вопить об ереси. Но что оказывается? Что их бесит больше всего? Не отступничество и безбожие, не отрицание ритуалов, не ревизия или отвержение догм, не демонолатрия¹⁰². Самую большую ярость у них вызывают призывы к евангельской бедности. К смирению. К самоотверженности. К служению Богу и людям. Они начинают беситься, когда от них требуют отказаться от власти и денег. Потому с такой яростью они накинулись на *bianchi*, на гумилатов, на братство Герарда Гроота, на бегинок и бегардов, на Гуса. Псыкрев, я считаю просто чудом, что они не сожгли Поверелло, Бедняка Франциска! Но боюсь, где-то ежедневно полыхает костер, а на нем умирает какой-нибудь никому не известный и забытый Поверелло.

Рейневан покивал головой.

– Поэтому, – закончил Горн, – это меня так нервирует.

Рейневан кивнул снова. Урбан Горн внимательно смотрел на него.

– Разболтался я не в меру. А такая болтовня может быть опасной. Уж не один сам себе, как говорят, горло собственным слишком длинным языком перерезал... Но я тебе доверяю, Ланселот. Ты даже не знаешь почему.

– Знаю, – вымученно улыбнулся Рейневан. – Если ты заподозришь, что я донесу, то дашь мне по лбу, а в Стшелине скажешь, что я отдал концы из-за неожиданного прилива флюидов и скверного настроения.

Урбан Горн усмехнулся. Очень по-волчьи.

– Горн?

– Слушаю тебя, Ланселот.

– Легко заметить, что ты человек бывалый и опытный. А не знаешь ли случаем, у кого из власть имущих владение расположено поблизости от Бжега?

– Откуда бы, – Урбан Горн прищурился, – такое любопытство? Такая небезопасная в теперешние времена любознательность?

– От того, что и всегда. От желания познавать мир.

---

¹⁰⁰ Знамение времени (*лат.*). (Евангелие от Матфея, 26; 1–4.)

¹⁰¹ Слова (*лат.*).

¹⁰² Поклонение дьяволу (*лат. + греч.*).

– Действительно! Откуда бы еще-то. – Горн приподнял в улыбке уголки губ, но из его глаз отнюдь не исчез блеск подозрительности. – Ну что ж, удовлетворю твою любознательность в меру своих скромных возможностей. В районе Бжега, говоришь? Конрадсвальдау принадлежит Хаугвицам. В Янковицах сидят Бишофсгеймы. Гермсдорф – владение Галлей... В Шёнау же, насколько мне известно, сидит подचाший Бертольд де Апольда...

– У кого из них есть дочь? Молодая, светловолосая...

– Ну, так-то уж далеко, – обрезал Горн, – я не забирался. Да и тебе не советую, Ланселот. Простое любопытство господа рыцари еще могут снести, но они очень не любят, когда кто-то слишком уж интересуется их дочками. И женами...

– Понимаю.

– Это хорошо.

Глава седьмая,

в которой Рейневан и его спутники въезжают в Стшеллин в канун Успения Девы Марии и, как оказалось, точно на аутодафе. Потом те, кому должно, выслушивают наставления каноника вроцлавского кафедрального собора. Одни с большим, другие с меньшим желанием.

За деревней Хёркрихт, поблизости от Вёнзова, пустынный до того тракт немного оживился. Кроме крестьянских возов и купеческих фур, стали попадаться конные и вооруженные люди, так что Рейневан почел за благо прикрыть голову капюшоном. За Хёркрихтом бежавшая по живописному березняку дорога снова опустела, и Рейневан облегченно вздохнул. Однако малость преждевременно.

Вельзевул в очередной раз показал великий собачий ум. До сих пор он не ворчал даже на проходящих мимо солдат, сейчас же, безошибочно чуя их намерения, он коротким резким лаем предупредил о вооруженных наездниках, неожиданно выехавших из березняка по обеим сторонам дороги. Потом зловеще заворчал, когда, увидев его, один из слуг, сопровождавших рыцарей, стянул со спины арбалет.

– Эй, вы! Стоять! – крикнул рыцарь молодой и веснушчатый, как перепелиное яйцо. – Стоять, говорю! На месте!

Ехавший рядом с рыцарем конный слуга всунул ступню в стремечко арбалета, ловко натянул его и уложил на ложе болт. Урбан Горн не спеша выехал немного вперед.

– Не вздумай стрелять в собаку, Нойдек. Сначала взгляни, рассмотри как следует. И сообрази, что ты когда-то уже ее видел.

– О раны Господни! – Веснушчатый заслонил глаза рукой, чтобы защититься от слепящего мерцания раскачиваемых ветром листьев берез. – Горн? Ты ли это в самом деле?

– Никто иной. Прикажи слуге убрать арбалет.

– Ясно, ясно. Но пса придержи. Кроме того, мы тут не случайно, а кое-кого ищем. Так что я должен спросить тебя, Горн, кто это с тобой? Кто едет?

– Для начала, – холодно сказал Урбан Горн, – уточним вот что: за кем ваши милости охотятся? Потому что если за теми, кто, к примеру, ворует скот, так мы отпадаем. По многим причинам. *Primo*, при нас нет скота. *Secundo*...

– Ладно, ладно, – веснушчатый уже успел рассмотреть священника и раввина, презрительно махнул рукой, – скажи только: ты их всех знаешь?

– Знаю. Ты удовлетворен?

– Удовлетворен.

– Просим прощения, преподобный, – второй рыцарь, в саладе¹⁰³, при полном вооружении, слегка поклонился плебану Гранчишеку, – но мы беспокоим вас не ради развлечения. Совершено преступление, и мы идем по следам убийцы. По приказу господина Райденбурга, стшеллинского старосты. Вот он – господин Кунад фон Нойдек. А я – Евстахий фон Рохов.

– Что за преступление? – спросил плебан. – О Господи! Убили кого?

– Убили. Недалеко отсюда. Благородного Альбрехта Барта, хозяина из Карчина.

Некоторое время стояла тишина, которую нарушил голос Урбана Горна. Голос изменившийся.

– Как? Как это случилось?

– Странно случилось, – медленно ответил Евстахий фон Рохов, перестав подозрительно рассматривать Рейневана. – Во-первых, в самый полдень. Во-вторых, в бою... Если б это не было невозможно, я бы сказал, что в поединке. Один человек, конный, вооруженный. Убил

---

¹⁰³ Каска особой формы – форму многих касок см. в приложении II.

тычком меча, к тому же очень точным, требующим большой сноровки. В лицо. Между носом и глазом.

– Где?

– В четверти мили за Стшелином. Барт возвращался из гостей у соседа.

– Один, без сопровождения?

– Он так ездил. У него не было врагов.

– Упокой, Господи, – пробормотал Гранчишек, – душу его. И освяти...

– У него не было врагов, – повторил, прервав молитву, Горн. – Но подозреваемые есть?

Кунад Нойдек подъехал ближе к возу, с интересом посмотрел на груди Дороты Фабер. Куртизанка одарила его призывной улыбкой. Евстахий фон Рохов тоже подъехал. И тоже осклабился. Рейневан был очень рад. На него не смотрел никто.

– Подозреваемых, – Нойдек отвел глаза от притягивающего взгляд бюста, – несколько. По району болталась довольно подозрительная компания. То ли за кем-то гонялись, то ли кровная месть. Что-то в этом роде. Здесь даже видели таких типов, как Кунц Аулок, Вальтер де Барби и Сторк из Горговиц. Ходят слухи, что какой-то молокосос вскружил голову жене рыцаря, а тот не на шутку взелся на соблазнителя. И гоняется за ним.

– Не исключено, – добавил Рохов, – что именно этот преследуемый любовничек, случайно наткнувшись на Барта, запаниковал и прикончил его.

– Если так, – Урбан Горн поковырял в ухе, – то вы легко достанете этого, как вы говорите, любовничка. В нем должно быть не меньше семи футов роста и четыре в плечах. Такому, пожалуй, трудновато спрятаться среди обычных людей.

– Верно, – угрюмо согласился Кунад Нойдек.

– Хлюпиком господин Барт не был, какому-нибудь замухрышке б не поддался... Но, возможно, там не обошлось без чар или колдовства.

– Мать Пресвятая Богородица! – воскликнула Дорота Фабер, а плебан Филипп перекрестился.

– А впрочем, – закончил Нойдек, – там видно будет что к чему. Как только прелюбодея возьмем, так выпытаем его о подробностях, ох выпытаем... А распознать, думаю, будет нетрудно. Мы знаем, что он удалой и на сивом коне едет. Если вы такого встретите...

– Не преминем донести, – спокойно пообещал Урбан Горн. – Удалой парень, сивый конь. Не проглядишь. И ни с кем не перепутаешь. Ну, бывайте, господа.

– А вы, господа, не знаете, случайно, – заинтересовался плебан Гранчишек, – вроцлавский каноник все еще в Стшелине обретается?

– Конечно. Судебными разбирательствами занимается у доминиканцев.

– А не его ли это милость нотариус Лихтенберг?

– Нет, – отрицательно покачал головой фон Рохов. – Его зовут Беесс. Отто Беесс.

– Отто Беесс, препозит¹⁰⁴ при Святом Иоанне Крестителе, – забормотал священник, как только старосты рыцари отправились дальше, а Дорота Фабер стегнула мерина. – Ох, суровый муж. Веееесьма суровый. Ох, рабби, зря надеешься. Вряд ли он тебя выслушает.

– А вот и нет, – проговорил Рейневан, уже некоторое время радостно улыбавшийся. – Вас примут, рабби Хирам. Обещаю.

Видя недоуменные взгляды, Рейневан таинственно улыбнулся. Потом, явно в хорошем настроении, соскочил с телеги и пошел рядом. Затем немного поотстал. И тогда к нему подъехал Горн.

– Теперь ты видишь, как все оборачивается, Рейнмар Беляу. Как быстро дурные слухи распространяются. По округе разъезжают наемные убийцы, мерзавцы типа Кирьелейсона и

---

¹⁰⁴ Старший из каноников капитулы.

Вальтера де Барби, а ежели они убьют кого, то на тебя же на первого падет подозрение. Замечаешь иронию судьбы?

– Замечаю, – буркнул Рейневан. – И не только это. Во-первых, вижу, что вы все-таки знаете, кто я такой. Вероятно, с самого начала.

– Вероятно. А еще что?

– Что вы знали убитого Альбрехта Барта из Карчина. И даю голову на отсечение, едете вы как раз в Карчин. Или ехали.

– Ишь ты, – немного помолчав, сказал Горн. – Какой шустрый. И самоуверенный. Я даже знаю, откуда берется твоя самоуверенность. Хорошо, когда есть знакомые на высоких должностях, а? Вроцлавский каноник, например? Человек сразу начинает чувствовать себя лучше. И безопаснее. Однако обманчивое это бывает ощущение, ох обманчивое.

– Знаю, – кивнул Рейневан. – Я все время помню о вывороченном дереве, о настроениях и флюидах.

– И очень хорошо делаешь, что помнишь.

Дорога шла по холму, на котором стояла шубеница¹⁰⁵ с тремя высохшими, как вяленая треска, висельниками. А внизу перед путниками раскинулся Стшеллин с его красочным пригородом, городской стеной, замком времен Болеслава Строгого, древней ротондой Святого Готарда и современными колокольнями монастырских церквей.

– Ой! – заметила Дорота Фабер. – Там что-то происходит. Какой-то праздник сегодня, что ли?

Действительно, на свободном пространстве у городской стены собралась довольно большая толпа. Было видно, что со стороны ворот туда направляется народ.

– Кажется, процессия.

– Скорее мистерия, – отметил Гранчишек. – Сегодня же четырнадцатое августа, сочельник Успения Девы Марии. Едем, едем, Дорота. Поглядим вблизи.

Дорота чмокнула, мерин двинулся. Урбан Горн подозревал британа и взял его на поводок, видимо, понимая, что в давке даже такой умный пес, как Вельзевул, может потерять самообладание.

Движущаяся со стороны города процессия уже приблизилась настолько, что в ней можно было различить священников в литургических одеяниях, черно-белых доминиканцев, конных рыцарей в украшенных гербами яках¹⁰⁶, коричневых францисканцев, горожан в доходящих почти до земли делиях¹⁰⁷. И еще алебардистов в желтых туниках и матово поблескивающих капалинах¹⁰⁸.

– Епископское воинство, – тихо пояснил Урбан Горн, уже в который раз доказывая хорошую осведомленность. – А вон тот крупный рыцарь, тот, что на гнедой лошади с шашечницей на попоне, это Генрик фон Райденбург, стшеллинский староста.

Епископские солдаты вели под руки трех человек – двух мужчин и женщину. На женщине было белое гезло¹⁰⁹, на одном из мужчин остроконечный, ярко раскрашенный колпак.

Дорота Фабер щелкнула вожжами, прикрикнула на мерина и на неохотно расступающуюся перед телегой публику. Однако, спустившись с холма, пассажирам телеги надо было встать, чтобы видеть что-либо. Значит, приходилось остановить телегу. Впрочем, все равно дальше ехать было невозможно, люди здесь стояли плечом к плечу.

---

¹⁰⁵ Виселица в виде длинной перекладины на двух столбах.

¹⁰⁶ Накидка на латах в виде туники, чаще с вышитым на ней гербом владельца.

¹⁰⁷ Род длинного плаща, подбитого мехом.

¹⁰⁸ См. приложение II.

¹⁰⁹ Свободная полотняная женская рубаша смертницы.

Поднявшись во весь рост, Рейневан увидел головы и плечи приведенных к стене мужчин и женщины. И торчащие выше их голов столбы, к которым они были привязаны. Куч хвороста, нагроможденного под столбами, он не видел. Но знал, что они там были.

Он слышал голос, возбужденный и громкий, но нечеткий, приглушенный шмелиным гулом толпы. Он с трудом различал слова.

– Совершенно преступление против общественного порядка... *Errores Hussitarum... Fides haeretica...* Разврат и святотатство... *Crimen*¹¹⁰. Следствием установлено...

– Похоже, – сказал поднявшийся на стременах Урбан Горн, – сейчас здесь наглядно подводят итоги нашей дорожной дискуссии.

– На то смахивает, – сглотнул слюну Рейневан. – Эй, люди! Кого казнить будут?

– Харетиков, – пояснил, поворачиваясь, мужчина с внешностью попрошайки. – Схватили харетиков. Говорят, гусов или чегой-то вроде того...

– Не гусов, а гусонов, – поправил с таким же польским акцентом другой оборванец. – Жечь их будут за святотатство. Потому как гусей причащали.

– Эх, темнота! – прокомментировал стоящий по другую сторону телеги странник с нашитыми на плаще завитушками¹¹¹. – Ну, ничего же не знают. Ничего!

– А ты знаешь?

– Знаю. Хвала Иисусу Христу! – Странник заметил тонзуру плебана Гранчишека. – Еретики зовутся гуситами, а берется это от ихнего пророка Гуса, а вовсе не от каких ни гусей. Они, гуситы, значицца, говорят, что чистилища вовсе нету, а причастие принимают обоими способами, то есть *sub utraque specie*¹¹². Потому и называют их утравкистами¹¹³.

– Не учи нас, – прервал Урбан Горн, – мы и без того ученые. Этих троих, спрашиваю, за что палить будут?

– Ну, этого-то я не знаю. Я нездешний.

– Вон тот, – поспешил разъяснить какой-то здешний, судя по испачканному глиной фартуку, каменщик. – Тот в позорном колпаке – чех, гуситский посланец, поп-отступник. Из Табора, переодевшись, пришлепал, людей на бунт подбивал, церкви жечь. Его признали собственные же родаки, те, что после двенадцатого года из Праги удрали. А второй – Антоний Нэльке, учитель приходской школы. Здешний сообщник чеха-еретика. Укрытие ему давал и с ним еретические писания распространял.

– А женщина?

– Эльжбета Эрлихова. Она совсем из другой, как говорится, бочки. По случаю. За компанию. Мужа своо, с любовником стакнувшись, ядом отравила. Любовник сбежал. Если б не это, тожить бы на костер взошел.

– Вылезло ноне шило из мешка, – вставил тощий тип в фетровой шапке, плотно обтягивающей череп. – Потому как это ее второй муж, Эрлиховой-то. Первого небось тоже отравила, ведьма.

– Может, отравила, может, и не отравила, тут бабка надвое сказала, – присоединилась к диспуту толстая горожанка в расшитом полукожушке. – Говорят, тот, первый, вусмерть запил. Сапожник был.

¹¹⁰ Гуситский грех... Еретические посулы... Преступление.

¹¹¹ По традиции паломники, отправляющиеся в Святую Землю, в Сантьяго-де-Компостелла (к могиле святого Иакова, самое популярное в средневековой Европе место паломничества) или к местнотимым святыням, отпускали бороду и облачались в паломническую одежду – калиги, коричневый или серый плащ, греческую шляпу с весьма широкими полями, обыкновенно украшенную раковинами. Раковина (улитка) считалась символом паломничества. Иногда паломники нашивали «улитки» на плащи или использовали собственно не самые раковины улиток, а символическое изображение завитушки.

¹¹² Под обоими видами.

¹¹³ Гуситы, стоящие за умеренную социальную и политическую реформу церковной жизни в Чехии.

– Сапожник – не сапожник, отравила она его как пить дать, – припечатал тощий. – Не иначе там и чары какие-никакие в дело пошли, ежели под доминиканский суд попала...

– Коли отравила, то и получила за дело свое.

– Верно, что получила.

– Погодьте, – крикнул, вытягивая шею, плебан Гранчишек. – Приговор княжий читают, а не слышно ничего.

– А зачем слышать-то? – съехидничал Урбан Горн. – И так все известно. Те, что на кострах, это *haeretica pessimi et notirii*¹¹⁴. А Церковь, которая кровью брезгает, передает наказание виновных на *brachium saeculare*, светским властям.

– Помолчите, сказал я!

– *Ecclesia non sitit sanguinem*¹¹⁵, – долетел со стороны костров прерываемый ветром и прибываемый гулом толпы голос. – Церковь не жаждет крови и отвращается от нее... Так пусть же осуждение и наказание перейдет в руки *brachium saeculare*, светской власти. *Requiem aeternam dona eis...*¹¹⁶

Толпа взревела. У костров что-то происходило. Палач был уже рядом с женщиной, что-то проделал у нее за спиной, как бы поправлял накиннутую на шею петлю. Голова женщины мягко, как подрезанный цветок, упала на грудь.

– Он ее удушил, – тихо вздохнул плебан, совсем так, словно прежде ничего подобного не видел. – Шею ей переломил. Тому учителю тоже. Они, видимо, на следствии раскаялись.

– И кого-нибудь завалили, – добавил Урбан Горн. – Нормальное дело.

Толпа выла и сквернословила, недовольная милостью, оказанной учителю и отравительнице. Крик усилился, когда вязанки хвороста полыхнули синим пламенем, полыхнули бурно, мгновенно охватив костры вместе со столбами и привязанными к ним людьми. Огонь загудел, взвился высоко, толпа, охваченная жаром, попятилась, теснота стала еще больше.

– Портачи! – крикнул каменщик. – Говенная работа! Сухой взяли хворост, сухой! Как солома!

– Воистину портачи, – согласился тощий в фетровой шапке. – Гусит и звука издать не успел! Не умеют они палить. Вот у нас, во Франконии, аббат из Фульды, ого, вон тот умеет! Сам за кострами присматривал. Бревна укладывать велел так, чтобы вначале они только ноги поджаривали до колен, потом выше, до яиц, а потом...

– Вор! – тонко взвыла скрытая в толкучке женщина. – Воооор! Лови вора!

Где-то посреди толпы плакал ребенок, кто-то наигрывал на дудке, кто-то всех обзывал курвами, кто-то смеялся, заливался нервным, кретинским смехом.

Костры гудели, били сильными порывами жара. Ветер повернул в сторону путников, донося отвратительный, удушливый, сладковатый запах горящего трупа. Рейневан прикрыл нос рукавом. Плебан Гранчишек поперхнулся. Дорота зашлась кашлем. Урбан Горн сплюнул, немилосердно скривившись. Однако всех превзошел рабби Хирам. Еврей высунулся с телеги, и его столь же неожиданно, сколь и обильно вырвало – на паломника, на каменщика, на горожанку, на франконца и на всех других, оказавшихся поблизости. Вокруг телеги тут же сделалось просторно.

– Прошу прощения... – сумел пробормотать рабби между очередными пароксизмами. – Это не политическая демонстрация. Это обыкновенная рвота...

---

¹¹⁴ Заслуживающие порицания, бессовестные еретики (лат.).

¹¹⁵ Церковь не жаждет крови (лат.).

¹¹⁶ «Великий покой даруй им...» – начальные слова католической заупокойной молитвы (лат.).

Каноник Отто Беесс, препозит у Святого Яна Крестителя, уселся поудобнее, поправил пелеус¹¹⁷, взглянул на колышущийся в бокале кларет.

– Убедительно прошу, – сказал он своим обычным скрипучим голосом, – присмотреть, чтобы тщательно очистили и обработали граблями кострище. Все остатки, даже самые малые, прошу собрать и высыпать в реку. Ибо множатся случаи, когда люди подбирают обуглившиеся косточки. И сохраняют как реликвии. Прошу уважаемых советников позаботиться об этом. А братьев – присмотреть за выполнением.

Присутствующие в комнате замка стшелинские советники молча поклонились, доминиканцы и Меньшие Братья наклонили тонзуры. И те, и другие знали, что каноник привык просить, а не приказывать. Знали также, что разница только в самом слове.

– Братьев Проповедников, – продолжал Отто Беесс, – прошу и дальше в соответствии с указаниями буллы *Inter cunctas*¹¹⁸ чутко следить за всеми проявлениями еретичества и деятельностью таборитских эмиссаров. И докладывать о малейших, даже, казалось бы, незначительных явлениях, с подобной деятельностью связанных. В этом я также рассчитываю на помощь светских властей. О чем прошу вас, благородный господин Генрик.

Генрик Райденбург наклонил голову, но едва-едва, после чего сразу же выпрямил свою крупную фигуру в украшенном шашечницей вапенроке¹¹⁹. Староста Стшелина не скрывал честолюбия и надменности, даже не думал прикидываться смиренным и покорным. Было видно, что посещение церковного иерарха он терпит, поскольку вынужден, но только и ждет, чтобы каноник поскорее убрался с его территории.

Отто Беесс знал об этом.

– Прошу также вас, господин староста Генрик, – добавил он, – приложить больше, чем до сих пор, стараний в расследовании совершенного под Карчином убийства господина Альбрехта фон Барта. Капитул весьма заинтересован в обнаружении виновников этого преступления. Господин фон Барт, несмотря на определенную резкость и противоречивость суждений, был человеком благородным, *vir rarae dexteritatis*¹²⁰, крупным благодетелем Генриковских и бжеговских цистерцианцев. Мы хотели бы, чтобы его убийцы понесли заслуженную кару. Разумеется, речь идет об убийцах истинных. Капитул не удовлетворят обвинения первого попавшегося. Ибо мы не верим, что господин Барт пал от руки сожженных сегодня виклифистов...

– У этих гуситов, – откашлялся Райденбург, – могли быть пособники...

– Мы этого не исключаем, – прервал рыцаря каноник. – Не исключаем ничего. Придайте, рыцарь Генрик, большой размах расследованию. Попросите, если необходимо, помощи у свидницкого старосты, господина Альбрехта фон Колдица. Попросите, в конце концов, кого хотите. Были бы результаты.

Генрик Райденбург натянуто поклонился. Каноник ответил тем же. Довольно небрежно.

– Благодарю вас, благородный рыцарь, – проговорил он голосом, прозвучавшим так, словно открывали заржавевшие кладбищенские ворота. – Я вас больше не задерживаю. Благодарю также господ советников и благочестивых братьев. Полагаю, у вас полно обязанностей. Не стану мешать.

Староста, советники и монахи вышли, шаркая башмаками и сандалиями.

– Господа клирики и дьяконы, – немного погодя добавил каноник вроцлавской кафедры, – также, мне кажется, помнят о своих обязанностях. Посему прошу к ним приступить. Незамедлительно. Останутся брат секретарь и отец исповедник. А также...

Отто Беесс поднял голову и пронзил Рейневана взглядом.

---

¹¹⁷ Головной убор из фетра, плотно прилегающий к вискам (лат.).

¹¹⁸ Начальные слова первой фразы буллы папы Мартина V, требовавшей внимательнее следить за действиями гуситов.

¹¹⁹ Туника с гербом, надеваемая поверх лат (нем.).

¹²⁰ Муж редкостного благородства (лат.).

– Ты, юноша, тоже останься. Мне надобно с тобой поговорить. Но вначале приму просителей. Прошу вызвать плебана из Олавы.

Вошедший Гранчишек тут же начал меняться в лице, совершенно непонятным образом то краснея, то бледнея. И незамедлительно бухнулся на колени. Каноник не предложил ему подняться.

– Твоя проблема, отец Филипп, – скрипуче начал он, – в отсутствии уважения и доверия к начальству. Индивидуализм и собственное мнение – качества, разумеется, весьма ценные, порой даже заслуживающие большего признания и похвалы, нежели тупое баранье послушание. Но есть такие вопросы, в отношении которых руководство обладает абсолютной и безошибочной правотой. Как, к примеру, наш папа Мартин Пятый в споре с концилиаристами¹²¹, разными там Герсонами и полячишками: Владковицами, Вышами и Ласкарами, которые вздумали обсуждать решение Святого Отца. И интерпретировать на свой манер. А это не так! Не так! *Roma locuta, causa finita*¹²². Потому-то, дорогой отец Филипп, если церковное руководство говорит тебе, что ты должен проповедовать, то ты обязан проявить послушание. Ибо здесь совершенно явственно имеется в виду высшая цель. Не твоего уровня, естественно. И не твоего прихода. Ты, вижу, хочешь что-то сказать. Так говори.

– Три четверти моих прихожан, – пробормотал плебан Гранчишек, – люди не очень смышленные, я бы сказал, *pro maiore parte illiterati et idiote*¹²³. Но остается еще одна четверть. Те, которым я никак не могу вещать то, что требует курия. Конечно, я говорю, что гуситы – еретики, убийцы и вырожденцы, а Жижка и Коранда – воплощения дьявола, преступники, вероотступники и развратники, что ждет их вечное проклятие и адские муки. Но я не могу говорить, что они поедают младенцев. И что жены у них общие...

– Ты не понял? – резко прервал его каноник. – Ты не понял моих слов, плебан? *Roma locuta!* А для тебя Рим – это Вроцлав. Ты должен говорить то, что тебе велено, проповедник. Говорить об общих женах, о поедаемых новорожденных, о живьем сваренных монахинях, о содомии, о том, что у католических священников вырывают языки. Если тебе прикажут, ты будешь говорить пастве, что от комунии из гуситской чаши у причащаемых растут волосы во рту и собачьи хвосты из задниц. Я вовсе не шучу, ибо я видел соответствующие письма в епископской канцелярии. Впрочем, – добавил он, с легким сожалением глядя на съездившегося Гранчишека, – откуда тебе знать, что хвосты у них не растут? Ты что, бывал в Праге? В Таборе? В Карловом Градце? Принимал комунию *sub utraque specie*?

– Нет! – чуть не подавился воздухом плебан. – Ни в коем разе!

– Вот и очень даже хорошо. *Causa finita*¹²⁴. Аудиенция тоже. Во Вроцлаве скажу, что тебе достаточно было указать, и больше с тобой хлопот уже не будет. А теперь, чтобы ты не думал, будто приезжал напрасно, исповедуйся моему исповеднику. И покайся, как он тебе укажет. Отец Фелициан!

– Слушаю, ваше преосвященство?

– Пусть полежит крестом перед главным алтарем у Святого Готарда всю ночь, от комплеты до примы¹²⁵. Остальное на твое усмотрение.

– Да хранит его Господь.

– Аминь. Пребывай в здравии, плебан.

Отто Беесс вздохнул, протянул клирику пустой кубок. Тот тут же налил ему кларета.

– Сегодня больше никаких просителей. Ну-с, Рейнмар?

---

¹²¹ Священники, которые вопреки утверждаемой безошибочности и непререкаемости авторитета папы утверждали верховенство соборов.

¹²² «Рим высказался, дело закончено», т. е. курия вынесла свое решение (лат.).

¹²³ В основном безграмотные и глупые (лат.).

¹²⁴ Вопрос исчерпан (лат.).

¹²⁵ Комплеты – вечерняя молитва (около 18:00). Прима – предзвонная молитва.

– Святой отец... Прежде чем... У меня есть просьба.

– Слушаю.

– Сопровождал меня в пути и прибыл со мной раввин из Бжега...

Отто Беесс жестом отдал распоряжение. Через минуту клирик ввел Хирама бен Элиезера. Еврей глубоко поклонился, заметая пол лисьей шапкой. Каноник внимательно глядел на него.

– Так чего, – заскрипел он, – ждет от меня посланник бжегского каганата? С каким делом прибывает?

– Уважаемый господин спрашивает, с каким делом? – поднял кустистые брови рабби Хирам. – Господь Авраама и Иакова! А по какому делу, я вас спрашиваю, может приезжать еврей к уважаемому господину канонику? О чем может, я спрашиваю вас, идти речь? Ну так я скажу – о правде. Евангельской правде.

– Евангельской правде?

– Именно так.

– Говори, рабби Хирам. Не заставляй меня ждать.

– Если уважаемый каноник приказывает, так я сразу же говорю, почему бы мне не говорить? Я говорю так: ходят разные всякие их милости по Бжегу, по Олаве, по Гродкову, да и по селам окружным и призывают бить гнусных убийц Иисуса Христа, грабить их дома и позорить жен и дочерей. При этом эти требователи ссылаются на уважаемых господ прелатов, мол, дескать, такое избиение, грабеж и изнасилование творятся по божеской и епископской воле.

– Продолжай, друг Хирам. Ты же видишь, я терпелив.

– Что ж, с вашего позволения, тут много говорить-то? Я, рабби Хирам бен Элиезер из бжеговского каганата, прошу многоуважаемого господина священника, чтобы он берег евангельские истины. Если уж так надобно бить и грабить убийц Иисуса Христа, то, пожалуйста, бейте! Но, о праотец Моисей, бейте же ж тех, кого надо. Настоящих. Тех, кои распяли. То есть римлян!

Отто Беесс молчал долго, рассматривая раввина из-под полуприкрытых век.

– Даааа, – проговорил он наконец. – А знаешь ты, друг Хирам, что за такой бред тебя могут посадить? Я, конечно, говорю о светских властях. Церковь милостива, но *brachium saeculare* могут быть строгими, ежели речь заходит о глумлении. Нет, нет, помолчи, друг Хирам. Говорить буду я.

Еврей поклонился. Каноник не пошевелился на стуле, даже не дрогнул.

– Святой отец Мартин, пятый с таким именем, следуя заветам своих просвещенных предшественников, изволил сказать, что евреи, вопреки видимости, также сотворены по подобию Божию и часть их, хоть и невеликая, дождется избавления. Посему их преследование, унижение, наказание, притеснение и всякое прочее угнетение, в том числе насильное крещение есть несправедливость.

Ты, я думаю, не сомневаешься, друг Хирам, что воля папы – приказ для каждого духовного лица. Или сомневаешься?

– Как я могу сомневаться, спрашиваю я вас? Ведь уже, почитай, десятый кряду господин папа говорит об этом... Стало быть, это должно быть правдой, вне всякого сомнения...

– Если не сомневаешься, – прервал каноник, сделав вид, что не уловил насмешки, – то должен понимать, что обвинение духовных лиц в подзуживании масс к нападению на израэлитов есть клевета. Добавлю: клевета, достойная наказания.

Еврей молча поклонился.

– Конечно, – Отто Беесс прищурился, – светские лица о папских наказах знают мало либо не знают вообще. Да и со Священным Писанием у них трудности. Ибо они, как мне кто-то совсем недавно сказал, *pro maiori parte illiterati et idiote*.

Рабби Хирам даже не дрогнул.

– Твое же израэлитское племя, рабби, – продолжал каноник, – с удовольствием и упорно дает толпе основания. То вы напускаете эпидемию чумы, то колодцы отравляете, то из детей кровь для мацы выпускаете. Крадете и обещаете облатки. Занимаетесь наглым ростовщичеством, с живого должника, кой варварских процентов не в состоянии выплатить, куски мяса вырезаете. И разными другими позорными делишками занимаетесь. Думается мне.

– Что же надо сделать, спрашиваю я почтенного господина каноника, – спросил после напряженного молчания Хирам бен Элиезер. – Что сделать, дабы такое не случилось? То есть – заражение колодцев, насилдование девушек, выпускание крови и обещание облаток? Что же, спрашиваю я вас, необходимо сделать?

Отто Беесс долго молчал. Потом проговорил:

– Того и жди – будет введена специальная одноразовая, обязательная для всех подать. На антигуситский крестовый поход. Каждый еврей должен будет внести один гульден. Кроме того, бжегская гмина сверх назначенной суммы добавит по доброй воле... триста гульденов. Двести пятьдесят гривен.

Раввин согласно тряхнул бородой. Не пробуя торговаться.

– Деньги эти, – заметил без видимого нажима каноник, – послужат общему благу. И общему, я бы сказал, делу. Чешские еретики угрожают нам всем. Разумеется, более всего нам, правоверным католикам, но и у вас, израэлитов, нет причин гуситов любить. Совсем, сказал бы я, наоборот. Достаточно вспомнить март двадцать второго года, кровавый погром в Старом Пражском Граде. Последовавшую за этим резню евреев в Хомутове, Кутной Горе и Писке. Так что у вас, Хирам, появится возможность своей денежной помощью присоединиться к делу мести.

– Возмездие в моих руках, – ответил, немного помолчав, Хирам бен Элиезер. – Так говорит Бог Адонай. Никому, говорит Бог, не воздавайте злом за зло. А господь наш, как утверждает пророк Исайя, щедр на прощение. Кроме того, – тихо добавил раввин, видя, что каноник молчит, приложив руку ко лбу, – гуситы истребляют евреев лишь шесть лет. Что есть шесть лет по сравнению с вечностью, спрашиваю я вас?

Отто Беесс поднял голову. Его глаза были холодны как сталь.

– Плохо ты кончишь, друг Хирам, – проскрипел он. – Опасаюсь я за тебя. Иди с миром.

– А теперь, – сказал он, когда дверь за евреем закрылась, – наконец пришла твоя очередь, Рейнмар. Поговорим. Не обращай внимания на секретаря и клирика. Это люди доверенные. Они присутствуют, но так, словно их нет вообще.

Рейневан кашлянул, однако каноник не дал ему заговорить.

– Князь Конрад Кантнер прибыл во Вроцлав четыре дня тому назад, на святого Вавжинца. Со свитой, состоящей из ужасных сплетников. Самого князя тоже сдержанным не назовешь. Таким образом, не только я, но и почти весь Вроцлав без малого уже разбирается в сложностях внесупружеской аферы Адели, жены Гельфрада де Стерчи.

Рейневан снова кашлянул, опустил голову, не будучи в состоянии вынести сверлящего взгляда. Каноник сложил руки как для молитвы.

– Рейнмар, Рейнмар, – проговорил он с немного искусственным сожалением. – Как ты мог? Как ты мог так грубо нарушить божеский и человеческий закон? Ведь сказано: да почитаемо будет супружество и ложе нерушимо, ибо развратников и чужеложцев осудил Бог. Я же еще добавляю от себя, что слишком часто обманутым мужьям чересчур медлительным кажется возмездие Божье. И слишком часто они осуществляют его сами.

Рейневан кашлянул еще громче и склонил голову еще ниже.

– Ага, – догадался Отто Беесс. – За тобой уже гонятся?

– Гонятся.

– На пятки наступают?

– Наступают.

– Юный глупец! – проговорил после минутного молчания священник. – В Башне шутов тебя надо запереть, вот что! В Башне шутов. В *Narrenturm*’е. Ты отлично бы подошел к тамошней компании.

Рейневан шмыгнул носом и изобразил на лице раскаяние. Как ему думалось. Каноник покачал головой, глубоко вздохнул, сплел пальцы.

– Сдержаться не удалось, да? – спросил он со знанием дела. – По ночам снилась?

– Не удалось, – покраснев, признался Рейневан. – Снилась.

– Знаю, знаю. – Отто Беесс облизнул губы, а глаза у него вдруг загорелись. – Скажу я тебе, что сладок плод запретный, что хочется, ох как хочется обнять грудь неизведанную. Знаю я, что мед источают уста чужой жены, а нёбо рта ее гладко, как масло. Однако, поверь мне, мудро учат *Proverbia*¹²⁶ Соломоновы: «Ибо мед источают уста чужой жены, и мягче ея речь

¹²⁶ Притчи.

ее, но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый»¹²⁷, *amara quasi absintium et acuta quasi gladius biceps*. Стерегись, сын мой, дабы не сгореть рядом с нею, аки мотыль в огне. Дабы не последовать за нею к смерти, не пропасть в Бездне. Послушай слова мудрые Писания: «Держи дальше от нее путь твой, не подходи близко к дверям дома ее»¹²⁸, *longe fac ab ea viam tuam et ne adpropinques foribus domus eius*.

Не подходи к дверям дома ее, – повторил каноник, и из его голоса словно ветром сдуло проповедническую восторженность. – Прислушайся, Рейнмар Беляу. Как следует запомни слова Священного Писания и мои. Как следует вдолби их себе в память. Послушай совета: держись подальше от известной тебе особы. Не делай того, что намереваешься сделать и что я читаю в глазах твоих, сынок. Держись от нее подальше.

– Да, преподобный отец.

– Со временем афера эта забудется. Стерчей припугнут курия и ландффрид, задобрят, как того требует обычай, вознаграждение в двадцать гривен, обычный налог в размере десяти гривен надо будет уплатить магистрату Олесьницы. Все это не намного превышает стоимость хорошего коня благородных кровей, и все это тебе придется собрать с помощью брата, а если понадобится, я добавлю. Твой дядя, схоластик Генрик, был мне добрым другом. И учителем.

– Да будет он возблагодарен...

– Но я ничего не смогу сделать, – резко прервал каноник, – если тебя поймают и укокошат. Ты понимаешь это, дурень набитый? Ты должен раз и навсегда выбить у себя из головы мысли о жене Гельфрада Стерчи, забыть о тайных посещениях, письмах, посланцах, обо всем. Ты должен исчезнуть. Выхать. Я рекомендую – в Венгрию. Сразу же, сейчас, не мешкая. Ты понял?

– Я бы хотел сначала заехать в Бальбинов... К брату...

– Категорически запрещаю, – обрезал Отто Беесс. – Твои преследователи наверняка это предвидят. Как, впрочем, и визит ко мне. Запомни: если уж убегают, то бегут, как волки. Никогда не идут по тропинкам, по которым когда-либо ходили.

– Но брат... Петерлин... Если я и вправду должен уехать...

– Я сам через доверенных посланцев уведомлю Петерлина обо всем. Тебе же туда ездить запрещаю. Ты понял, ненормальный? Тебе нельзя ходить по дорожкам, которые знают твои враги. Нельзя появляться в местах, где они могут тебя ожидать. А это значит, что ни в коем случае в Балбинове. И ни в коем случае в Зембицах.

Рейневан громко вздохнул, а Отто Беесс громко выругался.

– Ты не знал, – процедил он. – Не знал, что она в Зембицах. Это я выдал тебе, старый дурень. Ну что ж, слово не воробей... Но это не имеет значения. Безразлично, где она находится. В Зембицах, в Риме, в Константинополе или Египте. Безразлично. Ты не приблизишься к ней, сын мой.

– Не приближусь.

– Ты и сам знаешь, как сильно я хотел бы тебе верить. Выслушай меня, Рейнмар, и выслушай внимательно. Получишь письмо, я сейчас прикажу секретарю его написать. Не бойся, письмо будет составлено так, что понять его сможет только адресат. Возьмешь письмо и поступишь как преследуемый волк. Стежками, которыми никогда не ходил и на которых тебя искать не станут, поедешь в Стшегом, в монастырь кармелитов. Отдашь мое письмо тамошнему приору. Он познакомит тебя с неким человеком, которому, когда вы останетесь один на один, скажешь: восемнадцатое июля, восемнадцатый год. Тогда он тебя спросит: где? Ответишь: Вроцлав, Нове Място. Запомнил? Повтори...

---

¹²⁷ Притчи Соломоновы, 5; 3,4.

¹²⁸ Там же, 5; 8.

– Восемнадцатое июля, восемнадцатый год. Вроцлав. Нове Место. А зачем все это? Не понимаю.

– Если станет по-настоящему опасно, – спокойно пояснил каноник, – я тебя спасти не смогу. Разве что постригу в монахи и засажу к цистерцианцам под замок и за глухую стену, а этого, я полагаю, ты предпочел бы избежать. Во всяком случае, в Венгрию я вывести тебя не смогу. Тот, кого я рекомендую, сможет. Он обеспечит тебе безопасность, а когда понадобится, защитит. Это человек достаточно противоречивого характера, в общении зачастую непреклонный, но придется терпеть, потому что в определенных ситуациях он незаменим. Так что запомни: Стшегом, монастырь братьев ордена *Beatissimae Virginis Mariae de Monte Carmeli*, вне городских стен, на дороге к Свидницким воротам. Запомнил?

– Да, преподобный отец...

– Отправляйся немедленно. В Стшелине тебя видели и без того слишком много людей. Сейчас получишь письмо – и марш в дорогу.

Рейневан вздохнул. Ему совершенно искренне хотелось еще немного поболтать с Урбаном Горном где-нибудь за кружкой пива. Он чувствовал к Горну огромную эстиму и адми-
рацию¹²⁹, на пару со своим псом тот уравнивался в его глазах по меньшей мере с рыцарем Ивейном со Львом. Рейневана так и подмывало сделать Горну некое предложение, достойное именно рыцаря, – совместное освобождение некой оскорбленной девушки. Собирался он также попрощаться с Доротой Фабер. Однако нельзя было относиться легкомысленно к советам и приказам таких людей, как каноник Отто Беесс.

– Отец Отто?

– Слушаю?

– Кто тот человек, что сидит у стшегомских кармелитов?

Отто Беесс некоторое время молчал, потом сказал:

– Тот, для которого нет ничего невозможного.

---

¹²⁹ Уважение и восхищение (устарев.).

Глава восьмая,

в которой вначале все идет прекрасно, а потом не очень.

Рейневан был весел и счастлив. Его переполняла радость и все вокруг приводило в восторг своей красотой. Прекрасна была долина Верхней Олавы, врезающейся излучинами в зеленые холмы. Прелестно топал по бегущей вдоль реки дороге приземистый гнедой жеребец, подарок каноника Отто Беесса. Прелестно пели в ветвях дрозды, еще прелестнее – жаворонки на полях. Поддерживало роскошное настроение гудение пчел, жуков и конских мух. Веющий со взгорий зефир приносил упоительные ароматы – то жасмина, то черемухи. То навоза – кругом виднелись людские подворья.

Рейневан был весел и счастлив. И у него были на то причины.

Правда, несмотря на все усилия, ему не удалось ни встретиться, ни попрощаться с недавними спутниками, и он сожалел об этом, особенно сильно его огорчило таинственное исчезновение Урбана Горна. Однако именно воспоминание о Горне подвигло его к действиям.

Кроме гнедого жеребчика с белой стрелкой на лбу, каноник Отто дополнительно одарил его на дорогу кошельком, к тому же гораздо более внушительным, чем кошель, полученный неделю назад от Конрада Кантнера. Взвешивая кошель в руке и по весу прикидывая, что внутри находится никак не меньше тридцати пражских грошей, Рейневан в очередной раз убеждался в том, что положение духовного лица гораздо выше рыцарского.

Этот кошель изменил его судьбу.

Потому что в одной стшелинской корчме из тех многих, в которых он побывал в поисках Горна, Рейневан столкнулся с фактотумом¹³⁰ каноника, отцом Филицианом, жадно выедающим из рынки¹³¹ толстые кружки обжаренной колбасы и запивающим жир тяжелым местным пивом. Рейневан сразу же понял, что следует сделать, причем ему даже не пришлось прилагать к тому особых усилий. Попик, увидев кошель, облизнулся, и Рейневан вручил ему дар каноника без всякого сожаления. Не считая, сколько там лежит денег. Конечно, он тут же получил необходимые сведения. Отец Филициан сказал все, более того, был готов дополнительно выдать несколько секретов, услышанных на исповеди, однако Рейневан вежливо отказался, поскольку имена исповедовавшихся ни о чем ему не говорили, а их грехи и прегрешения не интересовали его вообще.

Он выехал из Стшелина утром. Почти без шелёнга за душой. Но веселый и счастливый.

И ехал он отнюдь не туда, куда велел каноник. Не по главному тракту на запад, через Дубовые горы, вдоль южного подножия Радунь к Свиднице и Стжегому. Совершенно вопреки категорическому запрету, повернувшись к массиву Радунь и Слёнзе спиной, Рейневан ехал на юг, вверх по Олаве, по дороге, ведущей в Генрикову и Зембице.

Он выпрямился в седле, ловя ноздрями очередные милые ароматы, приносимые ветром. Пели птички, пригревало солнышко. Ах, как же прекрасен мир. Рейневана так и подмывало закричать от радости.

Прекрасная Адель, Гельфрадова жена – о чем сказал ему отец Фелициан в обмен за всеящий около тридцати грошей кошель, – хоть, казалось бы, и удерживаемая швагером Стерчей в лиготском монастыре цистерцианок, ухитрилась сбежать и обмануть погоню. Сбежала в Зембицы, чтобы там затаиться в монастыре кларисок. Правда, рассказывал попик, вылизывая кастрюлю, – правда, зембицкий князь Ян, узнав об этом, строго приказал монашенкам выдать жену своего вассала. И посадил ее под домашний арест до выяснения проблемы предполагае-

---

¹³⁰ Доверенный слуга.

¹³¹ Невысокая кастрюля.

мого чужеложства. Но – тут отец Фелициан крепко и кисло отрыгнул – хоть грех требует наказания, женщина в Зембицах находится в безопасности, со стороны Стерчей ей уже не грозят ни самосуд, ни самоуправство. Князь Ян – тут отец Фелициан высморкался – однозначно предостерег Апеча Стерчу и даже на допросе пальцем ему погрозил. Нет, Стерчи уже не смогут сделать невестке ничего плохого... Не в силах.

Рейневан направил гнедого через желтый от коровяка и фиолетовый от люпина луг. Ему хотелось смеяться и кричать от радости. Адель, его Адель показала Стерчам кукиш, выставила их дураками и растяпами. Они-то думали, что обложили ее в Лиготе, а она – шмыг! И только ее и видели. Ах как, наверное, кипятился Виттих, как ругался и изрыгал бессильные проклятия Морольд, как чуть было не захлебнулся кровью Вольфгер! А Адель галопом, ночью, на сивой кобыле с развевающейся косой...

«Впрочем, – спохватился Рейневан, – у Адели нет косы. Надо взять себя в руки, – подумал он трезво, подгоняя жеребчика. – Ведь Николетта, амазонка со светлой, как солома, косой, не значит для меня ничего. Конечно, она спасла меня от погони, отвела преследователей, за это я при случае отблагодарю ее. Господи, к ногам паду. Но люблю я Адель, и только Адель. Адель – владычица моего сердца и моих мыслей, я думаю только об Адели, мне вообще нет дела ни до той светлой косы, ни до того голубого взгляда из-под собольей шапочки, ни до тех малиновых уст, ни до тех соблазнительных бедрышек, охватывающих бока сивой кобылы...

Я люблю Адель. Адель, от которой меня отделяют всего-навсего три мили. Если пустить коня галопом, я попаду к зембицким воротам еще до того, как пробьет полдень.

Спокойно, спокойно. Не горячиться. Сначала, поскольку это по пути, надо воспользоваться оказией и навестить брата. Когда освобожу Адель из княжеских застенков в Зембицах, мы вместе убежим в Чехию или Венгрию. И Петерлина я могу уже никогда не увидеть. Необходимо попрощаться с ним, объяснить. Попросить братского благословения».

Каноник Отто запретил. Каноник Отто приказал – чтобы по-волчьи, ни в коем случае не по людным тропинкам. Каноник Отто предупредил, что погоня может поджидать в районе Петерлинова хозяйства.

Но Рейневан и тут знал, как поступать.

В Олаву впадал приток, речка, скорее даже ручей, бегущий в камышах, едва видимый под балдахин ольх. Рейневан двинулся вверх по нему. Он знал дорогу. Дорогу, которая вела не в Бальбинов, где Петерлин жил, а в Повоёвицы, где он работал.

Первый сигнал, что до Повоёвиц уже недалеко, подал через некоторое время именно тот ручеек, по берегу которого Рейневан двигался. От ручейка пошел запах, вначале слабый, потом все более ядреный, наконец просто ужасный. Одновременно изменился цвет воды, причем радикально – она стала красно-коричневой. Рейневан выехал из леса и уже издалека увидел причину этого – огромные деревянные стояки сушильни, с которых свисали покрашенные куски полотна и штуки сукна. Все перебивал красный цвет, о котором уже поведал ручеек, но были также ткани голубые, темно-синие и зеленые.

Рейневан знал эти цвета, которые теперь уже больше говорили о Петре фон Беляу, нежели тинктуры¹³² родового герба. Впрочем, в этом была определенная, хоть и небольшая часть его собственного участия – он помогал брату получать красители. Причиной глубокого, живого пурпура окрашенного у Петерлина сукна и полотна была секретная композиция из алькермеса, румянки и марены. Все оттенки синего Петерлин получал, смешивая сок черники с вайдой, причем вайду – как редко встречающуюся в Силезии – он выращивал сам. Вайда, смешанная с шафраном, давала прекрасную яркую зелень.

Ветер подул в сторону Рейневана и принес с собой такой «аромат», от которого начали слезиться глаза и сворачиваться волоски в ноздрях. Красители, отбеливатели, щелочи, кис-

¹³² Здесь: расцветки.

лоты, сода, глиноземы, пепел и жиры были исключительно пахучи. Не слабо воняла также протухшая сыворотка, в которой – следуя фламандской рецептуре – замачивали полотна на последней стадии процесса отбеливания. Однако все это не перебивало запаха используемого в Повоёвицах основного средства – устоявшейся человеческой мочи. Мочи, которую в огромных кадках выдерживали около двух недель, а потом обильно использовали в валяльнях при сваливании сукна. Эффект был таким, что повоёвицкая сукновальня разом со всей округой воняла мочой так, что хуже не придумаешь, а при благоприятных ветрах вонь могла доходить до цистерцианского монастыря в Генрикове.

Рейневан ехал по берегу красной и воняющей, как выгребная яма, реки. Он уже слышал сукновальню – непрерывающийся гул вращаемых водой приводных колес, стук и скрип шестерен, скрежет рычагов; на все вскоре наложился глубокий, сотрясающий грунт грохот – удары молотов, толкущих сукно в ступах. Сукновальня Петерлина была предприятием современным, кроме нескольких традиционных узлов с пестами, у нее были приводимые в движение водой молоты, валявшие лучше, быстрее и ровнее. И громче.

Внизу над речкой, за дальними сушильнями и множеством ям красильни, виднелись постройки, сарай и навесы валяльни. Там, как обычно, стояли не меньше двадцати телег самого различного размера и конструкции. Рейневан знал, что это были телеги поставщиков, привозящих сукно для валяния, – Петерлин импортировал из Польши большое количество поташа и тканей. Репутация Повоёвиц делала свое дело: сюда приезжали ткачи со всей округи, из Немчи, Зембиц, Стшелина, Гродкова, даже Франкенштейна. Он видел ткацких мастеров, толпящихся вокруг валяльни и наблюдающих за работой, слышал их крики, пробивающиеся даже сквозь гул машин. Как обычно, они лаялись с валяльщиками касательно способа укладки и переворачивания сукна в ступах. Среди них он заметил нескольких монахов в белых рясах с черными ладанками, это тоже не было новостью, Генриковский монастырь цистерцианцев изготавливал значительные количества сукна и ходил у Петерлина в постоянных клиентах.

Но вот кого Рейневан не видел, так это именно Петерлина. Его брата очень часто видели в Повоёвицах, так как он привык объезжать весь район. На коне, чтобы выделяться. В конце концов, Петер фон Беляу был рыцарем.

Что еще удивительнее, нигде не было видно тощей и высокой фигуры Никодемуса Фербрюггена, фламандца из Гента, большого мастера по валянию и крашению.

Своевременно вспомнив предупреждение каноника, Рейневан въехал в застройки скрытно, прячась за возами постоянно прибывающих клиентов. Надвинул на нос шапку, сгорбился в седле. Не обращая на себя чьего-либо внимания, подъехал к дому Петерлина.

Обычно шумный и полный народу дом казался совершенно пустым. Никто не ответил на его окрик, не заинтересовался ударом дверей, в длинных сенях не было ни живой души. Он вошел в комнату.

На полу перед камином сидел мэтр Никодемус Фербрюгген, седовласый, подстриженный как мужик, но одетый как господин. В камине гудел огонь. Фламандец не переставая рвал и бросал в огонь листы бумаги. Он уже заканчивал. На коленях оставалось всего несколько листов, а в огне чернела и извивалась целая кипа.

– Господин Фербрюгген!

– *Jezus Christus*, – фламандец поднял голову, бросил в огонь следующий лист, – *Jezus Christus*, господин Рейнмар... Какое несчастье, молодой господин... Ужасное несчастье!

– Что за несчастье, господин мастер? Где мой брат? Что вы тут сжигаете?

– *Minheer*¹³³ Петер велели. Сказали, что ежели что-нибудь случится, вынуть из сундука, сжечь, да поскорее. Так сказали: «Ежели что, Никодемус, не дай Бог, случится, сожги быстрее. А сукновальня должна работать». Так сказали *minheer* Петер... *En het woord is vlees geworden*¹³⁴.

¹³³ Господин (голл.).

– Господин Фербрюгген... – Рейневан ощутил, как от страшного предчувствия у него поднимаются волосы на голове. – Господин Фербрюгген, говорите же. Что за документы? И какое слово станет плотью?

Фламандец втянул голову в плечи, кинул в огонь последний лист, Рейневан подскочил, обжигая руку, выхватил его из огня, погасил. Частично.

– Говорите же!

– Убили, – глухо проговорил Никодемус Фербрюгген. Рейневан увидел слезу, бегущую по покрытой седой щетиной щеке. – Умер добрый *minheer* Петер. Убили его. Забили. Молодой господин Рейнмар... такое несчастье, *Jezus Christus*, такое несчастье...

Хлопнула дверь. Фламандец обернулся и понял, что его последние слова уже никто не слышал.

Лицо Петерлина было белым. И пористым. Как сыр. В уголке рта, несмотря на то что его обмывали, остались следы запекшейся крови.

Старший фон Беляу лежал на поставленном посреди светлицы настиле, окруженный двенадцатью горящими свечами. На глаза ему положили два золотых венгерских дуката, под голову подстелили лапник, запах которого, смешиваясь с ароматом тающего воска, наполнял помещение тошнотворным, неприятным, могильным запахом смерти.

Настил был накрыт красным сукном. «Покрашенным алькермесом в его собственной красильне», – не к месту подумал Рейневан, чувствуя, как слезы набегают на глаза.

– Как... – выдавил он из стиснутого спазмой горла, – как это... могло... случиться?

Гризельда из Деров, жена Петерлина, подняла на него глаза. Лицо у нее было красное и опухшее от плача. К юбке прижались двое всхлипывающих детей, Томашек и Сибилла. Ее взгляд был неприязненным, даже злым. Не очень дружелюбно выглядели тесть и зять Петерлина, старший Вальпот Дер и его неуклюжий сын Кристиан.

Никто, ни Гризельда, ни Деры не соизволили ответить на вопрос Рейневана. Но он и не думал сдаваться.

– Что случилось? Кто-нибудь мне наконец ответит?

– Убили его какие-то, – проворчал сосед Петерлина Гунтер фон Бишофсгейм.

– Бог, – добавил священник из Вонвольницы. Имени его Рейневан не помнил. – Бог их за это покарает.

– Мечом ткнули, – хрипло сказал Матиас Вирт, ближний арендатор. – Лошадь без седока прибежала. В самый полдень...

– В самый полдень, – повторил, складывая руки, вонвольницкий плебан. – *Ab incursu et daemone libera nos, domine*¹³⁵.

– Лошадь прибежала, – повторил Вирт, сбитый немного с толку молитвенным отступлением, – с окровавленным седлом и чепраком. Тогда я начал искать и нашел. В лесу, сразу за Бальбиновом... У самой дороги. Видать, из Повоёвиц господин Петер ехал. Земля там сильно изрыта была копытами, похоже, скопом напали...

– Кто?

– Не ведомо, – пожал плечами Матиас Вирт. – Не иначе, разбойники...

– Разбойники? Разбойники не забрали лошадь? Быть того не может.

– Да кто там знает, что может, а что нет, – пожал плечами фон Бишофсгейм. – Наши с господином Дером кнехты гоняют по лесам. Может, кого и уловят. Да и старосте мы знать дали.

---

¹³⁴ «И вот слово стало плотью» (голл.). (Евангелие от Иоанна, 1; 14.)

¹³⁵ «От разбойников и демонов упаси нас, Господь» (лат.). Псалом 90; 6.

Прибудут старостовы люди, проведут следствие, поспрашивают *cui bono*¹³⁶, у кого, значит, были причины для убийства. И кто выгадал на этом.

– Может, какой-нибудь процентщик, – злобно сказал Вальпот фон Дер, – обозлившийся за неуплату процентов? Может, какой «дружок» красильщик решил отделаться от конкурента? Может, какой-нибудь клиент, обсчитанный на ломаный грош? Так оно и бывает, этим и кончается, когда о происхождении забывают и с хамами породняются. В купечика играют. Кто с кем связывается, тот таким и становится. Тьфу! Отдал тебя за рыцаря, дочка, а теперь-то ты вдова...

Он вдруг замолчал, и Рейневан понял, что виной тому был его взгляд. В нем боролись отчаяние и бешенство, то одно брало верх, то другое. Он сдерживался из последних сил, но руки у него дрожали. Голос тоже.

– А не видели ли часом поблизости, – выдавил он, – четырех конных? Вооруженных? Один высокий, усатый, в разукрашенной куртке. Один небольшой, с коростами на морде...

– Были такие, – неожиданно проговорил плебан. – Вчера, в Вонвольнице, подле церкви. Как раз на Ангела Господня звонили... О, свирепыми выглядели они рубаками. Четверо. Воистину наездники Апокалипсиса...

– Я знала! – крикнула осипшим, сорванным от плача голосом Гризельда, уставившись на Рейневана взглядом, которого не постыдился бы и василиск. – Знала, едва тебя увидела, негодяй! Это из-за тебя. Из-за твоих грешков и делишек!

– Второй фон Беляу. – Вальпот Дер с ехидством подчеркнул титул «фон». – Тоже благородный. Только для разнообразия – знаток пиявок и клистиров...

– Негодяй! Негодяй! – все громче кричала Гризельда. – Кто бы ни были убийцы отца этих детей, они по твоему следу прибыли. Одно только несчастье из-за тебя. Завсегда брату от тебя один только стыд да позор. И заботы. Ты чего сюда заявился? Наследством запахло, ворон? Убирайся! Убирайся вон из моего дома!

Рейневан с величайшим трудом умирил дрожащие руки. Но не произнес ни слова. Он аж кипел внутренне от бешенства и негодования и еле сдерживался, чтобы не бросить всей этой Деровой коdle в лицо все, что думает об их семейке, которая могла разыгрывать из себя господ только благодаря деньгам Петерлина, которые им приносила валяльня. Но сдержался. Петерлин был мертв. Лежал убитый, с венгерскими дукатами на глазах, в светлице собственного дома в поселке, в окружении коптящих свечей, на настиле, покрытом красным сукном. Петерлин был мертв. Совершенно неуместны, отвратительны были ругательства и обвинения здесь, рядом с его телом, отвратительна была сама мысль об этом. Кроме того, Рейневан боялся, что стоит только ему открыть рот и он разрыдается.

Он вышел, не проронив ни слова.

Траур и подавленность висели над всем бальбиновским поселком. Было пусто и тихо. Слуги куда-то скрылись, понимая, что скорбящим родственникам не следует попадаться на глаза. Не лаяли даже собаки. Их вообще не было видно. Кроме...

Он протер все еще залитые слезами глаза. Сидящий между конюшней и баней черный британ не был привидением. И исчезать не собирался.

Рейневан быстро пересек двор, вошел в сарай со стороны тележной. Прошел вдоль корыта для коров – постройка была одновременно и конюшней, и хлевом, – дошел до перегородок для лошадей. В углу выгородки, которую сейчас занимала лошадь Петерлина, сидел на корточках среди развороченной соломы и ковырял ножом глинобитный пол Урбан Горн.

– Того, что ты ищешь, здесь нет, – сказал Рейневан, удивляясь собственному спокойствию. Походило на то, что своими словами он не захватил Горна врасплох. Тот, поднимаясь, смотрел Рейневану в глаза.

---

¹³⁶ Кому это выгодно (лат.).

– Правда?

– Правда. – Рейневан вытащил из кармана недогоревший кусочек листа, небрежно бросил его на глинобитный пол.

Горн по-прежнему не вставал.

– Кто убил Петерлина? – шагнул к нему Рейневан. – Кунц Аулок и его банда по приказу Стерчей? Господина Барта из Карчина тоже прикончили они? Что тебя с ними связывает, Горн? Зачем ты явился сюда, в Бальбиново, спустя едва полдня после смерти моего брата? Откуда знаешь о его тайнике? Зачем ищешь в нем документы, сгоревшие в Повоёвицах? И что это были за документы?

– Беги отсюда, Рейнмар, – сказал Урбан Горн, растягивая слова. – Беги отсюда, если тебе жизнь дорога. Не жди даже, пока похоронят брата.

– Сначала ты ответишь мне на вопрос. Начни с самого главного: что связывает тебя с этим убийством? Что связывает с Кунцем Аулоком? Не вздумай лгать!

– И не подумаю, – ответил Горн, не опуская глаз, – ни лгать, ни отвечать. Для твоего же блага, кстати. Возможно, тебя это удивит, но такова истина.

– Я заставлю тебя отвечать, – сказал Рейневан, делая шаг вперед и извлекая кинжал. – Я заставлю тебя, Горн. Если понадобится – силой.

О том, что Горн свистнул, свидетельствовало только то, что он сложил губы. Звук слышен не был. Но только Рейневану. Потому что в следующий момент что-то с чудовищной силой ударило его в грудь.

Он рухнул на пол. Придавленный тяжестью, открыл глаза только для того, чтобы увидеть у самого носа оскал черного британа Вельзевула. Слюна собаки капала ему на лицо, запах вызывал тошноту. Зловещее горловое урчание парализовало страхом. В поле зрения появился Урбан Горн, прячущий за пазуху обгоревшую бумагу.

– Ни к чему ты меня не можешь принудить, парень. – Горн поправил на голове шаперон. – Ты просто слушаешь то, что я скажу по доброй воле. Более того – по доброте. Вельзевул, не шевелиться.

Вельзевул не пошевелился, хотя видно было, что желание шевелиться у него было велико.

– По доброте, – повторил Горн, – я тебе советую, Рейневан: беги. Исчезни! Послушай совета каноника Беесса, а я голову дам на отсечение, что он тебе кое-что посоветовал, порекомендовал, как выпутаться из положения, в которое ты вляпался. Не отмахивайся, парень, от указаний и советов таких людей, как каноник Беесс. Вельзевул, не двигаться. А что касается твоего брата, – продолжал Урбан Горн, – мне ужасно неприятно. Ты даже понятия не имеешь как. Ну, бывай. И береги себя.

Когда Рейневан открыл глаза, зажмуренные перед почти касающейся лица мордой Вельзевула, в конюшне уже не было ни собаки, ни Горна.

Притулившийся у могилы брата Рейневан корчился и трясся от страха, сыпал вокруг себя соль, смешанную с пеплом орешника, и дрожащим голосом твердил заклинание. Все меньше веря в его силу.

*Wirfe saltce, wirfe saltce
Non timebis a timore nocturno
Ni mori, ni gościa z ciemności
Ani demonia.
Wirfe saltce¹³⁷.*

---

¹³⁷ Кидаю соль, кидаю соль, Мне нипочем ночная тьма. Ни мор, ни страхи не страшны, Ни демоны ночные, Кидаю соль, кидаю соль. – Смесь немецкого, латыни и польского.

Чудовища клубились и буйствовали во мраке.

Хоть и понимал, что рискует и теряет время, тем не менее он дождался похорон брата. Не дал, несмотря на потуги невестки и ее родни, отговорить себя провести ночь рядом с упокоившимся, принял участие в заупокойной службе, выслушал мессу. Стоял рядом со всеми, когда в присутствии рыдающей Гризельды, плебана и немногочисленной похоронной процессии Петерлина опустили в могилу на кладбище за стародавним вонвольницким храмом. И только тогда уехал. То есть сделал вид, будто уехал.

Когда опустилась ночь, Рейневан поспешил на кладбище. Уложил на свежей могиле волшебные предметы, набранные – о диво – без особых сложностей. Самая старая часть вонвольницкого акрополя прилегала к вымытому речкой яру. Земля там немного осыпалась, поэтому доступ к древним захоронениям трудностей не составил. В магический арсенал Рейневана вошли даже гвоздь из гроба и фаланга трупа.

Однако не могла ни фаланга трупа, ни сорванные у кладбищенской ограды борец, шалфей и нивяник, ни заклинания, которые он шептал над идеограммой, выцарапанной на могиле кривым гвоздем из гроба, ничем помочь. Дух Петерлина, вопреки заверениям магических книг, не вознесся в эфирном виде над могилой. Не заговорил. Не подал знака.

«Если б здесь были мои книги, – подумал Рейневан, расстроенный и обескураженный многочисленными неудачными попытками. – Если б у меня были «*Lemegeton*» или «*Necronomicon*»... Венецианский хрусталь... Немного мандрагоры... Если б у меня была реторта и удалось дистиллировать немного эликсира... Если бы...»

Увы, гримуары, хрусталь, мандрагора и реторта были далеко, в Олесьнице. Либо, что более вероятно, в руках Инквизиции.

Из-за горизонта быстро надвигалась гроза. Раскаты грома, сопровождаемые розблесками неба, были все ближе. Ветер утих, воздух сделался мертвым и тяжким как саван. Близилась полночь.

И тогда началось.

Очередная молния осветила церковь. Рейневан с изумлением увидел, что колокольная кишит ползающими вверх и вниз паукообразными существами. У него на глазах несколько кладбищенских крестов зашевелились и наклонились, одна из дальних могил сильно взбухла. Из тьмы над яром долетел треск разламываемых гробовых досок, потом послышалось громкое чавканье... А затем вой.

Когда он снова принялся сыпать вокруг себя соль, руки тряслись у него словно в лихорадке, а губы с трудом удавалось заставить пробормотать заклинание.

Наиболее сильное движение пришлось над яром, в самой старой заросшей ольховником части кладбища. Того, что там происходило, Рейневан, к счастью, не видел, даже молнии не выхватывали из мрака ничего, кроме размытых форм и силуэтов. Однако очень сильные ощущения поставлял слух – разбушевавшаяся среди старых могил компания топала, рычала, выла, свистела, ругалась и вдобавок клацала и скрежетала зубами.

– *Wirfe saltze...*

Какая-то женщина тонко и спазматически хохотала, какой-то баритон под аккомпанемент дикого хохота остальных язвительно пародировал литургию мессы. Кто-то дубасил по барабану.

Из мрака появился скелет. Немного покружил, потом присел на могилу, да так и сидел, обхватив опущенный на грудь череп костяными руками. Вскоре рядом с ним уселось существо с огромными ступнями и тут же принялось их бешено чесать, при этом охая и постанывая. Задумчивый скелет не обращал на него внимания.

Мимо проплелся мухомор на паучьих ногах, за ним вскоре приковывало что-то похожее на пеликана, но вместо перьев покрытое чешуей, причем клюв «пеликана» был полон обломков зубов.

На соседнюю могилу запрыгнула огромная лягушка.

И было там еще что-то. Что-то, что – Рейневан мог поклясться – неотрывно наблюдало за ним. Оно было совершенно скрыто во мраке, невидимо даже при вспышке молний. Но внимательный взгляд выхватывал из тьмы глазища, светящиеся, как гнилушки. И длинные зубы...

– *Wirfe saltze.* – Он сыпанул перед собой остатки соли. – *Wirfe saltze...*

Неожиданно его внимание привлекло медленнодвигающееся светлое пятно. Рейневан следил за ним, ожидая очередной молнии. Когда та сверкнула, он к своему изумлению увидел девушку в белой просторной женской рубахе, срывающую и складывающую в корзину огромную кладбищенскую крапиву. Девушка его тоже заметила. Подошла, правда, не сразу, поставила корзину, не обратив никакого внимания ни на скорбящий скелет, ни на кошмарное творение, чешущее между пальцами огромных ступней.

– Ради удовольствия? – спросила она. – Или по чувству долга?

– Э... По чувству долга... – Он переборол страх и понял, о чем его спрашивают. – Брат... Брата у меня убили. Он здесь лежит...

– Ага. – Она откинула со лба волосы. – А я здесь, видишь, крапиву собираю...

– Чтобы сшить рубахи, – вздохнул он, немного помолчав. – Для братьев, заколдованных в лебедей?

Она долго молчала, потом сказала:

– Станный ты. Крапива пойдет на полотно, а как же. На рубашку. Только не для братьев. У меня братьев нет. А если б были, я б никогда не позволила им надеть такие рубашки.

Она гортанно засмеялась, видя его мину.

– Чего ради ты с ним вообще болтаешь, Элиза? – проговорило то зубастое, невидимое в темноте. – Какой смысл? Утром пройдет дождь, размочит соль. Тогда ему голову отгрызут.

– Это непорядок, – проговорил, не поднимая черепа, скорбный скелет. – Непорядок.

– Конечно же, непорядок, – подтвердила названная Элизой девушка. – Он же Толедо. Один из нас. А нас уже мало осталось.

– Он хотел поговорить с мертвяком, – пояснил появившийся словно ниоткуда карлик с торчащими из-под верхней губы зубами. Он был пузат, как арбуз, голый живот торчал из-под слишком короткой истрепанной камзельки. – С мертвяком хотел поболтать, – повторил карлик. – С братом, который туточки лежит похороненный. Хотел получить ответ на вопросы. Но не получил.

– Значит, надо помочь, – сказала Элиза.

– Конечно, – сказал скелет.

– Само собой, брекекек, – сказала лягушка.

Сверкнула молния, прогреготал гром. Сорвался ветер, зашумел в траве, поднял и закружил сухие листья. Элиза спокойно переступила через насыпанную соль, сильно толкнула Рейневана в грудь. Он упал на могилу, ударился затылком о крест. В глазах сверкнуло, потом потемнело, потом разгорелось опять, но на сей раз это была молния. Земля под спиной покачнулась. И закружилась. Заплясали, затанцевали тени, два круга, попеременно вращающиеся в противоположные стороны около могилы Петерлина.

- Барбела! Геката! Хильда!
- *Magna Mater*¹³⁸.
- Эйя! Эйя!

---

¹³⁸ Великая Матерь (лат.).

Земля под ним закачалась и наклонилась так круто, что Рейневану пришлось поскорее раскинуть руки, чтобы не скатиться и не упасть. Ноги тщетно искали опоры. Однако он не падал. В уши ввинчивались звуки, пение. В глаза врывались видения.

*Veni, veni, venitas,
Ne me mori, ne me mori facias!
Hyrca! Hyrsa! Nazaza!
Trillirivos! Trillirivos! Trillirivos!*

Adsumus, говорит Персеваль, опускаясь на колени перед Граалем. *Adsumus*, повторяет Моисей, сгорбившись под тяжестью скрижалей, которые он несет с горы Синай. *Adsumus*, говорит Иисус, сгибаясь под грузом креста. *Adsumus*, в один голос повторяют рыцари, собравшиеся за столом. *Adsumus! Adsumus!* Мы здесь, Господи, собрались во имя Твое.

Эхо разносится по замку, как гулкий гром, как отзвук далекой грозы, как грохот тарана о городские ворота. И медленно замирает в темных коридорах.

– Приидет странник, – говорит молодая девушка с лисьим лицом и кругами вокруг глаз, в венке из вербы и клевера. – Кто-то уходит, кто-то приходит. *Apaga! Flumen immundissimum draco maleficus...* Не спрашивай странника об имени, оно – тайна. Из ядущего вышло ядомое, и из сильного – сладкое. А виновен кто? Тот, кто скажет правду.

Останутся собравшиеся, заключенные в узилище; они будут заперты в тюрьмах, а через многие годы – наказаны. Берегись Стенолаза, берегись нетопырей, стерегись демона, уничтожающего в полдень, стерегись и того, коий идет во мраке. Любовь, говорит Ганс Майн Игель, любовь сохранит тебе жизнь. Ты скорбишь? – спрашивает пахнущая аиром и мятой девушка. – Скорбишь?

Девушка раздета, она нага нагостью невинной. *Nuditas virtualis*. Она едва видна во мраке. Но так близка, что он чувствует ее тепло.

Солнце, змея и рыба. Змея, рыба и солнце, вписанные в треугольник. Колышется *Narrenturm*, разваливается, превращается в руины, *turris fulgurata*, башня, пораженная молнией, с нее падает несчастный шут, летит вниз к гибели. «Я – тот шут, – проносится в голове Рейневана, – шут и сумасшедший, это падаю я, лечу в бездну, в ад».

Человек, весь в языках пламени, с криком бегущий по тонкому снегу. Церковь в огне.

Рейневан тряхнул головой, чтобы отогнать видения. И тут в розблесках очередной молнии увидел Петерлина.

Привидение, неподвижное, как статуя, вдруг разгорелось неестественным светом. Рейневан увидел, что свет этот, словно солнечный огонь сквозь дырявые стены шалаша, струится из многочисленных ран – в груди, шее и внизу живота.

– Боже, Петерлин, – простонал он. – Как же тебя... Они заплатят мне за это, клянусь! Я отомщу... Отомщу, братишка... Клянусь...

Привидение сделало резкое движение. Явно отрицающее, запрещающее. Да, это был Петерлин. Никто больше, кроме отца, не жестикулировал так, когда против чего-то возражал либо что-то запрещал, когда бранил маленького Рейневана за проказы или шалости.

– Петерлин... Братишка...

Снова тот же жест, только еще более резкий, настойчивый, бурный. Не оставляющий сомнений. Рука, указывающая на юг.

– Беги, – проговорило привидение голосом Элизы, собиравшей крапиву. – Беги, малыш. Далеко. Как можно дальше. За леса. Прежде чем тебя поглотят застенки *Narrenturm*'а, Башни шутов. Убегай. Мчись через горы, прыгай по холмам, *saliens in montibus, transilles colles*.

Земля бешено закружилась. И все оборвалось. Погрузилось во тьму.

На рассвете его разбудил дождь. Он лежал навзничь на могиле брата, неподвижный и отупевший, а капли били его по лицу.

* * *

– Позволь, юноша, – сказал Отто Беесс, каноник Святого Яна Крестителя, препозит вроцлавского капитула. – Позволь я перескажу то, что ты мне рассказал и что заставило меня не доверять собственным ушам. Итак, Конрад, епископ Вроцлава, имея возможность схватить за задницы Стерчей, которые его искренне ненавидят и которых ненавидит он, не делает ничего. Располагая почти неопровержимыми доказательствами причастности Стерчей к кровной мести и убийству, епископ Конрад отмалчивается. Так?

– Именно так, – ответил Гвиберт Банч, секретарь вроцлавского епископа, юный клирик с симпатичной физиономией, чистой кожей и мягкими бархатистыми глазами. – Таково решение. Никаких шагов против рода Стерчей. Даже упоминаний. Даже допросов. Епископ принял это решение в присутствии его преосвященства суфрагана Тильмана и того рыцаря, которому поручено следствие. Того, который сегодня утром приехал во Вроцлав.

– Рыцарь, – повторил каноник, не отрывая взгляда от картины, изображающей мученичество святого Варфоломея, единственного, кроме полки с подсвечниками и распятия, украшения голых стен комнаты. – Рыцарь, который утром приехал во Вроцлав.

Гвиберт Банч сглотнул. Положение, что уж тут говорить, было у него сейчас не из лучших. Да и не было никогда. И не было никаких признаков того, что это со временем изменится.

– Конечно. – Отто Беесс забарабанил пальцами по столу, сосредоточенный, казалось, исключительно на обозрении истязаемого армянами святого. – Конечно. Что за рыцарь, сын мой? Имя? Род? Герб?

– Кхм, – кашлянул клирик, – не было названо ни имени, ни рода. Да и герба у него не было, весь он был в черное облачен. Но я его уже у епископа видывал.

– Так как же он выглядел? Не заставляй меня тянуть тебя за язык.

– Нестарый. Высокий, худощавый. Черные волосы до плеч. Нос длинный, словно клюв... *Tandem*, взгляд какой-то такой... птичий... Пронзительный... *In summa*¹³⁹, холеным его назвать трудно. Но мужественный...

Гвиберт Банч вдруг замолк. Каноник не повернул головы, даже не перестал барабанить пальцами. Он знал тайные эротические наклонности клирика, и то, что он их знал, позволило ему сделать из юноши своего информатора...

– Продолжай.

– Так вот, этот рыцарь, не проявивший, кстати, в присутствии епископа ни покорности, ни даже смущения, сообщил о результатах расследования дела об убийстве господина Барта из Карчина и Петра фон Беляу. А сообщение было такое, что его преосвященство суфраган не выдержал и неожиданно рассмеялся...

Отто Беесс ничего не сказал, лишь поднял брови.

– Этот рыцарь сказал, что всему виною евреи, поскольку поблизости от мест обоих преступлений удалось вынюхать *foetor judaicus*, свойственное евреям зловоние... Чтобы от этой вони отделаться, евреи, как известно, пьют кровь христианскую. Убийство, продолжал пришелец, несмотря на то что его преосвященство Тильман хохотал до упаду, носит все признаки ритуального, и виновных следовало бы искать в ближайших кагалах, особенно в Бжеге, поскольку раввина из Бжега как раз видели в районе Стшелина, к тому же в обществе молодого Рейнмара де Беляу... Того, которого знает ваше преосвященство...

– Знаю. Продолжай.

---

¹³⁹ В общем (лат.).

– В ответ на такие *dictum* его преосвященство суфраган Тильман заметил, что это сказка, а оба убитых пали от ударов мечами. Что господин Альбрехт фон Барт был силач и прирожденный фехтовальщик. Что никакой раввин из Бжега ли, или еще откуда, не управился бы с господином Бартом, даже бейся они талмудами. И снова принялся хохотать до слез.

– А рыцарь?

– А рыцарь сказал, что если не евреи убили благородных господ Барта и Петра Беляу, то это сделал дьявол. Что в итоге одно на одно выходит.

– И что на это епископ Конрад?

– Его милость, – откашлялся клирик, – взглядом испепелил преподобного Тильмана, будучи, видать, недовольным его весельем. И сразу же заговорил. Очень сурово, серьезно и официально, а мне приказал записать, что...

– Расследование он прекращает, – опередил каноник, очень медленно выговаривая слова. – Попросту прекращает расследование.

– Вы прямо ну словно при этом присутствовали. А его преподобие суфраган Тильман сидел и слова не произнес, но выражение лица у него было странное. Епископ Конрад обдумал это и сказал, да гневно так, что истина на его стороне, история это подтвердит и что это *ad maiorem Dei gloriam*¹⁴⁰.

– Так прямо и сказал?

– Именно этими словами. Поэтому не ходите, преподобный отец, с этим делом к епископу. Ручаюсь, ничего вы не добьетесь. Кроме того...

– Что «кроме того»?

– Этот рыцарь сказал епископу, что если в дело об этих двух убийствах будет кто-нибудь вмешиваться, подавать петиции или домогаться расследования, то он желает, чтобы его об этом уведомили.

– Он желает, – повторил Отто Беесс. – А что на это ответил епископ?

– Головой кивал.

– Головой кивал, – повторил каноник, тоже кивнув. – Ну, ну, Конрад, Пяст Олесьницкий. Головой, значит, кивал.

– Кивал, преподобный отец.

Отто Беесс снова взглянул на картину, на истязаемого Варфоломея, с которого армяне сдирали длинные полосы кожи при помощи огромных клещей. «Если верить «Золотой легенде»¹⁴¹, – подумал он, – то над местом мучительства вздымался чудеснейший аромат роз. Как же! Мучения воняют. Над местами пыток вздымается смрад, вонь, зловоние. Над всеми местами казней и мучительств. И над Голгофой тоже. Там тоже, дам голову на отсечение, роз не было. Был, как же точно сказано, *foetor judaicus*».

– Прощу тебя, юноша. Возьми.

Клирик, как обычно, сначала потянулся за кошельком, потом резко отдернул руку, словно каноник подавал ему скорпиона.

– Преподобный отец... – пробормотал он. – Я же не ради... Не ради презренных монет... А только потому, что...

– Возьми, сын мой, возьми, – прервал, покровительственно улыбнувшись, каноник. – Я же говорил тебе, что информатор должен получать оплату. Презирают прежде всего тех, кто доносит безвозмездно. Идеи ради. От страха. От злости и зависти. Я тебе уже говорил: больше, чем за измену, Иуда заслужил презрения за то, что предал дешево.

---

¹⁴⁰ К вящей славе Господней (*лат.*).

¹⁴¹ «Золотая легенда» – известное собрание житий святых, главное произведение Якова Ворагинского (*Jacobus de Voragine*), созданное около 1266 года («*Legenda aurea*»).

Полдень был теплым и погожим – приятное разнообразие после нескольких слякотных дней. В лучах солнца блестела колокольня церкви Марии Магдалины, сверкали крыши каменных домов. Гвиберт Банч потянулся. У каноника он замерзал. Комната была затемнена, от стен несло холодом.

Кроме помещения в доме капитула на Тумском Острове, препозит Отто Беесс держал во Вроцлаве дом на Сапожницкой, неподалеку от рынка, там он привык принимать тех, о визитах которых не следовало говорить вслух, в том числе, конечно, и Гвиберта Банча. Поэтому Гвиберт Банч решил воспользоваться случаем. На Остров ему возвращаться не хотелось, вряд ли епископ потребует его перед вечерней. А от Сапожницкой рукой подать до хорошо знакомого клирику подвальчика за Куриным рынком. И в том подвальчике можно было оставить часть полученных от каноника денег. Гвиберт Банч свято верил, что, расставаясь с этими деньгами, он расстается и с грехом. Покусывая приобретенный в какой-то лавчонке крендель, он для сокращения пути свернул в узкий переулок. Здесь было тихо и безлюдно, настолько безлюдно, что у клирика из-под ног прыснули напуганные появлением человека крысы.

Тут, услышав шелест перьев и хлопанье крыльев, он оглянулся и увидел большого стенолаза, неуклюже пристраивающегося на фризе заложеного кирпичом окна. Банч упустил крендель, быстро попятился, отскочил.

На его глазах птица сползла по стене, скрипя когтями. Расплылась. Выросла. И изменила внешность. Банч хотел крикнуть, но не смог: горло перехватил спазм.

Там, где только что был стенолаз, теперь стоял знакомый клирику рыцарь. Высокий, худощавый, черноволосый, весь в черном, с пронизательным птичьим взглядом.

Банч снова раскрыл рот и снова не смог выдать из себя ничего, кроме тихого хрипа. Рыцарь Стенолаз плавным шагом приблизился. Оказавшись совсем рядом, улыбнулся, подмигнул и сложил губы, посылая клирику весьма чувственный поцелуй. Прежде чем клирик понял, в чем дело, он успел уловить взглядом блеск клинка и получил в живот. На бедра хлынула кровь. Потом получил еще один удар, в бок, нож заскрипел на ребрах. Банч уперся рукой в стену. Третий удар чуть не пригвоздил его к ней.

Теперь он уже мог кричать и крикнул бы, но не успел. Стенолаз подскочил и широким размахом перерезал ему горло.

Скорченный, валяющийся в луже черной крови труп нашли нищие. Прежде чем явилась городская стража, прибежали торговки и перекупщики с Куриного рынка.

Над местом преступления навис ужас. Ужас жуткий, давящий, сворачивающий внутренности. Ужас страшный.

Насколько страшный, что до момента появления стражи никто не отважился украсть кошелек с деньгами, торчащий у убитого из рассеченного ножом рта.

– *Gloria in excelsis Deo*¹⁴², – пропел каноник Отто Беесс, опуская сложенные ладонями руки и склоняя голову перед алтарем. – *Et in terra pax hominibus bonae voluntatis...*¹⁴³

Дьяконы, стоявшие по обе его стороны, приглушенными голосами присоединились к пению. Служивший мессу Отто Беесс, препозит вроцлавского капитула, продолжал механически, рутинно. Мыслями он был далеко.

¹⁴² Слава в вышних Богу (лат.).

¹⁴³ И на земле мир людям благоволения (лат.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.